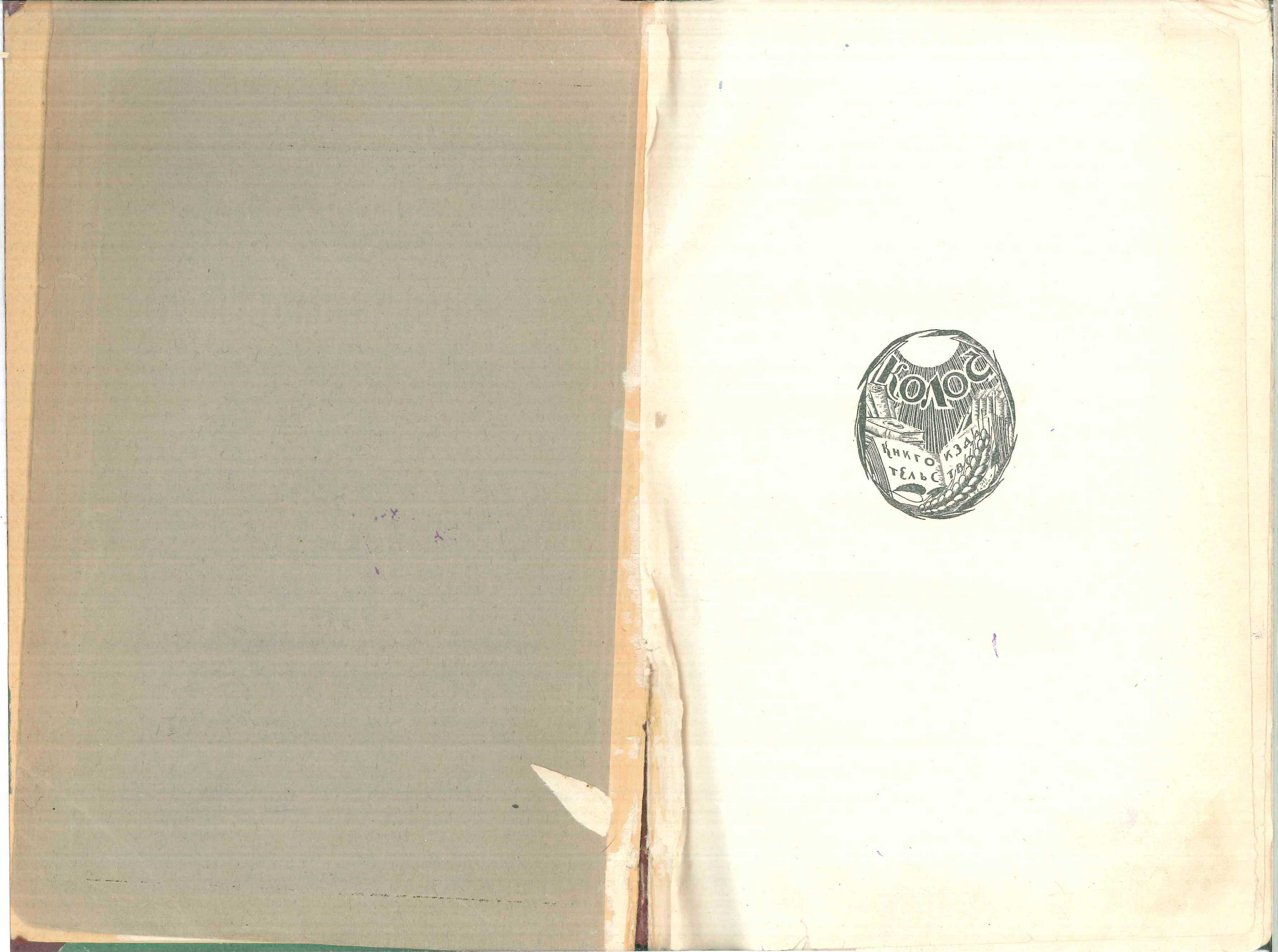
П. Л. ЛАВРОВ

НАРОДНИКИ-ПРОПАГАНДИСТЫ

ЛЕНИНГРАД
«КОЛОС»
1925

КОЛОС
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

П. Л. Лавров

НАРОДНИКИ-ПРОПАГАНДИСТЫ

1873—1878 г.г.

2-е исправленное издание

Издательство „КОЛОС“
ЛЕНИНГРАД
1925

Ленинградский Гублит № 14950. Тираж 3000 экз—17.
Гос. учебно-практическая школа-типография им. тов. Алексеева. Красная, 1.

От издательства.

Печатаемая нами работа П. Л. Лаврова впервые появилась в 1895 и 1896 г.г. в г. Женеве. Она вошла в „Материалы для истории русского социально-революционного движения“, т. X, издание „Группы старых народовольцев“ (в двух выпусках).

В 1907 г. в Петербурге в издании И. М. Розенфельда работа эта вышла отдельной книгой. К сожалению, она имеет ряд пропусков и сокращений, связанных с условиями тогдашней царской цензуры. Издание это давно распродано и является большой библиографической редкостью.

В настоящее время мы выпускаем труд П. Л. Лаврова без всяких изменений, придерживаясь в точности первого заграничного издания, корректуру которого держал в свое время автор.

Несколько слов читателю.

Напомню читателю то обстоятельство, что он имеет перед собою в ряде статей этого отдела не попытку истории данной эпохи, а лишь *материалы* для этой истории, при чем, в значительной мере, лишь такие материалы, которые могли сохранить и собрать люди, отрезанные от России и имеющие мало возможности обращаться за нужными сведениями к наиболее достоверным и богатым источникам. С иными свидетелями событий, о которых приходится говорить, еще опасно для них даже установить сношения. Подпольная литература того времени составляет теперь, во многих случаях, редкость, которую добыть не легко, а иногда и совсем невозможно. Поэтому вообще читатель должен довольствоваться лишь тем материалом, который был доступен авторам статей, входящих в этот отдел, и который, неизбежно, очень неравномерен для различных частей одного и того же этюда.

Для эпохи, о которой будет идти речь в этом очерке, наличный материал представляет два элемента, до некоторой степени независимые один от другого. Это была эпоха, когда заграничная социалистическая литература развивалась одновременно с массовым движением русской социалистической молодежи в народ; но эти два явления, вызванные одним и тем же историческим течением, происходили, каждое, самостоятельно, лишь в некоторой степени оказывая влияние друг на друга. Относительно этих двух элементов пишущий эти строки поставлен в совершенно различное положение. Для литературного движения 1873—1877 годов за границей у меня существуют большею частью данные в достаточном числе, и мои личные воспоминания позволяют мне дополнить эти данные. Но совершенно иное приходится сказать о движении в народ, имевшем место в России. Корреспонденции того времени из России и официальные данные про-

цессов доставляют лишь отрывочные черты. Автору пришлось обратиться к личным воспоминаниям некоторых участников движения, и я не могу не высказать самой искренней благодарности тем из них, которые не отказались помочь мне в этом деле. Этот очерк вышел бы полнее, если бы другие, отчасти обещавшие мне содействие, не нашли невозможным оказать мне его, по крайней мере в настоящее время. Само собою разумеется, что дополнительные сведения, полученные мною, могли служить уяснением лишь в некоторых эпизодах, тогда как другие представляют неустранимые пробелы. Надеюсь, что читатель отнесется снисходительно к этим неизбежным следствиям условий, при которых писан этот очерк. Я позволяю себе надеяться и на то, что в будущем можно будет дополнить сказанное здесь новыми подробностями, которые, впрочем, по моему мнению, едва ли могут изменить картину общего характера событий и их хода.

Так как работа, охватывающая все элементы народнического движения начала 70-х годов, вышла слишком объемиста, то ее оказалось необходимым разделить на несколько частей. В настоящем выпуске „Материалов“ печатаются две первые главы: 1. До 1873 г. и 2. Русское заграничное революционное движение 1873 — 77 годов. В следующих выпусках будут помещены остальные: 3. „Вперед!“, 4. Литературная полемика, 5. Движение в народ и 6. Переход к другой эпохе. Все эти главы уже совершенно готовы, и к их своевременному напечатанию никакого препятствия нет [1]).

П. Л. Лавров.

---

[1]) Материалы, которыми я пользовался, цитированы следующим образом: „Обвинительный акт по делу о преступной пропаганде“ (по процессу 193); вырезки из газет — „Обв“.

Периодические издания: „Колокол“ — „Кол.“; Народное дело“ — „Нар. Д.“ Для „Вперед!“ цитаты, относящиеся к томам непериодического сборника, обозначены римскими цифрами порядка томов; отдел второй („Что делается на родине?“) обозначен буквою А; отдел третий („Летопись рабочего движения“) — буквою Б; цитаты из двухнедельной газеты — арабскими цифрами № последней. Следующее за тем число указывает страницу отдела тома или столбец газеты. Для изданий бакунистов „Наука и насущное революционное дело“ (1870) — „Наука“; „Государственность и Анархия“ (1873) — „Гос. и ан.“; прибавления к этому тому — „Пр.“; „Историческое развитие Интернационала“ — „Ист. р.“. Для якобинских изданий — „Задачи революционной пропаганды в России“ (1874) — „Зад.“ (ответ на это „Русской социально-революционной молодежи“ (1874) — „Р. Мол.“); „Набат“ — „Наб.“ (с указанием номера); „Ораторы бунтовщики перед русской революцией“ — „Ор.“; „Анархия Мысли“ — „Ан“; „Революционная расправа“ — „Р. Р.“ „Община“ — „Общ.“ (с указанием номера). „Вестник Народной Воли“ — „В. Н. В.“ (с указанием тома и стр.) — Это издание — „Мат.“ и „С. Р.“ (с указанием выпуска и страницы).

Брошюры и отдельные издания кроме только-что упомянутых: *Тихомиров*: „Conspirateurs et policiers“ (1887) — „Consp.“; *С. Степняк*: „Подпольная Россия“ — „Под. Р.“, „Воспоминания *Вл. Дебогорий-Мокриевича*“ (1894) — „Восп.“; „Календарь Народной Воли“ (1883) — „Кал.“; „Процесс пятидесяти“ (1877) — „пр. 50“; „София Илларионовна Бардина“ (1883) — „Бард.“; „На Родине“ № 1—3 (1882—83) — „На Р.“ (с указанием номера).

Газету „Работник“, несмотря на все старания, я достать не мог. Так как она была бы особенно полезна для главы 4, то я обращаюсь печатно к читателям, прося их, если будет возможно, доставить мне ее на самое короткое время.

1. До 1873 года.

Характеристическою чертою нашего времени приходится признать развитие и распространение социализма. Все области человеческой мысли и культуры в процессе решения своих социальных задач обусловлены теперь социальным вопросом в его общих чертах и в тех особенностях, которые социальный вопрос получает в каждой стране под влиянием ее предшествующей истории. Все крупные события жизни народов, в наше время совершающиеся под каким бы то ни было влиянием, окрашиваются неизбежно тем обстоятельством, что эти события совершаются в среде, в которой пробудилось и с каждым годом все более устанавливается сознание противоположения классовых интересов рабочих и обладателей орудиями труда и невозможности устранить борьбу этих классов ни государственными, ни национальными, ни какими-либо идейными соображениями. Едва ли можно понять надлежащим образом какое-либо современное явление в любой

области мысли и жизни, не усвоив его более близкого или более отдаленного отношения к социальному вопросу.

Здесь сделана попытка сгруппировать материалы для очерка эпохи, характеризованной для России именно тем, что в русской молодой интеллигенции задачи прогресса для России уяснились по их отношению к принципам социализма в его новейшей форме, именно в форме классового противоположения представителей труда и представителей капитала.

Эти задачи прогресса для России стали с фатальною необходимостью перед русскою интеллигенцией с тех самых пор, когда в ней, как во всякой исторической интеллигенции, проснулась жажда развития. Они приняли определенный характер с той эпохи, когда русская интеллигенция сознала себя, как элемент цивилизационного течения, общеевропейского, человеческого. Этот определенный характер задачи прогресса сохранили для русской интеллигенции, с первого момента своей постановки до настоящей минуты; но в этот промежуток времени они уяснялись лишь постепенно и могли окончательно уясниться, как задачи рабочего социализма, только в последние три десятилетия.

Для русской интеллигенции 70-х годов осталась на первом плане культурная роль, принятая ею на себя с конца XVII-го века — быть посредницею между процессом работы научной, нравственной и философской мысли передовых борцов человечества и многомиллионными массами русского народа. Московское царство, при своем переходе в бюрократически-полицейскую петербургскую империю, оставило эти массы, чуть ли не во всех их слоях, по отношению к мысли и культуре, при самых смутных противонаучных воззрениях византийской схоластики, при самых деморализующих привычках к восточной политической и общественной обрядности, при религиозных переживаниях в самой безжизненной их форме [1]). Пробужденная к новой жизни притоком научных и политических идей, русская передовая интеллигенция была охвачена в начале петербургского периода иллюзиею, что только-что упомянутую культурную роль она может играть вместе с правительством, при его энергическом содействии. Но ей скоро пришлось в этом разувериться. Она могла сделаться культурною силою для

[1]) Ср. между прочим статью *А. Н. Пыпина* в февральской книжке „Вестника Европы“ за 1894 г. и в следующих.

прогресса родины лишь действуя независимо от полицейско-бюрократической власти, действуя *против* последней. И она приняла на себя эту историческую роль. Самым блестящим образом и вполне сознательно выполнила ее в особенности русская интеллигенция 40-х годов XIX-го века проповедью гуманных идей; затем ее преемники 50-х и 60-х годов проповедью научно-философского миросозерцания в его самых передовых формах, устраняя все фантастические создания религиозной фантазии и все метафизические увлечения, еще оказывавшие сильное влияние на интеллигенцию 30-х годов. Эти поколения создали в России умственную атмосферу, которая выработала в лучших их представителях неразрывную связь двух великих принципов человеческого развития: принципа научной критики и принципа самоотверженного служения идее. Она дала возможность последующему поколению, оставаясь по необходимым условиям русского политического строя на почве идейного социализма, тем не менее оказаться восприимчивым к этому социализму в его научных формах. Требования научной критики были так же прочно усвоены поколениями Герценов, Грановских, Бакуниных, а затем Чернышевских и Добролюбовых, как и требования служения общественному благу. Реалистическая русская беллетристика была в то же время проникнута идейными силами. Материалистическое понимание природы не мешало Герценам писать «Кто виноват?» и «С того берега». У развитых русских людей установилось убеждение, что для них научно-философское миросозерцание нераздельно от стремления осуществить передовые идеалы личной и общественной нравственности, нераздельно от борьбы за рациональные формы общественных отношений, за справедливейший общественный строй. Однако лишь к 70-м годам приходится, может быть, отнести усвоение передовою русскою интеллигенциею более определенного убеждения, что это осуществление, эти формы, этот строй могут иметь место лишь путем торжества социалистических принципов, путем победы организующейся армии труда над армиею обладателей и охранителей капитала. Гуманная проповедь идеалистов-борцов за эмансипацию крестьянина и женщины, индивидуалистическое изучение природы, проповедь материалистов-нигилистов базаровского пошиба, находившихся преимущественно под влиянием Писарева, развились лишь в *эту* эпоху в реалистическую проповедь движения в народ. Это движение проповедовали во имя обязанности заплатить долг этому народу, лежащий на интеллигенции; во имя обязанности последней

вызвать в русском работнике, в русском крестьянине то самое сознательное отношение к миру и к общественным задачам, которое создавало на западе армию „пролетариата всех стран“. На нашей родине следовало возникнуть и организоваться, как во всем цивилизованном мире, классу рабочему, который сознал-бы свое необходимое противоположение всем другим общественным классам, а в то же время свое право и свою обязанность поглотить все прочие классы. Культурная роль русской интеллигенции по отношению ее к народу не только не понизилась, но уяснилась для нее более определенно, когда эта интеллигенция стала интеллигенциею социалистическою.

Для русской интеллигенции осталась точно так же на первом плане задача отвоевать у императорского абсолютизма ту политическую свободу, которую в большей или меньшей степени уже отвоевали себе во второй половине XIX-го века народы всех цивилизованных стран мира. Создавая бюрократическо-полицейскую империю по европейским образцам начала XVIII века, Петр I не мог устранить неизбежного последствия, что, вместе с бюрократическо-полицейскими формами, новая европейскаяя культура вносила в Россию и все те политические задачи, всю ту борьбу за власть между классами, сословиями и группами, которая составляла главную ткань внешних событий европейской истории последних веков. Немного лет прошло от смерти Петра I, когда Ягужинские уже говорили: „Батюшки мои, прибавьте нам как можно воли“, а Дм. Мих. Голицыны предлагали императрицам „пункты“ [1]). XVIII-ый век еще не кончился, когда под формалистикою франмасонства представители интеллигенции пытались собственною инициативою, устраняя всякое правительственное содействие, создавать просветительные центры и течения в русском обществе и вызывали этими самыми стремлениями к общественной инициативе жестокое преследование со стороны приятельницы Вольтера и Дидро [2]). Но эти „пункты“ верховников и эти „требования воли“, о которых они мечтали, имели в виду лишь интересы небольшого меньшинства, для самых крайних лишь права „шляхетства“, под которым стонали миллионы крепостных. Просветительные мечты Новикова и его приятелей стояли в прямом противоречии и с существующим закрепощением этих миллионов и с требованиями научного миросозерцания,

[1]) Ср. *П. Милюков*: „Попытки государственных реформ при воцарении императрицы Анны Ивановны“, 8.

[2]) См. статью *Якушкина* о „Новикове“ в „Русских Ведомостях“.

которое одно имело будущность в человечестве. И вот задача „свобод“ в XIX-м веке уже неизбежно усложняется: рядом с проектами „конституций“ у декабристов стоит вопрос об освобождении крестьян. В „Союзах благоденствия“ толкуют о „язве крепостного состояния“, выставляются проекты „сделать поземельную собственность“ некоторым образом общею всем“. Социальная задача юридической эмансипации народа становится одним из догматов политического либерализма [1]). Эта задача выступает на первый план для представителей гуманных идей в эпоху капральства Николая I. Она для них даже заслоняет задачу прямой борьбы с абсолютизмом. Против крепостничества Тургенев произносил свою „Аннибалову клятву“. Против него идет агитация во всей либеральной литературе. Петрашевцы заявляют, что „не имели умысла на бунт“, и ставят настоятельными требованиями лишь „уничтожение крепостного права, введение гласного судопроизводства и дарование свободы слова“. Когда Александр II приступает, под влиянием общественного мнения, к эмансипации крестьян, даже самые независимые заграничные агитаторы восклицают: „Ты победил, Галилеянин“, и высказывают готовность идти не за „Пугачевым“, не „за Пестелем“ а „за Романовым“. Но освобождение крестьян — социальный элемент программы русских либералов 50-х годов — не предполагало еще никакого социалистического взгляда на общественные задачи (как оно не предполагало этого и в других странах, где это самое освобождение скрывало сознанный или несознанный мотив способствования образованию класса *свободных* пролетариев для мануфактур и фабрик капиталистов, не обладавших крепостными, подобно земледельческой аристократии). Это было лишь минимальное идейное условие, без которого не имели никакого смысла ни социалистическая пропаганда русских сен-симонистов и фурьеристов, ни практическое приложение к общественным задачам философских построек русских шеллингистов и гегельянцев, ни даже нравственная задача сторонников гуманных идей в литературе и в жизни.

---

[1]) О декабристах, как предшественниках позднейшей революционной интеллигенции в политических, а отчасти и в социальных задачах, имеется в виду дать специальную статью (А 3). Нам доставлена по этому предмету очень интересная работа, но она, по своему объему, далеко превосходит размеры того, что мы можем напечатать, и поэтому требует, по необходимости, переработки.

Но вот это условие выполнено. Новая пореформенная Россия встает перед глазами нового поколения развитых людей, с ее разорением крестьянина, с его хроническим голоданием и следовательно с неотложным экономическим вопросом: чей труд создал все богатства, и какая часть их приходится на долю того, кто их создал? Тогда только воскресает в новом виде задача „побольше воли“, как задача воли для *всех* русских, и при том такой „воли“ которая была бы и экономическою эмансипациею для трудящихся масс. Появляется подпольная литература листков и прокламаций „Молодой России“ в связи с волнением университетов. Организуется чисто политическое тайное общество „Земля и Воля“ начала 60 годов, цель которого была формулирована следующим образом людьми, которые должны были хорошо знать дело [1]).

„Оно столько же стремилось к самосозванному Народному Собранию, сколько хотело помешать возможной случайности созвания правительством официального Земского Собора, т.-е. дарования какой-либо непристойной конституции.... Оно открыто сознавало, что Народное Собрание обусловливается предварительным уничтожением правительства... Оно хотело таким образом вызвать Народное Собрание для того, чтобы народ сам, собранный в лице своих избранных доверителей, поставил главные основы для своего нового быта“.

Средством для достижения этой цели должны были быть „крепко сплоченная и широко разветвленная организация пропагандистов“ в среде интеллигенции, которая должна была способствовать

„позднейшему образованию другой широкой *Народной Организации вооруженных борцов*, так как жизненный элемент среди образованных сословий... только один и мог нести в народ сознанный революционный помысел“.

Это чисто-политическое движение усложнилось связью с польским вопросом, в котором в это время не было и не могло быть ничего социального. Протесты против подавления народностей польской и украинской входили важным элементом в студенческие движения начала 60-ых годов. Если, по словам „Народного Дела“ (стр. 35), партия „Земли и Воли“ признавала своим долгом „подготовление революции в России на коренных социалистических началах“, то не видно ни из каких данных, чтобы „тайное потебневское общество“ или „офицерский комитет“ имели в виду классовую борьбу представителей труда и капитала. Не социалистическая пропаганда, а обвинение в политическом заговоре было выставлено против М. Л. Михайлова, против Н. Г. Чернышевского, против Николая Серно-Соловьевича для их ссылки в Сибирь. Лишь с разрушением этой политической комбинации, опиравшейся, по плану участников, на организацию революционной интеллигенции, социальный вопрос опять выступает на первый план вследствие все большего усвоения убеждения, что интеллигенции приходится, при самой своей организации, опираться на народ. В 1864—66 годы, рядом с организацией „Ишутинцев“, те же самые революционные кружки, из которых вышел Каракозов, начинают пропаганду среди народа, сперва чисто-культурную, заводят школы для обучения безграмотных, сближаются с народом в ассоциациях, в ремесленных, даже фабричных предприятиях. Когда 4 апреля 1866 вызывает разгром и этих организационных попыток, то обличено бессилие лишь их *политической* стороны; но молодые люди, идущие в тюрьмы, в Сибирь, водворенные в разные глухие углы России, уносят с собою повсюду уже более определенные убеждения относительно задач своей деятельности. Это — первое проявление агитационного *народничества*: надо идти в народ; сближаться с народом, уясняя себе его потребности и указывая ему единственные средства удовлетворить эти потребности; лишь этим путем можно помочь печальному положению отечества. Теперь в нем каждую минуту диктатором от имени императора может явиться Муравьев. Либеральные реформы, сегодня дарованные, могут быть завтра отняты по воле капризного или случайно раздраженного самодержца. Теперь и временное дозволение сравнительно-большей свободы слова, преподавания, ассоциации обращается в России в ловушку для тех, кто думает воспользоваться этим кажущимся либерализмом. Теперь, наконец, народ, лишенный средств ознакомиться с общественными задачами и с заграничными попытками решить их, лишь потому остается бессильным перед своими эксплуататорами, что не знает существенных условий этой эксплуатации. Задачи пропаганды в народе, лишь случайно прерванной политическими попытками интеллигенции, оставались главными задачами нового поколения, а, вследствие исторического течения, именно в эти годы охватывавшего все с большею силою цивилизованный мир, эта пропаганда должна была неизбежно проявлять все более определенно *социалистический* характер. Когда позже течение социалистического

[1]) В „Народном Деле“ № 2—3 стр. 33 и след.

народничества, обнаружив свои недостатки, снова сменилось течением, в котором политические вопросы стали рядом с экономическими (в эпохи второй „Земли и Воли“ и „Народной Воли“), это позднейшее движение не могло уже представить в своей комбинации этих вопросов ту случайность и неопределенность, которую мы замечаем в предыдущие эпохи 40-ых, и 50-ых, и 60-ых годов. Перед поколением конца 70-ых и начала 80-ых годов была уже вполне прочная и ясно-сознанная почва принципов рабочего социализма, выработанная в средине 70-ых годов. „Кающиеся дворяне“ и люди, решившиеся „уплатить свой долг русскому народу“, из неопределенных „нигилистов“ и „народников“, в общественные воззрения которых элемент социалистический входит рядом с другими, сделались вполне сознательными *социалистами*, участниками великой борьбы классов, которая охватывала мир. *Это* именно было дело средины 70-ых годов, т.-е. эпохи, о которой здесь идет речь.

До сих пор все политические и умственные движения в нашем отечестве вырастали из элементов, переданных нам с запада, хотя можно разглядеть при этом перенесении общечеловеческих идей на русскую почву характеристические особенности, обусловленные специальною средою, встречаемою этими идеями на новой почве, при чем уже проявлялось иногда и обратное действие. Но общеисторическое течение и не может уклониться от этого фатального условия. Если московское царство и петербургская империя употребляли все усилия, первое чтобы не дать развиваться в России критической мысли, а вторая чтобы заимствовать из цивилизованных стран исключительно приемы техники и полицейское управление, то не мудрено, что прогресс в России мог иметь место лишь путем перехода в Россию идей, выработанных там, где они имели возможность выработаться.

Принципы социализма не составляют в этом случае исключения. И они пришли к нам с запада, в той последовательности, как они появлялись.

„Из Франции, разумеется не из Франции Луи Филиппа и Гизо, а из Франции Сен-Симона, Кабэ, Фурье, Луи Блана и в особенности Жоржа Занда, лилась на нас вера в человечество; оттуда воссияла нам уверенность, что золотой век не позади а впереди нас“ [1]).

---

[1]) *Щедрин*: „За Рубежом“.

Уже то обстоятельство, что тут фигурирует „в особенности Жорж Занд“, указывает, что экономический вопрос в этом первоначальном русском социализме был заслонен другими. Точно так же впоследствии Фейербах был для социалистов 60 годов более непосредственным учителем, чем Лассаль и Маркс; манифест же коммунистов 1847 г., с его определенною постановкою вопроса, едва ли был кому-либо из них известен. В кружке Петрашевцев, который был одним из центров социалистических идей в России, главные выставленные требования были: уничтожение крепостного права, введение гласного судопроизводства и дарование свободы слова, т.-е. требования, нисколько не выходившие из пределов самой скромной программы либеральной буржуазии. Правда, 7 апреля 1840 г., в день рождения Фурье, произносились речи в честь „нового мира, им открытого“, высказывалась надежда, что „рухнет и развалится все это дряхлое, громадное вековое здание и многих задавит оно при разрушении, надежда на „скорое торжество“. Но социалистические утописты в это время для Европы были чем-то уже совсем устарелым, так как борьба классов там принимала все более сознательный характер; Париж пережил июньские дни; формула: „пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ была уже напечатана, хотя имела очень незначительное распространение. Для социализма, как и для европейской истории вообще, приближался новый период.

Уже гораздо определеннее социализм этого наступающего периода отразился в книге Герцена „С того берега“; „Колокол“, хотя и имел преимущественно характер политический, оставался все-таки органом „неисправимого социалиста“ и до самого конца своего существвания (даже, может быть, всего более, как увидим ниже, в свои последние годы) признавал социализм своим „гражданским катехизисом“. Бакунин был еще в 40-х годах знаком с швейцарскими социалистами кружка Вейтлинга, а по возвращении в Европу из Сибири вступил в организацию Интернационала вскоре после его основания, при чем, конечно, не мог внести в эту организацию своего прирожденного „наслаждения разрушением“. В политико-экономических и публицистических статьях Чернышевского экономический элемент социализма, как критика буржуазной экономики, выступил совершенно определенно [1]).

---

[1]) Герцену, Чернышевскому, Бакунину, точно так же, как эпохе реформ (1855—63) и первой эпохе реакции царствования Александра II, имеется в виду посвятить особые статьи (А. 5—9).

В 1868 году появился и первый орган на русском языке, приступивший определенно к програме Интернационала. Это было „Народное Дело“, первый номер которого вышел 1-го сентября 1868 г. в Женеве.

Оно объявляло (стр. 1)
„единственными вопросами, лежащими в основании всех прочих как в России, так и в других странах.... вопрос об освобождении многомиллионного рабочего люда из-под ярма капитала, наследственной собственности и государства“.

Програма издания начиналась словами:

„Мы хотим полного умственного, социально-экономического и политического освобождения народа“ (6)
и формула „социально-экономическое освобождение“ пояснялась словами, напечатанными крупным шрифтом:

„Земля принадлежит только тем, кто ее обрабатывает своими руками — земледельческим общинам. Капиталы и все орудия работы работникам — рабочим ассоциациям“.

Политический элемент программы определяется следующим образом:

„Вся будущая политическая организация должна быть ни чем другим, как свободною федерациею вольных рабочих как земледельческих, так и фабрично-ремесленных артелей (ассоциаций)“.

Далее это разъяснялось, как „окончательное разрушение государства“, „искоренение всякой государственности“, требование „полной воли для всех народов, ныне угнетенных (Российскою) империею“ и „федерация снизу вверх“ для тех, которые „*захотят* быть членами русского народа“ (7).

В первом же выпуске начат был ряд статей, задача которых была критика „правительственных реформ“, о которых тут же высказывалось: „Государство хотело только разыграть и действительно разыграло комедию“ (11). Во втором (№№ 2-3; октябрь 1868) журнал объявил себя „органом революционной пропаганды“ (25) и связывал в руководящей статье („Пропаганда и организация. Дело прошлое и дело нынешнее“) свое появление с упомянутою выше „организациею пропагандистов“ начала 60-х годов, которая должна была подготовлять „народную организацию вооруженных борцов“. С третьего выпуска (№№ 4-5; 6 мая 1869) начались два ряда статей („Политика мещанства и политика социализма“ и „Отдел интернациональной ассоциации“), устанавливавших солидарность издателей с рабочим движе-

нием Интернационала. Русские социалисты вместе с тем входили элементом в мировую борьбу труда с капиталом.

Но особенности страны, в которой выработался этот элемент, социальные условия, которые выработали его именно таким, каким он представлялся в конце 60-ых годов, характер личностей, выдвинутых обстоятельствами на первое место в развивающемся движении, отозвались неизбежно на формах проявления русского революционного социализма с первых же фазисов его участия в этой великой мировой борьбе.

В „Манифесте коммунистов“ 1847 года, формулировавшем все последующее социалистическое движение знаменитым изречением: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“, это изречение было обращено к пролетариату. Этот пролетариат был продуктом развития ремесленной и фабричной индустрии, а возможность его „соединения“ обусловливалась на западе более или менее обширною почвою политических свобод, отвоеванных одними народами и неудержимо распространившихся на другие даже помимо юридических норм, вследствие общего исторического течения. Сознание рабочих как класса, экономические интересы которого были противоположны интересам других классов, было основным требованием, и дополнительная аксиома, прибавившаяся к первому воззванию: „эмансипация рабочих должна быть делом самих рабочих“, была ничем иным, как более определенною формулировкою этого самого классового сознания рабочих. Перед этими *экономическими* мотивами социалистического движения отступили на второй план все остальные его элементы. Так, немецкие социалисты, в огромном большинстве, были последователями того антропологического материализма, выросшего на почве развития левой стороны гегельянцев, самым талантливым представителем которого был Людвиг Фейербах. Точно так же во всех отраслях европейского социализма господствовало сознание, что традиционные семейные порядки не соответствуют уже новому пониманию правильного общественного строя, и что положение женщины должно радикально измениться при господстве социалистических принципов. Однако в 60-ые года экономический вопрос борьбы классов и организация труда настолько уже заслонили эти задачи философского миросозерцания и революции в семейном строе, что стала немыслима в социалистическом движении Европы, которое все делалось *рабочим* движением, та полемика о

„новом христианстве", которая играла такую видную роль в 30-ых годах у сенсимонистов и позже у сторонников и противников Кабэ, и то радикальное значение вопроса об отношении между полами, которое когда-то повело к расколу между Анфантеном и Базаром, а позже создало в Америке секты перфекционистов и другие тому подобные. Все теоретические, политические, культурные элементы европейского социализма в эту эпоху решительно заслонялись экономическою задачею противоположения класса рабочих, в его попытках организоваться, классу его экономических эксплуататоров.

Но именно эта характеристическая черта европейского социализма 60-ых годов отсутствовала в России. Юридические условия для всего населения были таковы, что всякая неофициальная инициатива реформ общественного быта была почти невозможна. Огромная масса этого населения пережила несколько веков закрепощения, и вне микроскопических элементов сельского мира и рабочей артели ни о какой зародышной организации рабочих не могло быть и речи. Московское татарско-византийское царство и петербургская полицейски-бюрократическая империя в продолжение тех же веков искоренили, повидимому, в народе все старинные вечевые и казацкие традиции самоуправления и отстаивания своих прав. Все человечные идеи, за которые боролись люди 40-ых годов, все политические идеалы, которые ласкали воображение небольшого меньшинства в самой среде господствующих классов, были идеями и идеалами, почерпнутыми не из русского предания, не из местного развития страны, а из европейской эволюции мысли. Ни многомиллионное крестьянство, ни сравнительно небольшое число рабочих, занятых на казенных горных и оружейных заводах и на частных фабриках, не имели никакой подготовки и никакой возможности выступить собственными силами как *сознательный класс*. Социализм, постепенно проникший в Россию в течение XIX века, не мог до 70-х годов проявиться в ней как социализм *рабочий*. Это проявление могло иметь место лишь в форме *идейного* исторического течения, воспринятого теми группами, которые одни были доступны этому течению, оно могло проникать в общество исключительно теми путями, которые были *ему* свойственны, как течению идейному, и в такой форме, которая соответствовала общественному положению групп, являвшихся при этом инициаторами.

Социалистические идеи, подобно всем другим исторически выработанным в человечестве прогрессивным идеям, проникли в Россию при посредстве передовых групп интеллигенции господствующих классов. Орудием этого проникновения и распространения могла сделаться лишь передовая литература, действовавшая на среду, которой было доступно сравнительно-высшее образование. Социалистическое движение в России неизбежно должно было, поэтому, обратиться при своем появлении прежде всего к вопросам, вызванным интересами этого сравнительно высшего класса, к борьбе за рациональное миросозерцание, за свободу и искренность чувства, к вопросам об умственной и нравственной выработке личности, к вопросам философским, семейным, культурным, политическим, и лишь затем могло перейти к экономическим, тогда как именно последние в Европе выступили уже на первый план как требование организации рабочего пролетариата и как требование его эмансипации его собственными силами.

Именно поэтому русская литература XIX века до 70-х годов получила то исключительное значение, которое побудило автора очерка этой литературы 1848—55 годов (очерка недозволенного к распространению) сказать об ней:

„Русская литература является центральным проявлением всех интеллектуальных и нравственных сил русского духа... Литература была в то время единственным *общественным* учреждением в России, единственным проявлением, единственным органом общественной мысли".

Именно потому в движении оппозиционной мысли в России этой эпохи такую видную роль играют волнения в русских университетах до того, что молодежь высших школ выступает и в организации революционных сил начала 60-х годов, как самый серьезный элемент (чего не могло уже быть в Европе с 1848 г.); что эти социалисты-революционеры пытаются прежде всего создать в среде интеллигенции „организацию пропагандистов", которая лишь позже имеет в виду перейти в „Народную организацию вооруженных борцов"; что даже в первых номерах „Народного Дела" университетские дела и университетские волнения имеют для редакции весьма крупное общественное значение.

Именно потому в „нигилистическом" движении 60-х годов вопросы о материалистическом миросозерцании, об изучении природы или общества, как об основе саморазвития, о типе Базарова, как образце или как карикатуре, получают первостепенное значение в заботах передовой молодежи; Фейербах, Молешот и Бюхнер становятся настольными книгами, когда еще никто не знаком с „Манифестом коммунистов";

наконец и позже, в программе „Народного Дела“ на первое место поставлено „умственное освобождение“, т.-е. исповедание „атеизма и материализма“, которое не встречаем на этом месте нигде в программах рабочего движения Европы. Следы этой особенности встречаются даже в программе „Вперед!“ („Вп.“ I, 3).

Именно потому социализм проникает в большинство русской интеллигенции прежде всего не как вопрос революции экономической, а как задача революции семейной, как борьба „отцов“ и „детей“, как проповедь искренности и свободы в личных отношениях, выступая то как право свободного наслаждения, то как аскетизм, отрицающий эффект личной привязанности во имя служения общественному делу [1].

Именно потому вообще социализм русский в своей проповеди и в своем распространении придает такое громадное значение личному поведению, личной «жизни по природе и правде», воплощению личностью в частную деятельность требований, поставленных этой личности социалистическими принципами; требованиям, которых почти нигде не видим у социалистов западной Европы в 60-х годах, когда социалистическая нравственность обусловливалась почти исключительно искренним и деятельным участием в расширяющейся и заостряющейся классовой борьбе.

Особенности русского социализма от европейского в 60-х и 70-х годах существенно обусловливались тем, что последний развивался на почве организации рабочего класса, отстаивавшего свои *интересы* против *интересов* обладателей орудиями труда; первый же выступал как идейное течение в интеллигенции, как нравственное убеждение, выработанное людьми развитыми или жаждущими развития, как требование, *ими* поставленное правильной личной жизни и справедливого общественного строя. Лишь постепенно это идейное-социалистическое движение с почвы побочных вопросов социализма перешло к сознательному выставлению на вид его основных, экономических вопросов.

---

[1]) Не лишена правдоподобия гипотеза, что огромное место, которое придавали женскому вопросу поколения 50-ых и 60-ых годов в литературе и в жизни, не осталось без влияния на то обстоятельство, что в начале 70-ых годов, как указано ниже, *женский* кружок Перовской, Корниловых и их приятельниц положил основание группировке так называемых „чайковцев“, а через несколько лет опять таки *женский* кружок цюрихских „фричей“ и позднейших „московок“ впервые поставил на первое место в русском социалистическом движении задачу правильной организации.

Однако в 1873 году это уже имело место. С 1868 года существовал в России уже литературный орган, продолжавший дело Чернышевского и Добролюбова, орган, о котором в „Воспоминаниях землевольца“ [1]) было сказано:

„Отрицание и критика буржуазного строя и либерализма... принимают (в нем) крайне острый, напряженный характер. Социалистические симпатии с одной стороны, вопиющие факты заграничной жизни, ярко иллюстрирующие „систему наибольшего производства“— с другой, бесповоротно решают отрицательные их отношения к буржуазному типу общественной организации и к нравственно-политической доктрине его — либерализму. Либерализм подвергается тщательной критике с различных точек зрения и по самым разнообразным поводам... *Резкое разграничение интересов общества* от интересов *народа*, как *рабочей* массы — вот тот неизменный основной критерий, с точки зрения которого рассматриваются, исследуются и освещаются все более или менее крупные общественно-экономические явления. Таким образом, социалистические симпатии, если не социалистическое миросозерцание, служат несомненно той высшей инстанцией, к которой они аппелируют всякий раз, когда представляется затруднение при постановке или решении той или иной социальной проблемы“.

Личности, которые были выдвинуты в первые ряды русского движения в конце 60-ых годов, прибавили к этим его общим особенностям свои индивидуальные черты, которые, обнаруживаясь в среде эмиграции, вдали от родной почвы и настоящего общего дела, почти неизбежно вызывали столкновения более или менее прямые.

Герцен, вынесший на своих плечах весь первый период создания заграничной русской влиятельной прессы, по своему блестящему таланту и по силе мысли не мог не занимать самого видного места. Но оставив Россию в 1847 г. и принимая с той же эпохи участие в различных эпизодах борьбы европейской передовой мысли, он, в конце 60-ых годов, имел перед собою и в России, и заграницею новые течения, сущность которых ему уже трудно было усвоить надлежащим образом. В конце 40-ых годов в Европе ряд незначительных оттенков связывал еще наиболее крайних представителей

---

[1]) Наше издание имело уже случай ими пользоваться. См. *Е. Серебряков.* „Общество Земли и Воли“ в № 4 „Материалов“, стр. 4 и след.

буржуазного радикализма с социалистами разных толков и фракций. К одному и тому же миру принадлежали и социалисты Герцен, Прудон, Луи Блан с одной стороны, и противники социализма вроде Маццини, и последний рыцарь гуманитарного либерализма старого типа, Гарибальди, чуждый теоретических вопросов социализма, но готовый биться за всякую передовую идею. После организации Интернационала этот мир распался на два лагеря, вражда которых росла с каждым днем. И в России те группы, которые выработались под влиянием Чернышевского и Добролюбова, особенно после ссылки первого и смерти второго, тот „нигилизм", который боролся орудием „Свистка", признавал своим типом Базарова или видел в нем карикатуру, были вовсе не похожи ни на кружки, в которых участвовал или с которыми боролся автор „Кто виноват?" и философских статей о природе, ни даже на тех корреспондентов Герцена в 50-ых и 60-ых годах, которые чуть-ли не видели в реформах Александра II *окончательное* торжество русского либерализма, опасаясь всяких дальнейших требований, как „преждевременных", и которые в своей корреспонденции с издателем „Полярной Звезды" и „Колокола" [1]) обнаруживали вполне дряблость русского либерализма, сделавшую его бессильным помешать как реакции конца 60-ых годов, так и всему дальнейшему ее развитию до нашего времени. Обличение старого либерализма, немедленный протест против всякого отклонения правительства от реформационного пути, попытка организовать систематическую агитацию в обществе на почве крайних политических и экономических требований — таковы были задачи, последовательно выступавшие перед поколениями, которые развились в России после отъезда из нее Герцена, и в форме, принимаемой почти неизбежно этою борьбою, было многое, что противоречило его натуре и оскорбляло его привычки мысли. Герцен продолжал повторять, что „Колокол" остался чем он был — органом *социального развития в России*" (янв. 1865 г.); признавал, что пропаганда идей и организация „кругов" для этого одинаково важны; что „наши десять заповедей, наш гражданский катехизис — в социализме" (1 июня 1865); что „общественная задача западной цивилизации в России состояла *в объяснении социальных начал русского быта и в усвоении соци-*

---

[1]) См. „Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену" (1892) и примечания М. Драгоманова.

альных идей Запада" (1 авг. 1865). И другие голоса в „Колоколе" провозглашали, что „социализм — разумная необходимость" (1 окт. 1865), или посвящали разбору „происхождения социализма" и тому, „что он такое", целый ряд статей. Еще позже Герцен определил „русский социализм", как тот, который „идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного управления — и идет вместе с работничьей артелью навстречу той экономической *справедливости*, к которой стремится социализм вообще, и которую подтверждает наука". Он характеризовал среду, находившуюся под влиянием Чернышевского, как среду „городскую, университетскую, среду развитой скорби, сознательного недовольства и негодования", которая „состояла исключительно из работников умственного движения, из пролетариата интеллигенции, из „способностей" (1 февр. 1867). Приостанавливая издание „Колокола", оглядываясь на 2002 страницы его десятилетия 1857—1867 годов и формулируя еще раз его направление, Герцен говорил: „Колокол был и будет прежде всего органом *русского социализма и его развития*, социализма аграрного и артельного, сельского и городского, государственного и областного" (1 июля 1867). Но именно в эти годы, когда он резче и определеннее подчеркивал свои социалистические убеждения и аграрный элемент, их характеризовавший, около него начала образовываться пустота. „Апогей" 1857—1863 годов постепенно переходил в „перигей". Польское дело 1863 года было характеристическим явлением в этом изменении (хотя не существенною его причиною). В то время как самые горячие умы (из тех самых, которые составили потом заграницею наиболее резкую оппозицию влиянию Герцена во второй половине 60-ых годов) вели битву против императорского абсолютизма в рядах восставших поляков (подобно тому, как пробовал это сделать и Бакунин) и потому находили отношение Герцена к польскому делу слишком платоническим, его прежние „либеральные" друзья, испугавшись реакционной проповеди Каткова и его усиливающегося влияния, протестовали против того, что „Колокол" компрометирует себя сочувствием полякам. Уже в октябре 1864 г. начали ходить слухи, что „Колокол" прекращается (15 окт.). Через год пришлось сознаться, что „враги захватили с собою девять десятых друзей" (1 дек. 1865). Положение стало еще хуже с перенесением дела из Лондона в Женеву. В июле 1867 оказалось необходимым приостановить издание, которое затем, переходя из рук

в руки, никогда уже не могло занять своего прежнего положения. Но отошли не только „либеральные" друзья. Все более определенная политическая оппозиция в поколении, воспитанном Чернышевским и потом выступившем с „Молодой Россиею", с „Великорусом", и „Народным Делом", раздражалась теми уступками, которые, как им казалось, делал Герцен. Она не могла уже допускать, чтобы знаменоносец общественной оппозиции обращался с письмом к Александру II (21 мая 1865), чтобы он вступил в мирные прения с Ив. Аксаковым (15 апр 1867). Для русских революционеров представителем их умственного течения заграницею становился уже не Герцен.

В 1861 году после 13 лет тюрьмы и ссылки появился снова за границей Бакунин. Он еще ранее Герцена оставил Россию, еще менее его мог знать новые течения, в ней образовавшиеся; но для него всякое революционное дело во имя какого угодно принципа (социалистического, радикального, национального или какого-либо другого) было дело ему милое и близкое. Его прошедшее окружало его для всех недовольных в России блестящим ореолом. Его чарующее влияние на личности и сила внушения, которою он обладал, немедленно создали около него группы приверженцев, которые в его безусловно-революционном строе мысли находили привлекательность бо́льшую, чем у Герцена, с его язвительным остроумием, в достаточной мере проникнутом скептицизмом, и с его симпатиею к более изящному радикализму.

Нисколько не внося в свое разногласие раздражения, эти два старшие героя тогдашней эмиграции были, независимо от своей воли, сторонниками двух различных направлений, и их полемика (напечатанная лишь впоследствии) читалась с жаром русскими эмигрантами всех оттенков. Их обоих, как признавал Герцен [1]), „занимал один и тот-же вопрос", единственный „*серьезный* вопрос, существовавший на историческом череду". Но для Герцена это было „время окончательного изучения... которое должно предшествовать эпохе осуществления". Он спрашивал себя в 1869 г.: „готова ли та среда, которая по положению должна первая ринуться в дело?" Он понимал социальную битву преимущественно как битву, чтобы „войти в ширь понимания, в мир *свободы в разуме*". Его не пугало слово „постепенность". Он формулировал свое разногласие с Бакуниным в словах:

[1]) „К старому товарищу" в „Сборнике посмертных статей" стр. 283 и след.

„Ты рвешься вперед по прежнему с страстью разрушения, которую принимаешь за творческую страсть.... ломая препятствия и уважая историю только в будущем. Я не верю в прежние революционные пути и стараюсь понять *шаг* людской в былом и настоящем для того, чтобы знать, как идти с ним в ногу".

За несколько месяцев до смерти Герцен должен был с горьким чувством писать товарищам, стоявшим пред теми же вопросами как и он:

„мозг мой отказывается понимать многое из того, что вам кажется ясным",

и ему приходилось возмущаться против „иконоборцев", дошедших до „гонения науки", тогда как для него существовали

„один голос и одна власть — *власть разума и понимания*".

Бакунина эти соображения не останавливали и не могли останавливать. Но и он не был уже в это время единственною резко оппозиционною силою, перед которою бледнело влияние Герцена.

За границу явились, как новый слой эмиграции, ученики Чернышевского и Добролюбова, сторонники первой „Земли и Воли" и русские, стоявшие в рядах польских повстанцев 1863 г. Извещая „центральный комитет общества „Земли и Воли" 28 июля 1863 г. о своем благополучном бегстве за границу, Николай Утин был не только новым одиноким эмигрантом, которому подобно прежним приходилось создавать себе почву деятельности и связи с покинутою родиною. Он являлся представителем существующей уже в России революционной организации, и, привыкнув к тому влиянию, которое он имел в университетской молодежи Петербурга, даровитый и самолюбивый молодой человек готовился не к подчиненной роли рядом со старыми эмигрантами. Вся новая эмигрантская молодежь приносила в своем „нигилизме" за границу не дух дисциплины, а резкую решимость придать эмиграции, в связи с революционным движением в России, характер, которого не знали представители знаменитых 40-ых годов, какими были и Герцен и Бакунин. Это молодое непокорство еще резче выступило в болезненной натуре Александра Серно-Соловьевича, которая довела его впоследствии до психиатрического приюта, а ранее того обнаруживалась в желчных памфлетах против Герцена и в грубой полемике с Н. Еще новый раздражительный элемент революционного авторитаризма, бесцеремонной игры личностями для революционной цели и феноменально-непреклонной энергии вошел в эмиграцию с по-

явлением там Нечаева. И вот 1860—1870 годы представляют ряд заграничных литературных предприятий, появляющихся и исчезающих, переходящих из одних рук в другие и самым составом своих редакций обнаруживающих трудно-примиримые разногласия направлений. Бакунин с Утиным начинают „Народное Дело" осенью в 1868 г. Первый номер его, по собственным словам Бакунина („Наука и насущное революционное дело" вып. 1, стр. 1), „почти исключительно принадлежит" ему, однако влияние новых элементов, пришедших в эмиграцию из России за последние годы, было очень заметно. Уже во втором выпуске Бакунин публично отрекается от участия в издании. В мае того же года Л. И. Мечников и Н. основывают „Современность". В декабре Герцен предлагает Огареву приостановить издание „Колокола". В ноябре 1869 г. „Народное Дело", вооружаясь против влияния Нечаева, печатает резкий запрос Герцену, Огареву и Бакунину. Чрез 2 месяца после того умирает Герцен, и смерть великого борца за дело русского народа и русской интеллигенции проходит почти незаметной для России и даже для русской эмиграции, главный центр которой он составлял в продолжение более 20 лет. С его смертью „Колокол" передается Огаревым в руки Бакунина и Нечаева, сумевшего подчинить своей энергии Бакунина, и в мае окончательно прекращает свое существование. В его последних номерах находим несколько документов по делу Нечаева, и влияние последнего на издание несомненно. В № 5 (от 2 мая) встречаем в нем объявление о брошюре Бакунина: „Наука и насущное революционное дело" № 1 [1]). Вскоре за тем (по свидетельству лиц, лично стоявших близко к Бакунину), он разрывает компрометировавшую его связь с Нечаевым. С другой стороны, начинается самая желчная вражда против Бакунина со стороны Н. Утина, который в последующие годы все более разжигает враждебность против него со стороны К. Маркса и Фр. Энгельса, пока „поумнев", не изменяет и этим своим союзникам, социализму и русской революции вообще, доставляя один из ранних примеров крупного ренегатства в рядах русских социалистов — увы! не последний. Но в России имя Бакунина получает все более широкое значение. В Петербурге в кружке, собиравшемся у Лазаря Гольденберга ведутся горячие прения по поводу его статей в первом выпуске „Народного Дела". Его речи на конгрессах мира и свободы и Интернационала проникают в отдаленные уголки страны [1]). В воспоминаниях „землевольца" находим следующие строки, характеризующие тот взгляд, который господствовал относительно Бакунина в России:

[1]) Так как эта брошюра представляет одно из самых определенных изложений теоретической программы русских бакунистов 1873—76 годов, то я считаю удобнейшим привести из нее цитаты в одной из следующих глав, говоря о позднейшей деятельности этой фракции, хотя брошюра и появилась в 1870 г.

„Мы лично не знали Бакунина, но то, что мы слышали от других, напоминает что-то сказочное, эпическое. Это — Святогор, которого не могла снести Русская земля. В старину такие люди становились атаманами *„воровских шаек"*, вольницы, защитниками народных прав и бичами его притеснителей. В настоящее время, при благоприятных политических обстоятельствах, такие люди становились народными трибунами. Таким, действительно, был Бакунин на Западе. Он там хорошо известен. Буржуазная Европа приходила в ужас при одном только имени этого „апостола всеобщего разрушения" [2]). Его считают творцом анархического движения в Италии, Испании и Франции. Он пользовался громадной популярностью среди рабочих, особенно итальянских. Такой человек, естественно, должен был оказывать громадное влияние на молодежь".

Но 1870—71 года должны были быть и для Европы и для России годами, когда внешние исторические катастрофы не могли не подействовать энергически на работу мысли. Падение императорской Франции, вызывавшей ненависть всего мыслящего, и смена ее республикою, при возникновении рядом с этим нового, еще более грубого и возмутительного, немецкого цезаризма, разом перенесло симпатии русской оппозиционной молодежи снова к Франции. Когда же Коммуна 1871 г. развернула над Парижем красное знамя социальной республики (как ни была в сущности недостаточно проникнута социалистическими идеями организация возмутившегося Парижа), когда в далеких углах России стали рассказывать о попытке неисправимого революционера Бакунина вызвать революцию в Лионе и стали читать „Международную войну" Маркса, тогда в мысли русской социалистической интеллигенции, на почве совершившихся исторических фактов, с новою

[1]) Отрывки из них, между прочим, были переведены в отдаленном Кадникове для воспитанников Вологодской учительской семинарии.

[2]) Слова в ковычках принадлежат Лавеле (Revue des deux mondes).

ясностью и с новою энергиею возникло сознание интернационального стремления и потребности бороться с реакционным направлением, все возмутительнее искажавшим пресловутые „реформы“ Александра II.

Этому содействовал и процесс Нечаевцев, который, с одной стороны, вызвал в русской читающей публике вопросы о задачах общественного строя и о способах борьбы против правительства, до тех пор не представлявшиеся многим умам. С другой же стороны, возмущение в интеллигентных кружках против приемов, употреблявшихся Нечаевым по отношению к товарищам, выставило для этой интеллигенции на первый план нравственный вопрос о дозволительном и недозволительном для революционера. По свидетельству Л. Э. Шишко, Нечаев пробовал заводить сношения с кружком Чайковцев и вообще в Петербурге, но неудачно. Дебогорий-Мокриевич в своих „Воспоминаниях“ (стр. 7 и след.) передает смешанные впечатления от нечаевского процесса следующим образом:

„Большинство подсудимых оказывалось простым орудием в руках Нечаева, которому удалось избежать суда, скрывшись за границу. Но если показания подсудимых, с одной стороны, и раскрывали перед публикой некоторые непривлекательные стороны дела и в частности поведения самого Нечаева, прибегавшего к мистификации и обману своих товарищей, — то, с другой стороны, эти же подсудимые указывали на нужду и страдания народной массы, как на единственную причину, побудившую их принять участие в заговоре. Смелое поведение на суде Успенского и Прыжова, двух главных обвиняемых, окончательно завоевывало симпатии к ним, делая из них мучеников за народ. Конечно, можно было не соглашаться и спорить против пути, избранного ими для достижения народного блага, можно было находить его даже ложным, но с нравственной стороны они были всецело правы, так как действовали согласно со своими убеждениями и не отступали перед препятствиями; более того — они не задумывались пожертвовать своею жизнью ради дела, в которое верили. Это горячее отношение к делу, это самопожертвование составляло положительную сторону нечаевцев и невольно звало к подражанию. Народ наш действительно нуждался и страдал; это я видел собственными глазами. Для добычи куска хлеба он работает с раннего утра до вечера, от зари до зари, с небольшими перерывами для обеда; и так изо дня в день, из года в год, до самой смерти. У него нет времени для образования или чтения, нет досуга для развлечений. Ужасная

жизнь!.... И всякий честный человек, действительно должен работать на пользу этого несчастного замученного народа. Вот это-то стремление, шевелившееся раньше где-то на дне души, было окончательно пробуждено во мне нечаевским процессом“.

Однако преобладало отрицательное отношение к тактике Нечаева. „Всеми порицалось поведение Нечаева, как оно выяснилось на суде, тщательно скрывавшего свои поступки от товарищей по делу и державшего их в полном неведении относительно своих намерений. Слово „нечаевщина“ сделалось нарицательным и стало употребляться в тех случаях, когда желали обозначить какую-либо дутую затею, построенную на обмане товарищей“.

И позже, в „Сытых и голодных“ (стр. 424 и след.), отрицательное отношение к „нечаевщине“ было вполне определенно [1]).

Указанному возбуждению умов молодежи в значительной мере содействовали в эти самые годы — рядом с журнальными статьями о Лассале и с романом Шпильгагена, в котором он фигурировал как герой, рядом с романами Швейцера и других — появление русских переводов самих произведений Лассаля, первого тома „Капитала“ Маркса, распространение книги Флеровского (Берви) о положении русского рабочего и, может быть, некоторых других произведений того же времени [2]).

Под всеми этими влияниями в мысли русской передовой интеллигенции произошло возбуждение, о котором можно было сказать впоследствии (в 1879 г.) [3]):

...„Едва ли для какой-либо страны годы, прошедшие после Парижской Коммуны, имели столь важное значение, как для России. Лица, оста-

---

[1]) Известно, что в 1883 г. многие социалисты и революционеры возмущались, встретив портрет Нечаева в „Календаре Народной Воли“.

[2]) Так, например, свидетели сообщают, что в 1872 г. в Михайловском артиллерийском училище „Лассаля читали *все*“, точно так же, как роман Шпильгагена „Один в поле не воин“ и социалистический роман Швейцера „Эмму“. Осенью 1873 г. там было уже 2 экземпляра первого тома „Капитала“. Там же в 1870 г. ходил по рукам номер „Народного Дела“. По свидетельству И. В. Бохановского в 1872 году в Киеве между студентами совершенно открыто ходили по рукам сочинения Лассаля; и „Воспоминания (14) Дебогория-Мокриевича (цитата из которых, сюда относящаяся, будет приведена ниже) подтверждают это“.

[3]) „18 Марта 1871 г.“ стр. 201 и след.

вившие Россию в 1870 году, имели перед собою страну, где оппозиционное движение как бы замерло или значительно ослабело... В 1870 году трудно было иметь надежду на быстрое возникновение сильного оппозиционного движения. Тем не менее оно произошло, и мне нечего напоминать моим слушателям о его разливе в последние годы".

Возбуждение в живой молодежи было тем сильнее, что оно являлось протестом развитой интеллигенции против реакции свыше и против бездеятельности общества. В последнем распространялось разочарование в реформистском направлении правительства, а с тем вместе и упадок духа. Наглядно разорялся народ под растущим влиянием „чумазых" и нового закрепощения крестьянина кулаку [1]). Относительно упадка духа в обществе, недавно напечатанные в „Русском Архиве" (сент. 1894) „Памятные записки С. М. Сухотина" замечают следующее в средине 1872 г.

„Равнодушие к общественным делам и нерасположение правительства к серьезным, бодрым и патриотическим деятелям представляют мало утешительного.... Говоря об этом грустном положении, я передаю всеобщий отголосок".

То же находим в „Воспоминаниях землевольца" [2]). Автор их пишет:

„За всеобщим оживлением, ознаменовавшим конец 50-х и начало 60-х годов, в виду открывшихся тогда широких перспектив, последовала всеобщая апатия и упадок умственных и нравственных сил. Всем стали слишком очевидны вся пустота либеральных реформ и бесплодность либеральных усилий. Искренние либералы наши пришли в ужас и отчаяние. Вместо „широких задач", к которым наша либеральная партия была всегда такая охотница (по крайней мере на словах), вместо великих целей, она занялась скучной и кропотливой детальной разработкой тех либеральных учреждений, негодность которых и без того бросалась в глаза".

В эпоху этого-то упадка духа в официальном и в либеральном слоях русского общества, среди молодежи, воспитывавшейся на социаль-

[1]) Для последнего см. недавно появившуюся книгу *Г. П. Сазонова*: „Ростовщичество-кулачество" (1894).

[2]) Автором этих воспоминаний является О. В. Аптекман. Они вышли в 1906 г. под заглавием „Из истории революционного народничества — „Земля и Воля" 70-х годов", изд. „Донская Речь". Книга эта была арестована и затем уничтожена. Второе издание ее вышло в 1924 году в изд. „Колос".
Редакция.

но-нравственной проповеди Чернышевского, Добролюбова и их продолжателей, обнаружились первые симптомы нового движения. „Землеволец" в своих „воспоминаниях" резюмирует этот переход в следующих выражениях:

„Падение крепостного режима сделалось исходным моментом полной и всесторонней ликвидации всех старых, дореформенных общественных устоев и симпатий. Складывается новая жизнь, полная противоречий и загадок, глубокой скорби, невыносимой тоски. Работа русской передовой мысли, в связи с европейской, раскрывает нам истинный смысл происходивших перед нами явлений; показывает нам всю мизерию „десяти лет реформ", взаимное соотношение вновь образовавшихся общественных наслоений и их политико-экономическое значение, умственную их силу, нравственное содержание и, наконец, *возможную* их роль в ближайшем будущем. Этим, до известной степени, предрешается наш окончательный роковой шаг. Не сразу, само собою, мы выступили на этот путь. Необходимо было, во первых, чтобы перед нами развернулась с неотразимой наглядностью картина народных бедствий и общего расстройства; необходимо было, во вторых, чтобы мы убедились путем опыта — личного или преемственного — все равно — в недействительности *легальных* форм борьбы; необходимо было, наконец, в третьих, пережить нам мучительный процесс внутренней работы, со всеми его (процесса) сомнениями и колебаниями, надеждами и опасениями, чтобы выступить бесповоротно на путь революционной борьбы".

Первым характеристическим признаком этого общего течения было появление в разных местностях, особенно в университетских городах — насколько известно, независимо один от другого — кружков самообразования, которые, вместе с тем, имели в виду распространение знаний и между рабочими. В виду того и другого стало вырабатываться с большею или меньшею определенностью особое „дело", именно дело распространения, как между учащеюся молодежью, так и среди городских рабочих упомянутых центров, полезных книг по возможно дешевой цене — „книжное дело". В одних местностях довольно долго это „книжное дело" ограничивалось интеллигенцией и кружками самообразования. Но в других распространение знаний среди рабочих — старое дело „воскресных школ", подавленное правительством еще в первой половине 60-х годов — стало очень скоро не только важным

но и господствующим элементом. Вместе с этою *чисто-культурною* пропагандою совершенно естественно стало расти распространение книг, появившихся легально, но затем изъятых из обращения, а впоследствии и начинающей появляться „подпольной литературы“. Пропаганда-же среди рабочих для своего облегчения вызвала мысль об образовании мастерских, где, с одной стороны, идейная пропаганда (как культурная, так, впоследствии, и революционная) становилась главным делом, а индустриальная цель лишь фикцией и маскою, с другой же, в небольших размерах получали возможность осуществляться опыты модельных социалистических мастерских.

„Землеволец“ пишет следующее об этом первом фазисе движения, когда университетская, а отчасти и гимназическая, молодежь начинает „кружковаться“.

„Цель кружков — материальная взаимопомощь и умственная и нравственная поддержка. Из ежемесячных взносов членов образуются кассы, которые отчасти идут на поддержку товарищей, но главным образом на устройство библиотек. Члены кружков периодически собираются в сходки для совместных занятий, чтения журналов, газет и вообще для обмена мыслей. Цель занятий — *саморазвитие*. Школьная наука не дает ответов на массу вопросов, волнующих и мучащих пытливый ум и чуткое сердце молодежи... Личность должна быть широко и разносторонне развита. Без этого не мыслима нравственная ее чистота, не мыслимо стало быть, и *личное* счастье, и *общественная* польза. *Идеал личного самосовершенствования становится, таким образом, ближайшим средством для целей общественной пользы.* Но самый общественный идеал остается пока темным, невыясненным. Нужна для этого еще долгая работа мысли. Вырабатывается программа серьезных занятий; экономия, история, социология и философия становятся предметами страстного изучения. Составляются рефераты по разным отраслям знания и читаются в кружках. Возбуждаются вопросы, идут споры, объяснения и толкования. Мысль, раз начавши работать, конечно не может остановиться в одной какой-либо сфере. Вопросы из области теоретических знаний вызывают неизбежно целый ряд вопросов практического свойства. Жизнь врывается в эту чисто теоретическую работу мысли, оживляет ее, придает ей большую энергию и силу. Явления общественной жизни, текущие события политического мира становятся одинаково предметами тщательного изучения. Умственный кругозор

расширяется, мысль крепнет, убеждения формируются. Является роковой вопрос: что делать?“

„Реформы правительственные и заявления либералов очень громко и обширно выставляли на вид заботу о „народном благе“.

„Везде и во всем народ, „народное благо“. Симпатии молодежи всегда стояли на стороне народа. Страдания его трогали ее, темнота — мучила. Неопытная, не уяснивши еще себе вполне идеалов практической деятельности, молодежь тем не менее чуяла, что центр тяжести ее будущей деятельности — народ, больной, темный, нуждающийся народ... *Культурная деятельность, с целью поднять материальный, умственный и нравственный уровень народа, стала ее девизом.* Были, впрочем, уже тогда такие из молодежи, которые относились скептически к *возможности* у нас плодотворной культурной деятельности“.

Самое обширное влияние и распространение имели кружки, образовавшиеся в Петербурге. Повидимому, их зародышами были кружки женщин. Это было довольно естественно при том энергическом идейном течении в пользу эмансипации женщин, которое было характеристическою чертою и гуманитарной литературы 40-х — 60-х годов, и „нигилизма“ 60-х.

По крайней мере автор „Подпольной России“ в главе, посвященной С. Л. Перовской, пишет, что „кружок Чайковцев, имевший такое важное значение, в первый период движения“ развился из „зерна“, составленного сближением Перовской с семейством сестер Корниловых. („Подп. Р.“, 74 и след.).

„Перовская вместе с несколькими молодыми студентами, в том числе Николаем Чайковским, оставившим свое имя будущей организации, была одним из первых членов этого кружка, имевшего, впрочем, вначале скорее характер братства, чем политического общества.

„Кружок, задавшийся сперва исключительно пропагандой среди молодежи, был не велик. Выбор новых членов производился с разбором и всегда единодушно. Устава никакого не существовало, да и не было в нем надобности, потому что все решения принимались не иначе, как единогласно. И правило это, столь мало практичное, ни разу не повлекло за собою никаких столкновений, ни даже неудобств...

„Отношения между членами были самые братские. Искренность и безусловная прямота составляли их первое основание. Все знали друг друга, как члены одной и той же семьи, если не больше, и

*

никто не хотел скрывать от других ни одного своего шага не только в общественной, но даже и в частной жизни. Таким образом, малейшая слабость, малейшее проявление эгоизма или недостаточной преданности делу замечались, указывались, иногда вызывали порицание, но не менторское, а братское, внушаемое любовью и искренним огорчением и потому действующее на душу.

„Эти идеальные отношения, невозможные при обширной организации, занимающей собою массу людей, соединенных лишь общностью целей, действительно исчезают вместе с расширением политической деятельности упомянутого кружка. Но они были как нельзя более способны влиять на нравственное развитие личностей. Они-то создали таких людей с сердцами из золота и стали, как Куприянов, Чарушин, Сердюков и столько других, которые во всякой другой стране были бы гордостью, украшением нации“.

В 1871 и 72 годах образовались кружки долгушинцев и чайковцев, первый сразу, как кружок тайный и имевший в виду печатание книг для агитации [1]), второй, незаметно перешедший от культурного „книжного дела“ к делу социалистически-агитационному. На необходимость агитационной литературы для народа указал, по свидетельству, им сообщенному, Л. Б. Гольденберг, бежавший из Петрозаводска в Петербург летом 1872 г. Тогда уже долгушинцы сообщали ему, что петербургский кружок помогал в России изданию и распространению „Азбуки Социальных наук“ Флеровского и устроил типографию в Цюрихе. „Азбука Социальных наук“ была издана, точно также, как переводы „История французской революции“ Луи Блана, „Экономических противоречий“ Прудона, „Рабочего вопроса“ Ланге, были сделаны и напечатаны средствами кружка, но „были все задержаны в типографии, так что очень немногие экземпляры их ходили в Петербурге по рукам в виде редкости“ [2]). Цюрихская типография, о которой сказано выше, существовала (по другим сведениям) уже в 1871 г. Она находилась сначала под руководством Александрова, перешла весной 1872 г. в Женеву и, вследствие недовольства Александровым (прежде игравшим в России, как рассказывают, заметную роль), передана Л. Гольденбергу. Тогда появились брошюры: „Стенька Разин“, „Мученик Николай“, позже „Как должно жить по закону природы и правды“, „Русскому народу“, История крестьянина“ (переделка Эркмана Шатриана), „Сказка о четырех братьях“, „Революционный песенник“ и т. дал. Но распространялись чайковцами и легальные произведения Дж. Ст. Милля (Политическая экономия с примечаниями Чернышевского), Флеровского („Положение рабочего класса в России“, имевшее значительный успех), Шерра, Шелгунова, Михайлова, Лассаля (том I был сначала дозволен), Цебриковой, Наумова (особенно „Дедушка Егор“), Нефедова, Худякова и др. Типография Долгушинцев в России просуществовала очень недолго, но женевская типография выпустила до 17 разных изданий в продолжение 1872-76 годов, и некоторые из них печатались в числе 15000 экземпляров (третье издание „Сказки о четырех братьях“) независимо от того, что выходило из наборной бакунистов и „Вперед!“

[1]) В одной из следующих глав будет указано, что авторы „Сытых и голодных“ именно с появления кружка долгушинцев считают начало русского революционного движения.

[2]) Сообщено Л. Э. Шишко. По другим сведениям первый том Луи Блана был очень распространен.

О кружке—или, вернее, о кружках—чайковцев один из самых ранних участников этого движения, Л. Э. Шишко, сообщает следующее:

„Он возник из кружков самообразования и, по мере своего развития и нравственной выработки составлявших его лиц, складывался в крепкую революционную организацию. Задачи его вырабатывались им самим; они не были взяты ни из какой готовой программы и изменялись сообразно все большему и большему знакомству его с условиями русской общественной жизни. Так, напр., в первое время своего существования кружок рассчитывал на возможность земской легальной деятельности и очень увлекался проектами артельных товариществ, тщательно изучал брошюры Яковлева, Верещагина и др. по этому предмету,—пока не убедился в невозможности серьезного развития этого дела в России. Затем очень большую роль в его ранней деятельности занимало влияние на студенческую молодежь, образование кружков саморазвития среди учащейся молодежи и вообще распространение революционных идей среди интеллигенции. С этой целью возникло в этом кружке и значительно развилось так называемое „книжное дело“. Оно заключалось во 1-х в том, что кружок печатал и распространял на свой счет некоторые издания, и во 2-х в том, что он входил в соглашение с издателями и закупал у них с уступкой большие партии из изданий, распространяя их потом по удешевленной цене и часто в кредит, как в Петербурге, так и в провинциях...

„Члены этого кружка вели сначала пропаганду исключительно в городе. Они расселялись маленькими группами в центрах фабричного населения: на Выборгской стороне, за Невской заставой, за Московской заставой, на Васильевском острове, — и знакомились с рабочими, приглашая их к себе на квартиры. Труднее всего было начало, когда революционеры совсем не имели связей с рабочими; после-же, при возникновении этих связей, дело значительно упрощалось тем, что рабочие сами приводили своих знакомых и таким образом расширяли круг захваченных пропагандою рабочих. С рабочими, приходившими на квартиры, обыкновенно занимались, по их желанию, разными школьными предметами и вместе с тем вели внушительные разговоры“.

Но вскоре

„пропаганда среди студенчества стала терять тот живой интерес, какой она имела раньше, так как делалось все более и более очевидным, что движение должно было выйти из тех узких рамок, в которых оно развивалось до того времени“.

Число кружков увеличилось. Начались бурные прения делегатов разных кружков на сходках на Можайской ул., особенно же в Казарменном переулке на Петербургской стороне. Натансон был интернирован, так как он взял на себя ответственность за распространение изданий, сделавшееся известным полиции. Стали появляться агитационные мастерские (прежде всего, повидимому, сапожная). Петербургские кружки вступили в сношение с кружками других городов, и сама собою явилась мысль о том, чтобы охватить всю Россию сетью федеративных кружков. В прокламации, выпущенной долгушинцами, было сказано („Вп.“ П. А. 79):

„К вам, интеллигентные люди, которые вполне поняли крайнюю ненормальность современного порядка вещей — к вам мы обращаемся и приглашаем вас итти в народ, чтобы возбудить его к протесту во имя лучшего общественного устройства... Так пусть же люди, которым дорога правда, для которых проводить истину в жизнь стало органическою потребностью, пусть эти люди идут в народ, не страшась ни гонения, ни смерти“.

Автор „Подпольной России“ говорит о чайковцах того переходного времени, которое как раз предшествовало движению в народ (12 и след.):

„Зимой 1873 года, в одной из бедных лачужек, разбросанных по окраинам Петербурга, значительное число рабочих еженедельно собиралось вокруг князя Петра Кропоткина, излагавшего им принципы

социализма и революции. Богатый казак Обухов, почти умиравший от чахотки, делал то же самое на берегах своего родного Дона. Поручик Леонид Шишко поступил ткачом на одну из петербургских фабрик, в видах той же пропаганды. Два других члена того же общества, Дмитр. Рогачев с одним из своих друзей [1]), отправились в качестве пильщиков в Тверскую губернию для пропаганды среди крестьян“.

В этой среде выработались личности, нравственная сила которых выступает тем ярче, чем глубже был в это время в обществе упадок духа, о котором сказано выше. Здесь не место говорить о Перовской, которая должна была стать еще гораздо выше в следующий период. Оставим в стороне и тех, которые участвовали в дальнейшем фазисе движения. Но упомянем хотя в немногих словах о двух из тех личностей, которые особенно характеризовали трудную работу этого подготовительного времени, о Сердюкове и Куприянове.

Первый из них оставил особенно-крупный след в пропаганде среди рабочих. О деятельности в кружке Чайковцев Анат. Ив. Сердюкова „один из Чайковцев“ высказывается, в его некрологе, следующим образом („Общ.“ № 5, 15 и след.).

„В этом кружке ему принадлежит та неотъемлемая заслуга, что он первый взялся за дело социалистической пропаганды среди рабочих. Плодотворность его усилий докажут все рабочие, знавшие его и с честью работающие теперь на поприще социалистической пропаганды. Первые союзы рабочих пропагандистов были основаны при непосредственном участии Анатолия Ивановича и по его инициативе. Крайняя простота и ригоризм в образе жизни, прямой, симпатичный характер, трезвый взгляд на вещи, несмотря на молодые годы, помогли скоро ориентироваться Сердюкову среди его новых знакомых. Мало по малу между ним и лучшими представителями рабочих установились прочные и дружеские отношения, не прерывавшиеся потом.

Таким образом в том деле, которое несомненно составляет главную заслугу кружка Чайковцев перед русской социально-революционной партией, первым инициатором должен, по справедливости, считаться покойный Анатолий Иванович. Но этим не ограничивалась его социалистическая деятельность. В кружке он очень долго заведывал заграничными его сношениями, и в это дело была вложена не малая лепта его труда...

[1]) Это был, насколько известно, будущий автор „Подпольной России“.

„Это был человек, по натуре сильно увлекающийся, страстный; но увлечение это сказывалось в нем не внешними проявлениями и вспышками энтузиазма. Поверхностный наблюдатель легко мог бы принять его за человека флегматичного и неподвижного. Страстное отношение к интересующему его делу Сердюков проявлял в беззаветной преданности ему, в том, что оно охватывало все его существо, занимало все его мысли. Что бывает еще реже со страстными и увлекающимися людьми — в пылу самого крайнего разгара борьбы он никогда не изменял началам гуманности и самой широкой любви к людям. Вечно строгое отношение к себе, доходящее до самоистязания, не мешало ему снисходительно относиться к другим".

Относительно Мих. Вас. Куприянова труднее сказать, в какой из отраслей деятельности кружка Чайковцев он выказал менее влияния, чем отметить ту, которою он преимущественно занимался. Автор его некролога говорит следующее („Общ". № 6—7, 14 и след.):

„Михаил Васильевич был аутодидакт в полном смысле этого слова. Всеми своими знаниями, образованием и убеждениями он был обязан исключительно себе. Никто не может похвалиться, что имел на него какое-нибудь влияние. Читал он очень много, но это было и естественно при его способе чтения: каждая книга служила ему не только источником новых сведений, но и темой для собственных размышлений, сравнений, наблюдений и выводов.

„Очень молодым человеком вошел он в кружок Чайковцев, но мало было людей, даже старших его по возросту, обладавших его силой воли и характера. Многих с первого разу поражала в нем его суровость, привычка подвергать как собственные, так и чужие мысли и чувства самому беспощадному логическому анализу. Не раз приходилось слышать ему упреки в пессимизме, скептицизме и резонерстве; хотя на деле скептицизм не мешал Михаилу Васильевичу быть бесконечно преданным идеям социализма. Люди, ближе моего знавшие покойного, всегда видели в нем крайне сердечного и любящего человека, но умевшего строго дисциплинироватъ себя, умевшего относиться со строгой справедливостъю и беспристрастием к горячо любимым людям.

„Несмотря на крайнюю молодость покойного, всем нам приходится сознаться, что мы очень и очень многим обязаны ему в нашей деятельности. Михаил Васильевич принадлежал к числу тех глубоко преданных делу людей, которые ради него не пренебрегают никакими тяжелыми и неблагодарными обязанностями. Поэтому за какую отрасль деятельности Чайковцев мы-бы ни взялись, всюду мы непременно встречаемся с Михаилом Васильевичем, всюду мы видим следы его трудов".

Воспоминания Лангапса [1]) дают нам возможностъ очертить генезис и южного кружка, развившегося самостоятельно, находившегося сперва лишь в весьма незначительных сношениях с петербургскими кружками и вступившего с ними в более тесную связь уже в совершенно выработавшемся состоянии.

„Первые семена брожения были заброшены на юг местною молодежью, посещавшею петербургский университет, академию и технологический институт. После студенческой истории 69 года были возвращены на родину в Херсон несколько человек молодежи, из которых я назову Соломона Чудновского, Л. Дическуло. Появление сосланных произвело не малую сенсацию в среде учащейся молодежи и даже в обществе. Они являлись поборниками чего-то высшего и более светлого, диаметрально противоположнего рутине мелкой провинциальной жизни; молодежь, чуткая ко всему живому, без всякого труда, по собственному импульсу, группировалась вокруг сосланных, и вскорости образовалась небольшая группа гимназистов, заинтересованных чтением книг, но чтением по выбору. Как все новое, выходящее к тому же из рамок дозволенного гимназическим начальством, чтение это, веденное довольно регулярно, на так называемых сходках, облеклось таинственностью...

„Года через два из лиц, решительнее других вышедших на путь самостоятельного мышления, пристрастившихся к осмысленному чтению (в 1870—71 годах), образовался в Херсоне кружок, который правильнее было бы назвать кружком „саморазвития и самообразования". Лица, входившие в него, были местные жители, знакомые друг с другом чуть не с детства, почти все товарищи по гимназии... Нас связывали, помимо дружбы, одинаковость мировоззрения и вытекающая отсюда одинаковость целей. Цель же, которую мы себе тогда поставили, была следующая: путем толкового, серьезного чтения и изучения общественных наук выработать из себя, помимо школы,

---

[1]) Осужденного на вечную каторгу по делу А. Михайлова. Он умер в Шлиссельбургской крепости (см. „С. Р. и на Р." № 1, стр. 3). Воспоминания Лангапса нам были переданы в автографе, к сожалению отрывочном

людей, полезных народу и обществу. В виду этого первым делом кружка было образовать библиотеку избранных русских и иностранных писателей... Библиотека вскорости пошла блистательно".

Затем

„в среде первоначальных основателей библиотеки произошел раскол, результатом которого было выделение из всей группы вышепоименованных лиц. В руках этих последних осталась и библиотека. Трое из членов этой выделившейся тесной группы — Андр. Франжоли, А. С. и я—переехали в 70-71 г. в Петербург и поступили в Технол. Инстит., но через год вернулись. С этого времени начинается более тесная связь некоторых петербургских [1]) друзей с нами. Деятельность кружка оживляется: кроме распространения в публике книг известного направления при посредстве собственной библиотеки, кружок ставит себе целью собирать и правильно вести сходки молодежи (гимназистов и гимназисток), на которых читались и реферировались книги вроде „Историческ. писем" Миртова, „Положение рабочего класса в России" Флеровского, „Политич. Экономия" Чернышевского; читались романы вроде „Один в поле не воин", „Что делать?", „Эмма" Швейцера. Здесь же ставились и разрешались сообща вопросы, непосредственно соприкасавшиеся с социализмом, вопросы личной и общественной нравственности, о справедливейшем распределении поземельной собственности и форме владения ею. Члены кружка жили то на одной квартире, то на разных, но никогда не забывали принципа, положенного в основу их общежития и взаимных сношений — полнейшей общности и нераздельности имущества. В это время все мы жили частными уроками, исключая П. Рябкова, бывшего городским землемером. В 1872 г. кружок занимался, между прочим, распространением цензурных „народных" книг. Появились они у нас на юге в 72 году и привезены впервые нами из Питера. С того времени они исправно пересылались нам питерским кружком, занимавшимся их распространением по провинциям. Это был кружок Натансона... Из заграничных изданий появились тем же путем Устав Международн. Общества Рабочих, „Отщепенцы" и литографированная речь Ламеннэ — „Слово верующего к народу". Последняя вещь была привезена к нам чуть ли не Чарушиным зимою 72 года. В это время наш местный кружок занят был вопросом о пропаганде в народе и о наилучших

[1]) Кравчинского, Чарушина и др. (прим. в автографе).

формах и способах „сближения" с ним. Все мы были того мнения, что лучший способ узнать народ и его нужды, сблизиться с ним и быть ему полезным, это — самому идти в народ в качестве рабочего или народного учителя. Чарушин, приехавший к нам, сообщил нам, что к тому же пришли и питерцы. В это время, говоря о положении дел в Питере и о намерениях петербургских друзей, он не упоминал о „кружке", не говорил также, что сносится с нами от его имени. Не упоминалось-же об этом, я думаю, просто потому, что существование „кружка" разумелось само собою; то же, что он посетил нас не бесцельно, а в интересах одинаково близкого всем нам вопроса об организации сил для деятельности в народе, — чувствовалось без слов. Вот почему мы тогда же совершенно верно истолковали себе приезд Чарушина. Энергия и желание осуществить возможно скорее на практике свои заветнейшие планы заметно увеличились с его приездом, ибо мы увидели, что мы не одни, что начало организации однородных сил для совместной деятельности уже закладывается. И до его приезда кружок имел некоторые сношения с окрестным и местным населением (мещанами, рабочими литейного и пильного заводов). Цензурные народные книжки распространялись в изрядном количестве; даже нецензурные имели некоторый круг читателей среди мещанства (из них помню песенник, речь Ламеннэ, „Стенька Разин", Вроцкого и переделанная), но все-же ни к чему прочному, существенному прийти не успели, тем более, что условия небольшого городка, в котором нас всех знали наперечет, мало тому благоприятствовали. Одесса в этом отношении стояла неизмеримо выше, и мы уже подумывали перекочевать туда всем кружком. В это время посетил нас Феликс Волховской. До того времени я его лично не знал, слышал же о нем, как о бывшем нечаевце, прекрасно державшем себя на суде...

„Волховской также приглашал нас в Одессу, говоря, что поле деятельности, как в интеллигенции, так и в народе, там несравненно шире".

Мало по малу члены этого первого зародышного кружка южных пропагандистов перебрались чуть-ли не все в Одессу, которая и сделалась главным центром агитации на юге России.

„Еще в последний месяц моего пребывания в Херсоне были сделаны в Одессе первые шаги к образованию правильно организованного тайного общества. Инициатива принадлежала Ф. Волховскому. Начались одна вслед за другою сходки на квартире Феликса; в них принимали уча-

стие Феликс, его жена, Андр. Франжоли, А. С., Дм. Желтоновский и Чудновский. С моим приездом вошел в организацию и я. Это было в августе или сентябре 73 года“.

Гораздо менее правильности и продуманности встречалось в киевских кружках по „Воспоминаниям“ Дебагория-Мокриевича. Он говорит (4 и след.):

„Только в 1869 году киевское студенчество оживилось. Насколько помнится, дело началось с организации кассы взаимопомощи. К этому же времени в наш университет стали определяться изгнанные после беспорядков из петербургского университета; элемент этот еще более оживил нашу среду: начали зарождаться литературные кружки или кружки самообразования; появились одна за другою — студенческая касса, кухмистерская, библиотека. Правда, все книги нашей библиотеки свободно укладывались на шести полках... Книги были самые заурядные. Нецензурных изданий у нас не было... Иногда нам казалось, что полиция и жандармы следят за нашей библиотекой; это нас очень интриговало, возбуждало интерес. В такие минуты библиотека... приобретала в наших глазах уже совсем ценное значение...

„Выше упомянуто было, что среди киевского студенчества в 69-м году стали устраиваться литературные кружки. В подобном кружке, состоявшем из семи, восьми человек, принимал участие и я. Мы собирались один раз в неделю, читали что-нибудь и после того беседовали по поводу прочитанного. Мы преследовали цель саморазвития. Правда, среди нас часто поднимались разговоры о предстоящей общественной деятельности, но в этом отношении нами не принималось никаких практических решений, и мы рассматривали вопрос лишь с теоретической стороны. Мы считали себя обязанными в будущем работать для пользы и блага народа, но далеко не предрешали заранее средств и путей, посредством которых надеялись достигнуть этой задачи... Все шло как-то спокойно, обыденно. Будущая моя общественная деятельность рисовалась мне смутно, неопределенно. Так дело стояло до 1871 года, когда, наконец, дан был толчок, направивший окончательно мою жизнь по известному пути“.

Нечаевский процесс и события в Западной Европе вызвали в 1871 году оживление. Образовался кружок „американцев“, собиравшихся основывать в Новом Свете коммуну русских революционеров, которая была бы не только идеальным социалистическим общест-

вом, но, кроме того, и пособием русскому движению. „Американцы“ говорили („Восп.“ 10):

„Коммуна наша в Америке будет, таким образом, представлять из себя что-то вроде сборного пункта или вернее такого центрального учреждения, из которого мы будем черпать наши силы: в ней мы будем находить свою нравственную опору, она же будет снабжать нас деньгами для разъездов“.

К „американцам“ пристал и автор „Воспоминаний“.

„Приехав в Киев, мы принялись за пропаганду нашего „американизма“, прежде всего, конечно в том литературном кружке, членом которого я состоял. Тут сразу обнаружилось разногласие. Мы, „американцы“, признавали физический труд обязательным для всякого; большинство членов кружка высказались против этого мнения; только двое примкнули к нам, с остальными же мы разошлись... Мы, однако, не пришли в уныние от этого неполного успеха и с юношеским пылом кинулись на розыски и вербовку людей под свое знамя. Унывать в то время было мудрено. Среди университетской молодежи то и дело вырастали новые кружки; по разным углам Киева устраивались всевозможные ассоциации: тут висела вывеска швейной мастерской, организованной на кооперативных началах; там была прачечная или сапожная. Правда, эти ассоциации так же быстро разрушались, как и создавались, но от этого мало изменялось положение дел: жизнь била ключом.

„Исходя из того взгляда, что дипломы деморализуют людей, давая возможность занимать привилегированные положения, я решил бросить университет. Впрочем, все равно мне было некогда посещать лекции: я состоял членом нескольких литературных кружков и все время тратил на пропаганду „американизма“, шатаясь с одного собрания на другое.

„В пропаганде и поисках за новыми членами мы натолкнулись в Киеве на кружок, занимающийся распространением среди молодежи книг известного характера, как напр.: „Положение рабочего класса в России“, „Азбука социальных наук“, сочинения Лассаля и т. под. Этот кружок находился в сношениях с петербургским кружком такого же направления, впоследствии получившим название чайковцев. Вышеупомянутый киевский кружок всеми силами старался препятствовать успеху „американизма“ среди молодежи. Но едва ли не самым ярым нашим противником явился тогда Каблиц. Покойный Каблиц... в то

отдаленное время состоял вольнослушателем в киевском университете и пользовался репутацией одного из самых крайних радикалов и революционеров, и с ним-то у нас и происходили стычки. Он был страшно горячий спорщик и, как это обыкновенно бывает с людьми, не в меру горячими в спорах, не хотел признать справедливым ни одного из наших положений, возражая нам решительно против всего. Мы говорили о пропаганде и деятельности среди народа; он противопоставлял этому работу в правительственных сферах и толковал об облагодетельствовании народа сверху, путем декретов и реформ. Его мы называли в шутку „царистом", так как свои воззрения он однажды формулировал такою фразой: „Александр I, Николай I, Александр II, Чернышевский I"; при последнем имени он очень ехидно улыбнулся, находя аргумент неопровержимым. Но нас трудно было запугать именами, и мы возражали, что и Чернышевский, ставши царем, не сделает для народа больше того, что сделает всякий другой царь. Этот взгляд у нас вытекал из того положения, что всякий человек есть результат окружающих обстоятельств, и в данном случае мы сводили вопрос все к той же деморализации, которая, по нашим понятиям, должна была постигнуть и Чернышевского, раз бы он попал в деморализующую среду.

„Нужно сказать, что к программам, толковавшим об облагодетельствовании народа сверху путем декретов, молодежь относилась в то время крайне неодобрительно, равно как и ко всякого рода централистическим теориям и стремлениям... С понятием о централистической организации связывалось представление о бесконтрольности, а, следовательно, и о полном просторе для обмана... На повиновение и дисциплину организационную смотрели нехорошо; последнее доходило у некоторых до такой степени, что они склонны были отрицать какую бы то ни было организационную попытку. Выработка устава или установление каких-либо правил многими встречалось очень недружелюбно; подчиняться правилам — значило признавать дисциплину. — „А! понадобился уставчик!?"—с иронией восклицал на собрании кто-либо из присутствующих, и стоило подчас не мало усилий, чтобы принят был хоть слабенький „уставчик"...

„Из книг, пользовавшихся популярностью среди молодежи, более других читались по кружкам сочинения Милля. „Политическая экономия" и „Об утилитаризме", „Исторические письма" Миртова, первый том Лассаля. Особенно характерной нахожу я роль, которую

играла эта последняя книга; из Лассаля мы черпали аргументы в пользу наших народнических воззрений, несмотря на то, что Лассаль, говоря в своей книге о рабочих, всюду разумеет только фабричный пролетариат, а ничуть не крестьян, на которых в другом месте прямо указывает, как на элемент реакционный настолько, поскольку они (во время так называемых крестьянских войн в Германии) старались поворотить назад колесо истории. Это существенное разноречие мы игнорировали тогда, и все то, что Лассаль говорил о рабочем сословии, переносили на наше крестьянство, являвшееся для нас нашим обездоленным „четвертым сословием". Мы особенно близко к сердцу принимали рассуждения Лассаля о том, что рабочий, отдавшийся борьбе за интересы своего сословия, другими словами — за свои собственные интересы,—совершает этим даже высоконравственный акт, ибо служит делу общечеловеческого прогресса,—так как в настоящую историческую эпоху рабочее сословие является носителем прогресса, подобно тому, как буржуазия была прогрессивным элементом в прошлом веке. Мы, читая это, подставляли вместо рабочего — крестьянина, вместо западноевропейской буржуазии — наши привилегированные сословия и, в качестве „кающихся дворян", с одной стороны, занимались самобичеванием, с другой крепли в своей вере в народ, признавая его и лучше, и нравственнее нас".

В начале 1872 г. в Киеве же положено было (по словам „Обвинительного акта в деле о преступной пропаганде" (процесс 193) начало той „коммуне", к которой принадлежали Брешковская, Судзиловский и др., и о которой будет сказано ниже.

Подобная же работа мысли шла в разных городах России. Так, например, в самарской гимназии существовал уже в 1872 г. кружок самообразования, который должен был в следущем же году получить агитационный характер. „Земледелец" упоминает об образовавшемся в Харькове кружке приказчиков.

„Вперед" писал об этой эпохе и о ближайших к ней годах[1]):

„...Росла пугливость правительства. Росли с каждым годом подозрительность полиции, усиление мер противу всякого проявления недовольства. Неизбежно росло и недовольство. И вот усилия правительства увенчались успехом. Запретная русская литература, процветавшая в последние годы Николая, имевшая очень кратковременный

[1]) См. „Вперед!" т. II „Что делается на Родине?" 79.

и нераспространенный успех в начале 60-х годов, снова появилась в России... В России циркулируют листки, брошюры, книги на русском языке, только что оставившие типографский станок, с прямым призывом к революционному делу".

Это движение в России находилось в живом взаимодействии с русскими колониями молодежи, поселившимися особенно в швейцарских университетских городах. В то самое время, когда Швейцария выдавала русскому правительству Нечаева, а в Гааге готовился конгресс Интернационала, на котором внутренняя борьба последнего должна была окончательно привести к громадному расколу, около Бакунина и его ближайших сторонников сгруппировалась „Цюрихская славянская секция" Интернационала [1]). Она, конечно, немедленно примкнула к Юрской федерации и тем самым стала в ряды врагов Карла Маркса и Генерального Совета Интернационала. Гаагский конгресс 1872 г. исключил из великого социалистического союза Бакунина и его сторонников. Одним из первых проявлений этой международной вражды в рядах швейцарской колонии русских студентов и эмигрантов было нападение некоторых членов славянской секции на Утина в Цюрихе, возмутившее наибольшую долю довольно многочисленной цюрихской колонии русских.

При этих условиях выступил в 1873 г. с знаменем „русского социализма" и с кличкой „Вперед!" новый орган русской подпольной литературы в то самое время, когда совершенно независимо от этого в России неудержимое общественное течение вызывало массовое движение оппозиционной молодежи в „народ" во имя социалистических идей и борьбы с абсолютизмом.

[1]) О ее программе см. ниже.

2. Русское заграничное революционное движение 1873—77 годов.

В марте 1872 г. делегаты из России предложили пишущему это организовать издание русского заграничного журнала. Это приглашение было довольно неожиданно, и состав лиц, от которых оно исходило, был делеко не ясен для предполагавшегося редактора нового издания. Он написал проект программы „Вперед!", предполагая, что в России, в среде тех литературных кружков, которые были наиболее радикальными, организовалась или организуется партия, которая имеет в виду иметь свой орган за границею. Это предположение оказалось неверным, но полученные сведения о движении в молодежи, о котором говорилось в предыдущей главе, заставляли думать, что почва для революционной социалистической литературы в России образовалось. Тогда сделана была попытка, сойдясь с русскими бакунистами на почве социалистических принципов и устроив на почве этих принципов с ними modus vivendi, издавать за-границей русский орган, имеющий в виду „подготовлять" социальную революцию в России в интеллигенции и в народе. Попытка эта была сделана в новой предложенной программе. Но и эта попытка оказалась неудачною. Бакунисты требовали в журнале более решительного влияния, чем то, на которое считал возможным согласиться редактор. Принципиальные начала сообща обсуждены не были вовсе. Но возникли две враждебные фракции. „Вперед!" появился с программою рабочего социализма, выставив задачу „подготовления" социальной революции в России и имея против себя врагов не только в рядах либерально-буржуазной литературы, но и в рядах русских революционеров, отчасти ставивших для России политические задачи борьбы с абсолютизмом выше принципов социализма, отчасти же проповедывавших, во имя анархического социализма, непосредственное обращение к революционным приемам,

отрицая более или менее медленные меры „подготовителей“. Таковою оставалась программа „Вперед!“ во всех пяти томах этого издания, а также в 48 номерах двухнедельной газеты, выходившей в 1875 и 1876 годах [1]).

---

[1]) Группа моих товарищей, издателей этого сборника, возложила на меня обязанность составить для него очерк русского движения 1873—78 годов, к одной отрасли которого я стоял очень близко. Как ни желательно для читателей и для меня самого, чтобы этот очерк сохранил настолько же объективный и безличный характер, насколько это предполагается для всех других глав „Материалов“, тем не менее почти неизбежно, для ясности дела, внести в настоящий труд, хотя бы в виде примечаний, такие указания, место которых было бы скорее в каких-либо „мемуарах“ или „воспоминаниях“ (вовсе не имевшихся и не имеющихся в виду, что до меня касается), чем в объективном рассказе о ходе событий. Это я и намерен сделать в немногих заметках, которые читатель, интересующийся лишь общим ходом дела, может пропустить.

Мои личные литературные сношения и работы в конце 50-х и в 60-х годах не вызвали большой близости между мною и тою радикальною группою литераторов, которая в это время имела самое решительное влияние на русские умы. Правда, враждебность, с которою отнесся „Современник“ к моим первым работам, значительно ослабела среди представителей его направления. Мне удалось за несколько месяцев до ареста Чернышевского несколько сблизиться с ним; после его ареста я имел удовольствие увидеть в числе моих сотрудников по Энциклопедическому Словарю одного из самых моих сердитых критиков „Современника“, тогда как другой критик „Русского Слова“, работавший вместе со мною, во время моей ссылки в Вологодскую губернию, в „Отеч. Записках“, руководимых тогда уже Некрасовым, Салтыковым и Елисеевым, выказал, как я узнал впоследствии, самое деликатное внимание к моим работам (мы столкнулись раза два на обработке одного и того же сюжета, и Писарев, оба раза, как мне передавали, сейчас же уступил мне обработку этих вопросов, совершенно без моего ведома и при отсутствии между нами и прежде, и потом всякой личной связи). Тем не менее я очень хорошо знал, что мои работы приобрели мне между сторонниками самых боевых литературных групп (как я это заметил в другом месте „С Род. и на Род.“ № 3, стр. 155) „скорее репутацию умеренного и несколько педантичного кабинетного деятеля“. Я знал, что даже мои личные приятели, принадлежавшие к этой группе, отсоветовали тогдашней редакции „Недели“ помещать в этом журнале ряд моих статей, которые были озаглавлены „Исторические Письма“. Я не мог внутренно отказаться от убеждения, что я, может быть, был-бы в состоянии быть полезным русским радикалам не только на почве вполне легальной литературы; однако в этом случае я понимал, что всякий может сильно ошибаться относительно своих способностей, а, к тому же, никогда

В эту эпоху русские колонии молодежи, способной образовать более или менее живые центры движения, преимущественно группировались в Швейцарии и особенно в Цюрихе. Там, при большом приливе учащихся молодых людей и молодых женщин около универ-

---

в жизни я не позволял себе навязывать свое участие в их деле людям, которые думали, что могут очень хорошо без него обойтись. Поэтому, уезжая за границу и до самого марта 1872 г. я оставался в полном убеждении, что мое участие в революционном движении в России неизбежно и навсегда ограничится лишь кое-каким литературным сотрудничеством в подпольной литературе, но что руководство какой-либо отраслью этой литературы никогда не может перейти в мои руки, вследствие недостаточного знания даже моими приятелями в этой среде моего настоящего взгляда на революционную и нереволюционную деятельность и недостаточного их доверия к моим способностям в этом направлении.

Именно потому я был вовсе не приготовлен к неожиданности, что из России явятся ко мне делегаты с предложением составить программу революционного издания и руководить им. Решиться надо было сейчас на основании разговоров с очень небольшим числом лиц, которые были под рукой и которым я мог доверять. Два молодых украинца (один из них С. Подолинский), бывшие в то время в Париже, предложили свое энергическое содействие по переговорам в России и по организации материальных средств для издания (Подолинский оказался самым деятельным и энергическим пособником в эти трудные месяцы). Что касается до литературного содействия, то я не считал себя в праве сомневаться, какие группы выступили в бой при этом предприятии. Все мои связи с людьми радикального образа мыслей ограничивались литературою. Мои сношения с „Землею и Волею“ начала 60-х годов (завязанные через А. Н. Энгельгардта) были так ничтожны, что отсюда обращение ко мне было немыслимо. Вообще радикальная молодежь Петербурга была вовсе не близка ко мне в последние годы моей петербургской деятельности, и я не имел случая сблизиться с нею ни во время моей ссылки, ни при проезде через Москву и Петербург при отъезде заграницу. Общее впечатление, мною полученное при этом проезде, было, скорее, подавляющее: ни на какое энергическое движение, казалось, нельзя было рассчитывать в феврале—марте 1870 г. Кто же мог быть в числе инициаторов нового предприятия? Я построил себе гадательную теорию, которая оказалась впоследствии ошибочною. Для меня инициатива могла принадлежать лишь той группе литературных радикалов, которую я знал, и энергию которых я мог оценить в то время, когда они относились ко мне недружелюбно. Садясь за программу „Вперед!“ в моей комнате на Chaussée d'Antin в марте 1872 года, я представил себе дело так. Растущая реакция принудила представителей радикальной литературы убедиться, что борьба на почве литературы легальной в данную минуту уже недостаточна. Они в два года после моего отъезда из России организовались вероятно для литературной и политической борьбы.

ситета или политехникума, стояли рядом и те социалистические группы, которые приступили к программе „Вперед!“, и те, которые, по отношению к социализму, остались под непосредственным руководством Бакунина и его ближайших сторонников. Там же, наконец, встреча-

---

Но никто из нынешних участников движения не может или не желает бросить Россию и отрезать себе пути возвращения в нее, став явно во главе предприятия, которое, появляясь за границею, имеет наибольшие шансы быть столь же эфемерным, как те издания, которые одно за другим появлялись и исчезали после упадка „Колокола“. Они обращаются ко мне, потому что я *уже* отрезал себе путь возвращения на родину, и видят во мне лишь литератора, в сущности не расходящегося с ними в оппозиции существующим порядкам и, может быть, способного литературно вести новый орган. Согласясь в программе, которую они от меня ожидают, они имеют конечно в виду поддерживать журнал *своими* работами по русским вопросам, подвергая эти вопросы критике с точки зрения, способной теперь иметь такое-же влияние на общество в форме подпольной литературы, какое имела легальная радикальная пресса в 60-х годах. Мне они имеют в виду, вероятно, поручить лишь ту часть дела, которую им, пребывающим в России, вести неудобно. Имея это в виду, я должен брать в соображение ту „растущую силу“ литературно-политической оппозиции, которая, по моим предположениям, образовалась в России за последние два года; мои же личные убеждения в их оттенках и особенностях я могу проводить лишь как сотрудник дела. В этом отношении я ставил себе задачею лишь одно: придать заграничному органу обще-социалистический характер, предоставляя обработку внутренних политических вопросов русского движения людям, находящимся на месте. Я говорил себе, что если моя программа не понравится, а я не найду возможности взять за руководство те взгляды, которые выработаны инициаторами, ко мне обратившимися, то все дело ограничится тем, что я откажусь от его продолжения, а они поищут себе иного литературного представителя за границею. Если же мои предположения о литературно-политической организации и о „растущей силе“ в России окажутся ошибочны, то дело ограничится проектом программы, и ничто не обязывает меня вести его далее.

Когда к осени 1872 г. Подолинский привез мне в Лондон сведения о полученных результатах, то мои предположения оказались совершенно фантастическими: литературные радикалы вовсе не собирались организоваться для борьбы на почве подпольной прессы. Зато имелись самые благоприятные сведения о возбуждении среди молодежи, о „растущей силе“ среди нее, об отсутствии единства в этом движении за недостатком влиятельного органа, наконец о существовании живых и энергических молодых групп уже не только среди эмиграции, а в самой России. Я получил впечатление (может быть, недостаточно критически проверив рассказы моего молодого приятеля), что из этой молодежи, волнующейся, энергической, но лишенной единства и определенности в направлении, пришел ко мне призыв, что я

лись и те элементы, скорее рассеянные, чем составлявшие организованную группу, которые вынесли из предшествовавших фазисов русского движения наклонность отодвигать социалистические принципы, организацию рабочих и классовую борьбу на второй план, ставя для

тут как-будто действительно *нужен*, за неимением других, более компетентных; что вне бакунистских и нечаевских групп — иным сторонам деятельности которых сочувствовать и содействовать я не мог — даже в той самой среде, которая до сих пор охватывалась общими началами бакунизма, есть элементы, способные примкнуть к иному направлению, мне более сочувственному. Передо мною становился вопрос: не следует ли, не обязательно ли мне содействовать, насколько хватит способностей, этой новой „растущей силе“, развивая ее в том направлении, которое мне казалось наиболее правильным? не следует ли, не обязательно ли при отсутствии единства и определенности направления в движении, постараться, хотя бы с большими шансами неудачи, выработать эту определенность и это единство? Некоторые совершенно личные обстоятельства вызвали именно в эту эпоху во мне склонность принять участие в движении, которое мне рисовали словесно и письменно как возможное. С Парижем меня ничего тогда не связывало. В конце 1872 года я поехал в Цюрих с решимостью посмотреть своими глазами на те группы (все примыкавшие более или менее к бакунистскому движению), которые могли дать материал для редакционного и для технического персонала „Вперед!“ и на месте оценить возможность соединиться в общее литературное дело с теми личными силами, которые присутствовали среди бакунистов. Приехав в Цюрих, я нашел многое как раз соответствующее тому, что мне сообщали мои корреспонденты. В среде бакунистов Цюриха существовал раскол, едва прикрываемый внешними приличными отношениями, и несколько весьма замечательных личностей (мужчин и женщин), на которых мне указывали уже письменно (один знакомый еще из ссылки в Тотьму), обещали быть весьма надежными, умными и энергическими помощниками, при чем очень быстро оказалась и возможность проверить их личные связи в России. Второй украинец (из примкнувших к программе „Вперед!“ еще в марте), обещавший преимущественно материальную поддержку изданию, оказался пустым болтуном, и на средства, получаемые этим путем, оказалось невозможным рассчитывать. Тогда одна из моих новых молодых приятельниц поехала в Россию добывать материальную поддержку с ручательством продолжать ее в будущем и вернулась очень быстро с блестящим успехом. Около „Вперед!“, еще только предполагавшегося, не выставившего своей окончательной программы, повидимому, стали группироваться надежные силы и за границею, и в России. Очень скоро оказалось, что эти силы были не особенно значительны; что большинство последующего движения 1873 — 76 годов имело место на почве старого бакунизма. Мне до сих пор не вполне ясно, где именно в России зародилась мысль обратиться ко мне с предложением составить программу заграничного органа и основать его, но, по некоторым слухам,

России на первое место продолжение борьбы против абсолютизма: элементы будущего русского якобинства, „Набата“. Второстепенным центром в Швейцарии были Локарно, „столица анархизма“, где преимущественно жил Бакунин, и Женева, где работала русская типо-

инициатива принадлежала некоторым личным литературным приятелям и читателям „Исторических писем“ (об успехе которых я, впрочем, все эти годы вовсе не знал), вообще группе незначительной по численности и нисколько не приготовленной к серьезной организации дела. Но тогда оценить это из Цюриха было очень трудно. Оставалось определить вполне точно отношения редакции „Вперед!“ к бакунистам, крепко державшим в руках знамя, выставленное их знаменитым представителем. Действовать с ними вполне заодно было, повидимому, невозможно. Я не мог допустить, по моим соображениям о трудности руководства изданием, никакого решительного вмешательства с их стороны в редакционное дело и предвидел, что распадение произойдет на почве организации администрации журнала. Но я считал очень важным показать, что в принципиальном отношении нет причины враждебности существовать между нами. Второй проект программы „Вперед!“ был написан именно в тех видах, чтобы устранить по возможности всякую явную враждебность и установить между двумя фракциями мирный modus vivendi. Этот проект имелось в виду обсуждать сообща прежде всего: я надеялся, что на этой почве соглашение возможно; а раз оно было бы признано, менее острым становился уже дальнейший вопрос о способе ведения редакционного дела, способе, на котором раскол был почти неизбежен. Не желаю входить в обсуждение возможных причин, по которым представители бакунистов не соглашались на этот порядок обсуждения вопросов, но они потребовали постановки на первую очередь вопроса о редакционном деле. Раскол совершился, и принципиальная сторона издания вовсе не была обсуждаема сообща, так что во все продолжение существования бакунистов и впередовцев за границею и в России никогда не было определенным образом установлено, в чем существенно расходятся их политические и социальные программы, а столкновения происходили по второстепенным пунктам, как-то по вопросу о важности или ненужности приобрести знания, об агитационной тактике и т. под.

Когда раскол произошел, и когда в течение первой половины 1873 г. из России приходили все более определеленные известия о том, что кружки русской молодежи гораздо ближе к взглядам „бунтарей“, чем „подготовителей“, когда более близкое знакомство с приезжавшими из России сторонниками „Вперед!“ убедило меня, что в самом персонале этих сторонников и в их тактике существуют кое-какие причины, способные вредно подействовать на успех нашего дела, я с каждым днем более убеждался, с какими огромными трудностями придется бороться редакции его для поддержки его существования и особенно для доставления ему некоторого влияния. Внутренно я вовсе не надеялся тогда, что он просуществует

графия, основанная петербургским кружком и перешедшая из-под руководства Александрова (оставшегося в Цюрихе) в руки Лазаря Гольденберга; там же оставались разбитые элементы утинского кружка, вполне враждебного бакунистам, но с которыми и сторонники „Вперед!“ не желали очень сближаться (хотя Ник. Утин предлагал отдать свою типографию в их распоряжение), так как слишком бесцеремонная вражда Утина против Бакунина вызвала против него сильное раздра-

4 года. Если бы я за год перед тем узнал положение дела, как я узнал его весною 1873 г., я бы наверное отклонил от себя это дело, не считая ни полезным, ни возможным начинать его. Если бы это имело место в октябре 1872 года, то довольно сомнительно, чтобы я счел себя в силах вести его при данных условиях. Но весной 1873 г. я уже не считал себя в нравственном праве отказать в моем самом живом содействии умной и энергической молодежи, сгруппировавшейся около органа, существовавшего еще лишь в общем плане, молодежи, разорвавшей со вчерашними товарищами, гораздо более многочисленными и сильными, чем они, при чем, вне меня, на их сторону не стала ни одна сколько-либо известная литературная сила. Я чувствовал нравственную обязанность бороться всеми своими силами вместе с людьми, ставшими около меня и добровольно подчинившимися моему единоличному руководству, когда мое прошедшее не давало им никакого ручательства в моей компетентности для подобного *политического* дела. Я решился взять на себя всю тяжелую ответственность ведения „Вперед!“ вместе с теми силами, которые были налицо, пока более важные, принципиальные причины не явились бы помехою продолжению этого сотрудничества.

Под этим влиянием я написал для печати третью программу „Вперед!“ как издания, задачей которого было — „подготовлять“ социально-революционный переворот в России.

На меня сильно нападали за эти три *различные* программы „Вперед!“. Эти нападки были бы вполне справедливы лишь в том случае, если бы в этих программах во всех трех случаях имелась в виду одна и таже цель. Но дело было совсем иное. Первая программа была программою предполагавшегося издания, исходящего из русского литературного радикализма 60-х годов, выступающего теперь как боевая партия в подпольной литературе 1872: личные мнения редактора были здесь элементом второстепенным. Вторая программа была программою издания, которое, не подчиняясь многим пунктам бакунизма 1872 г., имело в виду сохранить единство социально-революционного движения в России в принципиальном отношении: личные взгляды редактора могли в ней проявляться лишь в той мере, в какой они не вредили этому единству. Лишь третья программа была личною программою редактора, принимавшего полную и исключительную ответственность за помещение в издании одного и за непомещение другого

жение во всей эмиграции (вследствие этого даже безобразная кулачная расправа бакунистов с Утиным осенью 1872 года — о чем упомянуто выше — вызвала в русской колонии не столько возмущения, как оно было бы при других условиях).

Цюрих сделался довольно случайно в эту эпоху главным центром заграничного политического движения русской молодежи. За несколько лет перед тем туда приехали две — три женщины с желанием серьезно изучать медицину при условиях более удобных, чем представляла для этого Петербургская Военно-Медицинская Академия. Эта энергическая инициатива в области научных работ женщин, в которой главную роль играли С. и Б., имела блестящий успех вследствие замечательных качеств ума и характера этих личностей. Немедленно из всех концов России хлынули в Цюрих, по следам С. и Б., молодые женщины, жадные до умственного развития. Это движение еще усилилось впоследствии, когда занятиям женщин в русских университетах и академиях возникли еще большие препятствия. Молодые люди имели меньше поводов променять русские университеты на иностранные, но, с одной стороны, возникшее среди русских женщин стремление в Цюрих не могло не захватить хотя отчасти и молодых людей; с другой же туда влекло — как вообще влечет многих русских за границу — желание подышать хоть несколько лет свободно, не опасаясь доносов, обысков и арестов, в республике, на которую не распространялось влияние растущей в России реакции. Все поводы, которые вызывали на родине университетские волнения, агитационные попытки „Молодой России“ и „Великоросса“, стремление социалистов в народ и т. п., вырабатывали в русской цюрихской молодежи, раз она скоплялась здесь в достаточном количестве, еще более удобную почву для волнения, чем русские столицы и университетские города. Цюрих же, по сравнению с другими заграничными центрами русских колоний, имел то отрицательное преимущество в отношении условий агитации, что он представлял сравнительно почву еще свежую; она не была заражена настолько, как Женева и ее окрестности, борьбою старых фракций 1864 — 70-х годов, борьбою, которая в романской Швейцарии сохранила элементы переживания несравненно более прочные, чем зародыши будущего якобинизма, существовавшие в Цюрихе. Собственно в Цюрих русская молодежь ехала учиться и *только* учиться, как с этою же целью, в предшествующее и в это самое время, рвалась она в русские университеты, а женщины в России пытались завое-

вать себе право учиться рядом с мужчинами в этих университетах и в медицинской академии. Но историческое движение в эту же самую эпоху неизбежно вело к тому, чтобы во всяком скоплении живой молодежи, по какому бы поводу оно ни произошло, возникало течение мысли с одной стороны оппозиционное правительству — с другой получающее социалистическую окраску, особенно в Европе, где с половины 60-х годов вся историческая жизнь стала все более обусловливаться вопросами социализма. Инициаторки научного движения русских женщин в Цюрихе напрасно просили социалистических агитаторов оставить Цюрих в стороне, чтобы не мешать тамошнему скоплению молодежи в виду *научных* занятий. Они правильно предвидели, что русское правительство разгромит этот *научный* центр, как только он сделается центром социальной и политической агитации. Но не возникнуть эта агитация не *могла*, как только произошло скопление русских интеллигентных сил. Если бы дело шло не об основании „Вперед!“, эта агитация происходила бы на почве борьбы (тогдашнего) анархизма с марксистами, на почве нечаевщины, на почве полусоциалистических якобинских фракций, подобных тем, которые стояли на первом плане в 1864 — 72 года. Так или иначе в сфере бесстрастной науки, чуждой политическим вопросам, *не могла* оставаться приливающая туда молодежь, а потому и вполне реакционное в 70-х годах правительство Александра II *не могло* предоставить беспрепятственно русской молодежи ехать в Цюрих „учиться“.

Как бы то ни было, но вследствие комбинации указанных поводов, в конце 1872 и в 1873 годах в Цюрихе образовалась довольно многочисленная колония русской учащейся молодежи. Часть города, носящая название Оберштрассе, особенно улица Флюнтерн, сделалась как бы русским городом. В аудиториях университета и политехникума (преимущественно в медицинском факультете), на улицах, на Цюрихском озере слышалась сплошь да рядом русская речь. По вечерам распевали русские песни. На высотах Форстгауза, откуда открывался великолепный горизонт, окаймленный Сент-Галльскими Альпами, каждый вечер из наборни „Вперед!“ шли с песнями группы молодых наборщиц [1]). В их рядах были очень многие из тех, которые должны были через несколько лет выступить в процессе 50 (Бардина, Лидия

[1]) Ниже я называю лишь тех, которых считаю себя в праве назвать, так как их роль в тогдашнем движении вполне известна правительству.

Фигнер, две Любатович, три Субботины, Александрова, Каминская и др.). Они тогда уже образовали все более сплачивающуюся группу, о которой я еще скажу ниже. Брэмер-Шлюссель был центр бакунистов, где руководящею личностью был Росс (Сажин), которому Бакунин передал почти всю русскую отрасль своих дел, и в кругу товарищей которого были особенно заметны Смецкая, Ралли, Гольштейн, Эльсниц. Две русские библиотеки были открыты для сторонников двух соперничающих фракций. До 200 слушателей собирались на русские рефераты о „роли славян в истории", о „началах христианства", об „эволюции мысли вообще", и на прения по разным текущим вопросам. Здесь в аудитории часто присутствовала Вера Фигнер, в которой ничто еще не позволяло предвидеть одну из самых крупных будущих деятельниц русского революционного движения. Она и многие другие (в том числе и Александр Кропоткин) стояли вне соперничающих фракций или поддерживали приятельские сношения с обеими.

Конечно, это скопление молодежи, совершенно неопытной и проникнутой, за немногими исключениями, лишь аффектом служения обществу и великим идеям, не могло не представлять в иных случаях несколько комичных явлений, тогда как в других можно было в некоторых группах разглядеть уже зародыши будущего общественного героизма. Явления первого рода вызывали юмористические очерки в умах трезвых и долженствовавших в последующее время оставить резкую черту в истории русского движения.

Так, Вера Фигнер впоследствии писала об этой эпохе, между прочим:

„Кажется, я не *неглижировала* своим образованием: в Цюрихе была даже членом особенного ферейна из одних женщин, русских студенток, целью которого было тоже научиться логически говорить— потому мужчины и не допускались, как конкуренты, которые своим красноречием и веками накопленной логикой могли препятствовать нашим упражнениям. И мы упражнялись, уверяю, добросовестно: читали рефераты о самоубийстве и о Стеньке Разине, о Кабэ и Сен-Симоне; спорили до хрипоты о теории ренты Рикардо, о законе народонаселения Мальтуса, и распустили ферейн, только дойдя до вопроса о том, должно ли при социальном переустройстве разрушить цивилизацию, или можно отнестись к ней снисходительно и сохранить ее для обновленного человечества. Этот вопрос так глубоко затронул страсти, что мы точно белены объелись: некоторые пролили даже кровь—не ужасайтесь: из носу от волнения, а не от удара с чьей-нибудь стороны—спорили, спорили, никак не могли перекричать друг друга, разделились на партии, объявили, что примирение невозможно (о логике и забыли, но, вероятно, никто не сомневался, что она на его стороне), и после этого уже не собирались вместе. Этот ферейн был потом окрещен названием „дикий", быть может благодаря нападкам на цивилизацию, быть может потому, что из него были исключены мужчины, что могли находить несообразным с идеей равноправности, столь присущей XIX веку. Я была тогда умеренной — стояла за цивилизацию, находя довольно жестоким заставлять человечество вновь завоевывать то, что оно приобрело с такими жертвами; но другим казалось, что в ней-то и кроется корень социальных бедствий".

Отрывок (сравнительно длинный) из другого письма ее о цюрихском периоде приводится здесь целиком, так как он представляет интересную иллюстрацию простых дружески-юмористических отношений, существовавших между молодыми девушками, из которых чуть ли не все должны были через немногие годы играть весьма серьезную роль в русском движении.

„Однажды за границей Лидия, я и еще 6 студенток отправились вон из Цюриха, чтобы прожить месяц — два где-нибудь в уединении. Мы совершили забавную поездку, чему не мало способствовало то, что куда мы ни появлялись, всюду мы производили сенсацию, проявляющуюся толпой гаменов, шествовавших за нами по пятам. Так мы прибыли пешечком в местечко Лютри, не далеко от Невшателя; случай привел нас при поисках квартиры в опустевший по случаю ваката пансион для девиц, где мы за сходную цену и поселились. Это было немного смешно, потому что нам отвели две комнаты, где 8 кроватей составляли настоящий дортуар; питали нас кофеем и салатом, так как M-lle Auguste, старая дева, стоявшая во главе воспитательного заведения, считала, вероятно, что для того, чтобы у ее питомцев дух был бодр — плоть должна быть немощна, но, как нам известно, молодые люди, если не отличаются дурным аппетитом, то отличаются способностью переносить стоически физические бедствия, — и мы переносили, бегая тайком в лавочку за хлебом, чтобы усмирить желудки, требовавшие чего-нибудь более положительного, чем различного рода и в различных видах салат. Так же терпеливо сносили

мы и то, что перед вкушением оного салата должны были выслушивать молитву, которую M-lle Auguste произносила с чувством, закатывая глазки и сложив руки под ложечкою, символически указывая, что тут находится первая станция, куда отправится салат. Мы были тогда в возрасте, который характеризуется словами: „духовной жаждою томим“, и находились в полном разгаре изучения рабочего вопроса в теории и на практике. Поэтому заседания Невшательской секции Интернационала имели для нас самую неопреодолимую силу притяжения. Из этого, можно сказать, вытекало драматическое положение нас, как особ, имеющих приют в пансионе — если не благородных, то, во всяком случае, платящих несколько сот франков в год — девиц. В первый-же раз, когда мы отправились на вечернее собрание, оставшиеся сделались свидетельницами сильных душевных потрясений. Надо вам сказать, что Швейцария — самая буржуазная страна в свете по отношению к почитанию всего условного, приличий и формальной внешности, кодекс которой доходит до грубо-смешного. В 9 часов, когда мирные обитатели Лютри уже задремали, а наши и не думали возвращаться, в пансионе обнаружилось беспокойство, которое к 10-ти перешло в волнение, а к 11-ти в смятение, когда в здании мелькали тени и огни, в воздухе пахло нашатырным спиртом и гофманскими каплями, M-lle Auguste, заведывавшая экономической частью, металась в беспокойстве из комнаты в комнату, произнося спичи на тему: „что скажет княгиня Марья Алексевна?“ и изображала всем, имеющим уши слышать, меланхолическую картину погибели репутации ее заведения и провозглашала свое благосостояние руинированным. А наши приятельницы, со спокойным духом и надеждами на будущее счастье человечества, распевали себе Карманьолу с M. Guillaume. К довершению всего ночью собралась гроза, и электричество совершенно уже гальванизировало почтенных матрон. Наконец, наши явились (я осталась дома), и с облаков попали под самые бурные объяснения, описывать которые не берусь: мое перо, как говорят все порядочные авторы, отказывается служить. Могу сказать только, что нашей общей тетушке Бардиной пришлось выдержать самую упорную баталию, которая кончилась, однако, с честью, и в результате была заключена конвенция, примирившая враждующие партии до конца оплаченного месяца. Но все это я пишу между прочим, а главное то, что живя в количестве 8-ми душ в 2-х комнатах, мы хорошо узнали нравы друг друга и открыли один феномен, проявляемый особой, которую мы

по-приятельски звали „гусаром“, за храбрость и за черты лица, которым кудрявые, по-мужски остриженные волосы и костюм, который у Лидии называли одеждой монастырского служки, придавали действительное сходство с юношей. Вот, бывало, поутру спрашиваешь ее: „Гусар, который час?“ Гусар смотрит во все глаза и молчит. Еще раз говоришь: „Гусар, который час?“ Молчит. Наконец с досадой крикнешь еще: „Неужели трудно сказать человеку, который час, когда часы подле вас?“ Тогда, после промежутка чего-то неопределенного и которое я могу сравнить только с тем, что проделывают дешевые стенные часы сельских школ и волостных правлений, которые сначала зашипят, засвистят и только возбудив ваше внимание до nec plus ultra пробьют раз, два... тогда раздается с оригинальной интонацией: „Вы знаете, я по утрам не говорю?!“ Во-первых, мы не знаем, во-вторых, почему это? И почему по утрам? Все это осталось неразъясненным и, признаться забавляло нас, вызывало взрывы хохота. Хохотала и я... но теперь я поняла, что можно не говорить не только по утрам, но и по полдням, по вечерам и по целым дням“.

Именно в группе, которая охватила очень многих лиц, упомянутых в этом письме (впрочем не Веру Фигнер и „гусара“), я позволю себе несколько долее остановиться, потому что, независимо от крупной роли этой группы в движении последующих годов, именно в ней в Цюрихе произошло подобное же сплочение в виду коллективной деятельности в России, которое имело место и в кружках в самой стране, о которых сказано было выше.

Членов этой группы сблизили не только общие жизненные убеждения, но и горячие личные симпатии. Биографы Бардиной и Бэти Каминской характеризовали интимную жизнь этого кружка следующим образом („Общ.“, № 6-7, 70; „Бард.“ 7 и след.).

„Эти женщины имели каждая свою индивидуальную физиономию. Одни выделялись своим сильным, ясным умом, другие — непреклонною настойчивостью... третьи удалью и храбростью, четвертые — пламенным энтузиазмом“.

В Цюрихе, где они сошлись, о каждой из них можно было сказать то, что биограф говорил о Бэти Каминской:

„В Цюрихе встретил ее новый мир, в котором вопросы, так смутно волновавшие ее еще в родной глуши, волнуют и других. Она встретилась здесь с несколькими студентками, такими же молодыми, как

она, съехавшимися с разных концов России, гонимыми теми же стремлениями, и незаметно сближалась с ними. Вскоре это сближение перешло в самую тесную дружескую связь. В их молодом и полном любви кружке шли горячие беседы, чтения и рефераты по рабочему вопросу.

„Каминская и ее подруги сделались самыми пламенными прозелитками социализма. Но это не были люди, способные удовлетвориться одними теориями. Самые теории интересовали их только как ответ на мучившие вопросы жизни. Поэтому, наряду с теоретическими занятиями, шли планы практического применения революционного социализма в России“.

Биограф Бардиной, далее останавливаясь на их личных отношениях, говорит:

„В среде будущих „московок“ (как зовут между собою социалисты женщин московского процесса) преобладал особый вид дружбы, который можно назвать *пансионской*, потому что она отличалась такой исключительностью и экзальтированностью, какие обыкновенно встречаются только между юными пансионерками. Не то, чтобы эти девушки были уже до такой степени юны: некоторым было уже лет по двадцати. Но масса новых, неизведанных и глубоких ощущений, нахлынувших на эти молодые впечатлительные души, была слишком велика, чтобы таиться в их собственной груди. Отсюда потребность в интимной дружбе, которая при общей экзальтации, вызванной таким глубоким нравственным переломом — естественно принимала тот оттенок восторженности и исключительности, который заставил бы улыбнуться более спокойного наблюдателя.

„Такой именно и была Бардина. Ее трезвый, насмешливый ум не выносил никакой сантиментальности, и строгое критическое отношение к себе и к другим не допускало той безмерной идеализации, которая служит основою всякой черезчур экзальтированной дружбе. Бардина казалась гораздо старше, серьезнее своих лет среди этой зеленой молодежи, относившейся к ней поэтому с оттенком почтительности. В кружке у нее не было специального друга, потому что она распределяла свою привязанность справедливее и потому равномернее, что, конечно, должно было только способствовать ее общему влиянию на кружок. Однако с двумя из своих подруг она сошлась ближе, теснее, чем с прочими — это были Лидия Фигнер и в особенности Бетя Каминская, ее „любимицы“, как их называли в кружке.

„Характерен этот выбор. Как Бетя, страстная порывистая южанка, напоминавшая своей экзальтацией средневековых пророчиц, так и Лидия, натура тихая, ровная, терпимая — обе они были самым чистым воплощением того типа идеальных, безгранично любящих и самоотверженных женщин, который так часто вдохновлял собою поэтов и романистов. Казалось, трудно было подыскать контрасты более полные, чем между Бардиной и ее приятельницами. А между тем, как это всегда бывает между близкими друзьями, при всем их внешнем различии, они в сущности имели между собою много общего. Одна из них — Каминская — ведь и кончила, подобно Бардиной, самоубийством и при том под влиянием весьма сходных, чисто идейных, мотивов; у обеих служение известным идеалам было насущною потребностью, помимо которой жизнь теряла всякий смысл; у обеих основою характера была строгая правда и прямота по отношению к себе и своим обязанностям, — с тою только разницею, что у одной это вытекало непосредственно из нежной любвеобильной натуры, тогда как у другой это вылилось в более суровую форму сознательных нравственных обязательств пред собственною совестью“.

Таков был в его первоначальном образовании и развитии кружок тех, которым тогда давали кличку „фричей“ (чуть ли не по имени хозяйки дома, где жили вместе многие из них) и которые впоследствии, как увидим ниже, вошли в историю под именем „московок“ процесса 50 [1]).

В конце 1873 г. русская колония в Цюрихе была так значительна, что явилась мысль приобрести дом, где могли бы происходить собрания, помещалась бы библиотека и т. под. Эта афера оказалась очень

---

[1]) По моим личным воспоминаниям именно рассказ об этих молодых энтузиастках, посвящавших свое время, свои силы и отчасти свои средства на дело, которому они начинали служить, вызвали у Ивана Сергеевича Тургенева внезапное и вполне самостоятельное решение помогать изданию „Вперед!“ взносом 500 франк. в год, что исполнялось им до 1876 г. включительно. Ни с какой „просьбой о содействии“ никто никогда к нему не обращался. Документы по этому делу, сообщение о котором в парижской „Justice“, в самый день отпевания Ивана Сергеевича на rue Daru, вызвало против меня громы русской прессы, были показаны нескольким всеми уважаемым моим соотечественникам, которые, может быть, в свое время найдут возможным засвидетельствовать это.

неудачною в денежном отношении, особенно после того, как над цюрихскими студентками грянул гром из России.

В русских газетах они прочли официальное объявление, что русское правительство требует, чтобы они оставили Цюрих, причем оказавшимся непослушными грозило запрещение держать в России экзамен на доктора и получать дозволение заниматься там медицинскою практикою. В первую минуту можно было сомневаться, не поведет ли энтузиазм, волновавший тогда русскую молодежь, к крупному фактическому протесту против абсолютизма, и не вызовет ли подобный протест, заявленный в минуту увлечения, при недостаточном взвешивании последствий, нового слоя эмиграции. Редактор „Вперед!“ немедленно созвал собрание русской колонии, стараясь в речи уяснить положение дел, побудить слушательниц обдумать последствия того или другого своего решения и принять это решение с полным сознанием возможных результатов. Александр Кропоткин обратился к ним с убедительною просьбою действовать не сейчас, а дав себе время обсудить поступок. Большинство решилось подчиниться. Собственно научным занятиям русских женщин за границею этот погром не повредил. Приобретенный в Цюрихе опыт был только перенесен в другие города Швейцарии и Франции, а так как присутствие русских женщин в мужских аудиториях не было уже для Европы новостью, то и оппозиция студентов-мужчин этому присутствию оказалась несравненно слабее, чем она была сначала в Цюрихе или даже в петербургской медицинской академии (когда одна С. была студенткою в обоих этих местах). Берн, Базель, Женева, наконец Париж сделались почвою более широкого продолжения дела, начатого в Цюрихе. В Париже даже русский посланник, княз Орлов, содействовал открытию медицинской аудитории для русских женщин [1]). Почва для научных занятий русских женщин за границею значительно расширилась. Однако русское правительство не смягчилось их покорностью, оно, напротив, исполнило для *всех* их ту угрозу, которую высказало для цюрихских студенток лишь на случай их ослушания. Женщины-доктора всех европейских университетов потеряли через несколько лет возможность держать в России

---

[1]) В благодарность за эту помощь одна бывшая бакунистка, получившая степень доктора в Париже, посвятила свою докторскую тезу посланнику русского императора (причем, впрочем, раздавала приятелям экземпляры этой тезы, вырвав из них это посвящение: у меня были в руках экземпляры того и другого рода).

экзамен на доктора и заниматься медицинскою практикою [1]). В 1873 г. русские цюрихские студентки покорились. Однако эта покорность имела в некоторых случаях особый смысл. „Фричи“, о которых сказано выше, решили вернуться в Россию и, оставив мысль о дипломах, нести в русский народ „благую весть“ социализма: это были участницы будущего процесса 50. Большинство остальных разъехалось по другим университетам. Цюрихская русская колония быстро уменьшалась в числе и изменилась по характеру. В ней стали проявляться те же болезненные явления скопления эмигрантов, которые имели место в разных местах эмиграции 1863—72 годов. Почва Цюриха сделалась неблагоприятною для дальнейшей редакционной работы, а давление русского правительства на маленький кантон, выдавший в 1872 г. Нечаева, становилось чувствительно и для издателей „Вперед!“ Они перенесли типографию и редакцию в Лондон, где она и оставалась до прекращения издания „Вперед!“, т. е. до 1877 года.

В продолжение всего времени, пока центр русского заграничного движения оставался в Цюрихе, и после 1847 г. все фракции действовали энергически, проводя каждая свое мнение.

Первый печатный листок, вышедший из типографии „Вперед!“, было обращение к „Русским Цюрихским студенткам“ по поводу только что указанного погрома (именно речь, произнесенная при этом редактором). Затем в июле 1873 г. появился первый том непериодического издания „Вперед!“, в марте 1874 г. второй. Тогда же изданы „Письма без адреса“ Чернышевского.

Бакунисты издали в 1873 г. „Государственность и Анархия“, „Историческое развитие Интернационала“; в 1874 г. „Анархия и Прудон“. К той-же фракции, но, насколько известно, независимо от влияния Бакунина, принадлежала „Революционная группа русских анархистов“, издавшая брошюры: „К русским революционерам“ (1874) и „Парижская Коммуна“ (1874).

---

[1]) Интересно было-бы угадать, как поступили-бы в 1873 г. студентки, изгоняемые из Цюриха самодержавием русского императорского правительства, если-бы они предвидели, что через несколько лет русские женщины учащиеся за границею, вообще будут поставлены в подобное положение. Как-бы то ни было, но в 1873 году энтузиазм русской цюрихской молодежи, бросившейся толпами „в народ“ в 1874 году, не дошел еще до достаточной степени.

Женевская типография выпустила, как было сказано выше, 17 изданий.

Якобинцы издали 7 карикатурных листков, направленных сообща против редактора „Вперед!“ и против бакунистов (особенно Росса), причем иные из этих карикатур были довольно остроумны с точки зрения издателей.

Все эти фракции сносились с Россиею приблизительно одними и теми же путями и, большею частью, при помощи одних и тех же посредников на границе, которые получали и переправляли в Россию транспорты изданий, войдя в сношения с контрабандистами. В этой специальной функции особенную благодарность от всех фракций заслужили тогда Зунделевич и Финкельштейн-Литвинов. И в России пути распространения изданий для всех фракций были почти одни и те-же. Большее или меньшее распространение имели в пропагандистских и агитационных кружках те или другие издания не потому, от какой заграничной фракции они получились, но потому, насколько они соответствовали настроению молодежи в России в это время. Так как, рядом с пропагандою живым словом в народе, распространение книг, брошюр и агитационных листков было главным делом русских революционеров этой эпохи, то очень быстро организовался способ этого распространения, весьма успешный и неизбежно ослабевший в последующие периоды движения, так как самые живые силы направлялись тогда на другую деятельность. Годы 1874 и 1875 представляли в этом отношении наилучшую организацию распространения подпольной литературы. Хотя, конечно, и тут были провалы более или менее чувствительные [1]).

[1]) Иные эпизоды были любопытны. Припомню один из них. С границы в Петербург дали знать кружку впередовцев, что идет транспорт с книгами. Приняты были получателями надлежащие меры. Транспорт был получен. При вскрытии тюков оказались в них оберточная бумага, пакля и всякая дрянь. Печатного не было ничего. Между тем не произошло ни обысков, ни новых арестов, которые можно было бы сблизить с этим, следовательно транспорт не был в руках полиции. Недоумевали, куда он девался. Вдруг в Петербурге стал распространяться слух, что в одной местной гимназии (если не ошибаюсь, в Динабурге) чуть не у каждого гимназиста находятся новые издания впередовцев; что они находятся там у всех грамотных и продаются по невероятно дешевой цене. Очень скоро, конечно, об этом узнало начальство гимназии и запрещенную литературу изъяло из обращения. Оказалось, что шайка воров выкрала со станции тюки, думая найти там ценный товар, и очень разочаровалась, найдя печатные листы. При отсутствии всякого знакомства с политическим характером этой литературы, воры не догадались, как извлечь из нее выгоду, и стали простодушно продавать на рынках и грамотным людям вообще (а где-же в Динабурге грамотные, вне гимназии?) за несколько копеек преступный товар. Насколько помню, петербургским кружкам впередовцев удалось все-таки, по получении известия, добыть некоторую долю непроданного еще транспорта.

Рядом с организациею распространения в России подпольной литературы, довольно искусно были организованы и сообщения русских местных агитаторов с заграничными группами (особенно с Цюрихом и Женевой). Фабрикация фальшивых паспортов процветала. Личности, занимавшие вполне легальное положение, являлись под фантастическими именами как в разных местах России, так и в заграничных русских колониях. Интернированные в уездных городах находили, если желали этого, готовые способы бежать за границу. Из более крупных новых эмигрантов, в связи с соперничеством заграничных фракций, следует упомянуть появление в Цюрихе в первые месяцы 1873 г. Соколова, около начала 1874 г. — Ткачева.

Первый немедленно вошел в ряды бакунистов, стал одним из самых резких порицателей Лассаля и Маркса и вскоре безобразным фактом кулачной расправы с секретарем редакции „Вперед!“ (при содействии или попущении нескольких крупных бакунистов) вызвал такое возмущение в русской цюрихской колонии (совершенно помимо политического направления тех или других лиц), что на русском собрании колонии огромным большинством постановлено было требовать от кружка бакунистов, чтобы они удалились из Цюриха (конечно, это постановление ограничилось *моральным* действием). Приезд в Цюрих Бакунина на помощь своим сторонникам оказался безуспешным. Вражда фракции получила такой острый характер, что вызвала целый ряд печальных явлений, отчасти трагикомических. Они послужили точкой исхода и таким позднейшим эпизодам (в конце 1873 и в начале 1874 г.), которые мало по малу исказили идейный характер русского цюрихского движения, позволили появиться среди колонии группам, не имеющим ничего общего с политическими и социальными задачами русского общества (вроде группы — „негодницы“) и окончательно к весне 1874 г. (после разъезда изгнанных студенток и

перехода в марте типографии и редакции „Вперед!“ в Лондон) отняли у Цюриха всякое серьезное влияние на русское движение.

Ткачев, напротив, приехал как сотрудник „Вперед!“, и из разговоров его можно было заключить, что он как бы прислан русскими кружками (собственно, не сторонниками „Вперед!“) для внесения в это издание элемента, более соответствующего настроению духа в русской молодежи [1]). Редакция приняла с удовольствием сотрудничество талантливого литератора. Во втором № издания помещена была его статья („Из Великих Лук“), другая встретила такое недовольство в членах кружка ближайших сотрудников и наборщиков, что редакция, не имевшая ни малейшего повода противодействовать этому настроению, устранила статью. Ткачев переехал с редакцией в Лондон, поселился вместе с нею и лишь при первом распределении работ для третьего тома непериодического издания заявил такие требования относительно влияния на общее ведение редакционных дел, что немедленно обнаружилась полная невозможность работать вместе. Через несколько дней после разрыва появилась — заготовленная очевидно уже ранее — брошюра Ткачева „Задачи революционной пропаганды в России“ (апрель 1874), на которую редактор „Вперед!“ счел необходимым (несмотря на свое отвращение от журнальной полемики) немедленно ответить брошюрою „Русской социально-революционной молодежи“. Русский якобинизм за границею получил начало, как направление прямо враждебное и „подготовителям“, и „анархистам“ и отодвигающее задачи социализма в России на второй план. В следующем году появился его орган „Набат“; он продолжался с перерывами до 80-ых годов, причем группою „Набата“ отдельно изданы сборник статей (большею частью Ткачева) „Анархия мысли“, „Ораторы-бунтовщики“ и т. дал., „Материализм и идеализм в Политике“ Амори (Турского), несколько переводных работ и т. под.

Герман Лопатин, появившийся за границей из Иркутска в 1874 г., не пристал, как деятельный член, ни к одной из фракций, враждовавших между собою за границею, но близкие дружественные отношения его к редактору „Вперед!“ позволяли ему сотрудничать в последнем и оказывать самое разнообразное содействие его редакции как делом, так и советом. Ему обязана была редакция доставлением

[1]) По позднейшим сведениям, едва ли впрочем он имел какое-либо определенное поручение этого рода.

рукописи Чернышевского „Пролог к Прологу“ (1877), которую он привез из Сибири с поручением пославших рукопись напечатать ее за границею.

Вообще сношения группы „Вперед!“ с Россиею к концу 1874 г. улучшились. Враждебность бакунистов при ведении сообща дела в России и при общих опасностях ослабела, а появление общего литературного врага в „Набате“ не могло не сблизить группы, бывшие одинаково социалистическими. Сближение в Лондоне с Марксом, живые сношения с немецкими социал-демократами дали сторонникам „Вперед!“ в Европе прочное положение, на которое трудно было надеяться его редактору в конце 1872 года, при начале дела. Бессилие, обнаруженное бакунистскою фракциею Интернационала в Европе, организоваться помимо Генерального совета и устроить сколько-либо влиятельные конгрессы, отразилось и в России ослаблением бакунизма, как определенной партии. Корреспонденции начали в большем числе притекать в редакцию „Вперед!“. Обещания сотрудничества и материальной помощи были еще значительнее. В конце 1874 г. редактор предложил своим товарищам по литературной и типографской работе перейти к периодической форме издания. С 1 января 1875 года стала появляться *газета* „Вперед!“ 1 и 15 каждого месяца. Тот самый энтузиазм, который толкал в 1873 — 1875 годах в России толпы молодежи в народ, который вырабатывал из цюрихских наборщиц „Вперед!“ „московок“ процесса 50 и воплощался перед судьями в речах Бардиной, Алексеева и др., тот же самый энтузиазм поддерживал социалистическое „подвижничество монастыря“ на высотах Головэя. Там неутомимо писал, в одной комнате, днем и ночью, нервный секретарь редакции Вал. Ник. Смирнов. Там, в другой, работали на 4 кассах наборщики и наборщицы, иногда совершая невероятные подвиги [1]). Когда же номер газеты был набран, и утомленные наборщики спали, там до 3 и 4 часов ночи метранпаж (Ал. Лог. Линев) подготовлял формы, которые надо было утром отправить в типографию, и от времени до времени спускался по лестнице в кабинет редактора, чтобы сообща устранить возникшие затруд-

[1]) Припоминаю один факт: бывший военный, по прозвищу „капитан“, никогда не занимавшийся набором до приезда в Лондон, в одни сутки набрал, помню, мой ответ Ткачеву.

нения (выбросить две-три лишних строчки или прибавить новые для пополнения оставшегося на странице места, или же заменить слова с слишком большим числом буквы *и* другими: шрифт был в обрез, и этой несчастной буквы *и* очень часто не хватало, — и т. под.). Только этой неутомимости и этому энтузиазму можно приписать, что газета, издаваемая эмигрантами, при весьма немногочисленных литературных силах и при очень небольших материальных средствах, ни разу в продолжение двух лет не опоздала выходом [1]). Кроме толстого № 3 непериодического издания и 48 №№ газеты (за 1875 и 1876 года) в это же время изданы особо „В память столетия Пугачева“, „По поводу самарского голода“, „Общественная служба в будущем обществе“, „Государственный элемент в будущем обществе“; (это был собственно первый — и единственный — выпуск № 4 „Вперед!“ непериодического издания); „Хитрая механика“ (2 издания), „Мудрица Наумовна“, „Пролог к прологу“ Чернышевского (1877).

Вне издательского дела лондонская группа „Вперед!“ по мере возможности уделяла часть своей деятельности и на дело непосредственной пропаганды. В ее Головэйский монастырь являлись порою тайно представители разных революционных или более мирных кружков русской оппозиции; позже, как будет указано, и делегаты от действующих в России групп. Там можно было иногда видеть Лизогуба с его раздражительным больным приятелем Ф. [2]), не допускавшим даже временного самостоятельного хозяйства общин из опасения их конкуренции, способной повредить социалистической солидарности. Там можно было встретить после разгрома 1874 г. новых эмигрантов, игравших крупную роль в движении в народ 1873 — 74 годов, о котором будет сказано ниже. Можно было встретить, вслед за его знаменитым бегством, и П. Кропоткина, начинавшего, после своей деятельности в России в кружках чайковцев-анархистов, свою интернациональную анархическую деятельность, доставившую ему мировую известность. Оттуда шли проповедывать социализм на собраниях лондонских евреев Либерман, приехавший в Лондон с мыслью воспользоваться традицией мессианизма для толкования ее в смысле социализма, но скоро оставивший этот план для социалистической пропаганды в обычной форме, и Л. Гольденберг, оставивший женевскую типографию, причем подобная проповедь подвергала их иногда и личной опасности среди евреев, фанатизированных их раввинами. Оттуда Либерман поехал и в Германию основывать первый еврейский социалистический орган. Там являлись временами наборщиками самые разнообразные личности: бывшие военные, будущие мирные медики или участники земского дела, уроженцы и уроженки Екатеринбурга или Кавказа. Оттуда заводились сношения и с экипажами русских судов, приезжавших в Лондон. Там, под знаменем социализма, русские братались на общественных собраниях с поляками, сербами, чехами, и посылали вместе прокламации в Америку (о чем скажем ниже). Но, конечно, главным делом были издания.

Именно в эту эпоху русское движение самым наглядным образом разветвляется на две отрасли, которые можно рассматривать особо, хотя зависимость между ними никогда не исчезала. Тогда как в заграничных изданиях шли преимущественно споры о теоретических основах русского социализма, и эти основы вырабатывались все более определенно (к чему мы и переходим в следующей главе), в России все эти теоритические вопросы заслонялись драмою жизненного движения пропагандистов в народ и последовавших за тем погромов. Лишь в конце эпохи, в речах, произнесенных на суде обвиняемыми, оказалось возможным констатировать, какая крепкая внутренняя связь существовала между указанными двумя отраслями.

---

[1]) Я могу утверждать самым решительным образом, что без только что упомянутой неутомимой деятельности В. Н. Смирнова по литературной отрасли работ и А. Л. Линева по технической, „Вперед!“ не просуществовал бы двух-трех месяцев.

[2]) Об этом Ф. мне сообщали слух, будто он, впоследствии, занимал временно руководящую роль в какой-то раскольничьей секте.

3. „Вперед!“

Чтобы судить о том, насколько заграничная группа издателей „Вперед!“ выполнила задачу, ею себе поставленную, приходится обратиться к самому тексту ее изданий в продолжение четырехлетнего их существования. Само собою разумеется, что в этот промежуток времени роль редакции, по отношению к ее сторонникам в России, постепенно выяснялась и определялась. Программа первого номера (I, 1 — 26) и обращение к читателям, ей предшествовавшее (I, III-IV), носили в себе явные следы того, что участники редакции смотрели на себя лишь как на литературных выразителей мнений групп, существующих и действующих в России и обнимающих взгляды в значительной мере разнообразные и сходящиеся лишь в общих чертах.

„Это не дело лица; это не дело кружка; это — дело всех русских, сознавших, что настоящий порядок политический ведет Россию к гибели; что настоящий общественный строй бессилен исцелить ее раны.

„У нас нет имен. Мы — все русские, требующие для России господства народа, настоящего народа; все русские, сознающие, что это господство может быть достигнуто лишь народным восстанием и решившиеся подготовить это восстание, уяснить народу его права, его силу, его обязанность.

„Много-ли нас, мало-ли нас — сочтете в день настоящей борьбы.

„Мы — всюду: в кружке эмигрантов, оторванных от родины, в одинокой ссылке в безлюдном городе, в дальнем разоренном селе, в сонном уездном местечке, на базаре ярмарки, на площади столицы...

„Мы далеко от вас; мы среди вас“...

В связи с этою „безыменностью“ лиц, не считающих, что их политическая программа вполне определилась для читателей фактами их прошлого, решено было не подписывать статей, а сама программа

заключала в себе не столько пункты действия литературного и агитационного, которое имели в виду издатели, сколько пределы разногласия между сотрудниками, — пределы, которые считалось возможным допустить при помещении статей в *литературном* органе партии, еще лишь организующейся в России. К этим предполагаемым сотрудникам обращалась программа со словами („Вп.“ I, А., 2.):

„Мы хотели-бы представить читателю нашу родину, как она есть, с надеждами и стремлениями немногих, со страданиями громадного большинства, с тупой спячкой ее „господствующих“ классов, с ее новоразросшимися паразитами — спекуляторами, с хищничеством ее „ташкентцев“, с разливающимся развратом ее „интеллигенции“, с ее лицемерным императорством, блестящим лишь поддельным блеском, грозным лишь общественной апатией и народным долготерпением, бессильным при всем своем всемогуществе“.

Уже через несколько месяцев начинает проглядывать в обращениях авторов статей к читателям сознание, что указаний на действительные русские задачи трудно ожидать в достаточной мере от сотрудников из России; что между различными проявлениями движения на родине приходится выбирать и указывать те, которые пишущему кажутся наиболее целесообразными. Журнал высказывает прямо, что его книжки „предназначаются для „интеллигенции“ русской, для „привилегированной“ среды“ (II, 122), и что именно перед этими „революционерами из привилегированной среды“ возникают „жгучие вопросы“, которые приходится решать на родине.

Проходит еще несколько месяцев, и уяснение роли журнала еще более обозначается (III, Б, 148).

„Мы начали наше издание далеко не уверенные в его успехе. Мы сознавали многочисленные препятствия, стоявшие на нашем пути. Мы знаем теперь, что наш голос был услышан. Мы знаем, что есть не мало людей нам сочувствующих. С большею смелостью мы продолжаем наше дело. Мы надеемся, что останемся достойными сочувствия, нам высказанного на родине. Мы надеемся, что никогда „Вперед!“ не сделается органом тесного и исключительного кружка, ареною личной полемики, но всегда останется лишь представителем большинства русской социально-революционной партии, органом борьбы за определенные принципы и против определенных принципов, или против индифферентизма и непонимания жизненных вопросов современного общества“.

Определился гораздо более и круг читателей, который журнал имеет в виду (III, 190):

„Мы обращаемся с нашим словом к тем, кто стоит под знаменем социальной революции, и к тем, кто хочет и еще может стать под это знамя“.

С первого номера двухнедельной газеты редакция уже определенно выставляет свое знамя, уверенная, что это есть в то же время знамя „социальной народной революции“, знамя всех „борющихся“ в России (№ 1, 2 и след.), и уже от имени растущей революционной силы в России говорит (№ 12: 359 и след.), комментируя слова первого призыва: „много ли нас, мало-ли нас“ и т. д.:

„Мы не знали тогда числа наших товарищей, не знаем его и теперь. Начиная дело с ничтожными средствами, мы говорили себе: наше существование должно служить доказательством того, что нас много, потому что без этого мы не можем просуществовать и нескольких месяцев.

„Прошло более двух лет. *Мы существуем*...

„Мы сильны не богатством — его можно отнять.

„Мы сильны потому, что мы *всюду*...

„Мы говорили это тому два года, внутренно убежденные, что оно так. Мы повторяем это теперь, убежденные в этом тем самым, что мы просуществовали.

Мы всюду... Ищите нас!.. *Мы всюду*... Боритесь с нами! — Мы всюду; с нами все живое... И этим мы победим вас, хотя у вас есть капиталы, а у нас их нет“.

Случайные корреспонденты начинают ставить редакции все более широкие требования: статей о „социалистических учениях“, об „истории Интернационала“, об „истории революционной мысли и практики в России“ (III, Б, 151), затем чуть ли не „целой энциклопедии социальной революции“ (№ 30; 192). Но литературные силы ее умножаются, тем более, что и для движения в России, которое принимает все более активный, боевой характер, литературная работа становится более второстепенною. Как орган заграничный, „Вперед!“ достиг к концу 1875 года едва ли не всего того, на что он мог рассчитывать в 1873 г.: он занял признанное за ним место в социально-революционной прессе Европы; он был официально запрещен в Германской империи (№ 36, 385); катковские „Московские Ведомости“ сделались в своих полемических передовых против него статьях непроизвольным

органом распространения его идей. Сходя в конце 1876 года со сцены пред изменившимся в России характером движения из пропагандистского в боевое, газета „Вперед!“ могла попытаться определить свое место в этом движении следующим образом (№ 48; 781 и след.):

„Его (издания) жизнь внутренняя тесно связана с пробуждением революционного движения в России в последние годы. Не „Вперед!“, конечно, пробудил его — ни одно издание, ни одна частная группа людей не может вызвать историческое движение — „Вперед!“ был, в ряду других изданий, других веяний времени и побуждений, возникавших рядом с ним, одним из эпизодов этого движения, одним из проявлений исторически-возникшей потребности“.

При этом был высказан и взгляд на роль заграничного органа вообще в развивающемся общественном движении и в русском движении в особенности (№ 48; 784, 786), — взгляд, резюмированный в следующих положениях:

„1. В теоретических руководящих принципах заграничная пресса может и должна быть представительницею не только личных мнений, но установившейся теоретической программы, на основании которой способен группироваться, действовать и организоваться в партию значительный союз личностей, ставящих себе определенную общественную цель.

„2. В теоретико-практических общих планах деятельности и организации партии, заграничная пресса, по необходимости, может высказать лишь *личные* взгляды и угадыванье лиц, ответственных пред читателями за свои мнения, но читатели постоянно должны помнить, что эти взгляды и угадыванья должны быть проверены местными русскими деятелями и получают практический смысл лишь тогда, когда совпадают с опытом этих деятелей.

„3. В более частных, местных, временных и практических вопросах, относящихся до России, заграничная пресса может лишь передавать читателям взгляды, выработанные в России лицами, усвоившими определенную программу, и впечатления, производимые на определенные личности и кружки как действительно совершающимися фактами, так и разнообразными слухами и легендами, выражающими настроение минуты“.

Прежний редактор закончил свое участие в издании резюмировкою своего *„личного“* взгляда на основные вопросы, разработанные в издании, и счел лишь в эту минуту себя в праве сделать это (№ 48; 769 и след. и IV: „Государственный элемент в будущем обществе“, 1876).

Все эти основные вопросы с самого начала издания до его конца ни на минуту не оставлялись в тени.

Конечно на первом месте стояло отношение издания к принципиальным задачам *социализма*.

На первых же строках призыва, которым начинался первый том (I, III), „Вперед!“ признавал своим знаменем — „знамя социального переворота для России, для целого мира“. В программе заявлено было (I, 6 и след.):

„Социальный вопрос есть для нас вопрос первостепенный...

„Содействовать этой борьбе (за осуществление справедливого общественного строя) есть безусловно главная цель нашего издания.

„Вопрос *политический* для нас подчинен вопросу экономическому“.

При этом указывалось (I, 8) на все большее преобладание в жизни народов „экономического“ противоположения эксплуатирующих и эксплуатируемых“.

На первых же страницах первого тома „непериодического“ издания „борьба с монополией во всех видах в пользу труда“ была выставлена как основная цель издания (I, 2), и в 1876 г. перед самым прекращением газеты „Вперед!“ и изменением состава редакции [1]) эта цель выражалась так (IV, 160 — 163):

„Социализм, как ученье *солидарности*, как отрицанье всякой *конкуренции* между членами солидарного общества, должен был сделаться принципиальным врагом всякой монополии...

„Разлагающим образом действует на борцов за начала рабочего социализма допущение на минуту, что они в своих разногласиях и частных соперничествах имеют малейшее право употреблять оружие монополии *друг против друга*...

„Как ни вредны и преступны подобные действия в обществе, которое провозглашает основным своим принципом солидарность всех своих членов и отрицание монополии, но эти действия еще более *опасны* для тех, которые себе дозволяют их, в том смысле, что эти действия укореняют в группах социалистов те самые привычки мысли, которые следует уничтожить всего тщательнее в новом строе, и уничтожение которых на другой день после революции составит одну из

[1]) Отчасти под влиянием этого самого вопроса.

главных обязанностей того самого, кто теперь холит эти противообщественные привычки в среде своих товарищей по делу“.

С первого же номера начался ряд статей, в котором предполагалось дать очерки „Из истории социальных учений“ (I, 60 — 109; III, 45 — 119) и „Очерк развития международной Ассоциации Рабочих“ (I, 110 — 177; II, 74 — 101). В то же время помещались статьи, разразрабатывающие тот или другой отдельный принципиальный вопрос социализма: „Фикции судебной правды“ (I, 178 — 216), „Кому принадлежит будущее“? (II, 1 — 73); „Кто разрушает основы общества“? (II, 156 — 223); „Неизбежная вражда“ (III, 1 — 44). Сюда относится и значительное число передовых статей газеты [1]). Эти-же принципиальные вопросы затрагивались по самым разнообразным поводам.

Так, в первом же томе, при сравнении значения революций политических, имевших место в истекшие столетия, с требованиями революции социальной, говорилось (I, 255):

„Цель гениальных и самоотверженных стараний политических революционеров обоих полушарий оказалась не только не достигнута, но недостижима. Философский камень в политике столь же мало существует, как и в химии. Нет и не может быть политической конституции, которая дала бы прочность, спокойствие и благоденствие обществу. Нет и не может быть юридического кодекса, который установил бы справедливые отношения между людьми.

„Все политические революционеры, как все политические реформаторы, оставили в стороне *один* вопрос, до которого они не смели касаться в своих революционных программах, в своих реформаторских начинаниях. То был вопрос *социальный*. То была святыня собственности. То была семья с ее наследственною монополиею, с ее патриархальным преданием.

„Но этот *один* вопрос заключал *все*“.

Или по поводу „слухов о войне“ летом 1875 г. (№ 10; 294):

„Борьба за идею, искренняя и плодотворная, может быть в наше время лишь одна: борьба труда с капиталом, борьба пролетария с силами, создающими, поддерживающими и эксплуатирующими про-

[1]) Передовые статьи газеты „Вперед!“ имелось в виду одно время издать в виде отдельного сборника, но потом эта мысль была оставлена вследствие ослабления пропагандистского характера движения в русской молодежи.

летариат. Все прочие партии, все прочие наличные силы борются и могут бороться между собою лишь за право хищничества, за удобства эксплуатации“.

Исследования ряда кризисов, вызванных капиталистическим хозяйством, резюмировались в следующем результате (II, 221 и след.):

„Источник всякой собственности есть эксплуатация рабочих масс. Вследствие этого форма собственности изменяется вместе с изменением формы эксплуатации рабочих масс. Превращение прежних форм неподвижной собственности в подвижную, денежную собственность повлекло за собою развитие буржуазного строя из прежних форм общества. Только с развитием денежного хозяйства сделалось возможным появление капитала, *ценности*, присасывающей чужой труд, *самовозрастающей* ценности... Только с развитием денежного хозяйства уничтожились всякие непосредственные насилия. Как собственность, так и работник стали теперь свободны. Но собственность превратилась теперь в капитал; она эмансипировалась теперь от личности, владеющей ею. Теперь стала присваивать чужой труд не какая-либо личность, а стал присасывать его к себе капитал. Личность владельца капитала стала теперь безразличной. Раз это случилось, раз право собственности, т. е. право присваивать себе чужой труд, перестало быть привилегиею известных, определенных личностей, а сделалось свойством накопленных ценностей, кому бы они ни принадлежали, то неизбежно принцип личной собственности должен будет погибнуть. Капитал сделался предметом конкуренции, и в основу всего общественного строя должен был лечь принцип свободы конкуренции, который неизбежно должен вести к излишку производства... Вследствие самой сущности буржуазного строя, чем больше будет развиваться капиталистическое производство, тем быстрее и сильнее будет идти разрушение принципа частной собственности. Буржуазия напрасно волнуется и кричит о сохранении принципа частной собственности; напрасно она проливает для этого потоки крови: разрушение частной собственности есть историческая необходимость, необходимость, вытекающая из всего развития экономической жизни человечества, и совершает это разрушение *сама буржуазия*, самый ход буржуазной жизни. Все историческое значение буржуазии в экономическом отношении в том и заключается, что она расшатывает, разрушает частную собственность и подготовляет почву для перехода ее в коллективную“.

И в другом месте (IV, 44):

„Социализм в настоящую минуту имеет перед собою задачу *спасения общества* от грозящего ему разложения во всеобщей конкуренции, во всеобщей борьбе всех против всех, и его первое требование есть искоренение монопольного хозяйства, уничтожение возможности накопления богатств в руках особи или коллективной единицы, уничтожение эксплуатации человека человеком“.

Современный социализм противополагался прежним формам изучения общественных задач, как „социализм научный“, при чем (III, 47):

„На научной точке зрения основным началом служат реальные факты в их связи сосуществования и последовательности. Все остальное: общие законы, гипотезы, связующие построения, получают настолько значения, насколько широка опора фактов, их поддерживающих, и насколько они не пренебрегли всеми остальными известными фактами“,

так что „настоящая социология“ есть „социализм“ (III, 47).

Социально-революционная нравственность противополагалась нравственности буржуазной в следующем резюмэ (№ 13; 398):

„Мы требуем от братьев выработки крепкого убеждения и жизни, согласной с этим убеждением. Мы стремимся установить царство труда и справедливости на развалинах старого мира праздного эксплуататорства и неправды, мира, которому объявляем непримиримую войну. Мы говорим нашим братьям: отдавайте на социально-революционное дело все свои силы, живите трудом для основания царства труда и оставляйте себе лишь необходимое. В вашей непримиримой и неумолимой борьбе с врагом да хранится в вашем сердце свято единственная святыня — справедливость, которая есть любовь к вашим братьям-рабочим. И этой святыне приносите в жертву *все*, если необходимо: себя, друзей, врагов. Все, что вы делаете для себя лично вне необходимого, отнято вами у братьев; все, что вы делаете для создания царства справедливости, есть ваша обязанность, пока это не марает вашего знамени, пока это не есть оружие монополии, пока это не есть обман ваших братьев, пока это не есть отступление от начал труда и справедливости, которым вы взялись служить“.

Отношение социализма к основному органическому процессу борьбы за существование формулировалось следующим образом (17; 523 и след.):

„Социализм не отрицает всемирную борьбу за существование, но он продолжает традицию сплачивания возможно-больших групп соли-

дарных личностей для большего успеха в этой борьбе; его особенность заключается лишь в том, что он распространяет требование солидарности на *все человечество* и требует прекращения борьбы за существование *внутри* человечества, как давно уже она прекратилась в кружках людей, связанных личной привязанностью, как государственники требовали прекращения борьбы внутри государства, как христиане хотели прекратить ее внутри церкви верующих. Когда социализм достигнет своей цели, тогда человечеству, сплоченному всеобщею солидарностью, предстоит последний и высший фазис борьбы за существование в органическом мире, фазис борьбы со всеми нерациональными инстинктами и привычками органического мира, чтобы этот мир, лежащий вне человечества, довести до высшей ступени гармонического развития, которая допускается *возможностями*, заключенными в этом мире.

„Социализм есть высший фазис нормального исторического развития борьбы за существование. Ему подготовлением служили явления *инстинктивной* солидарности и *прочувствованной* солидарности между особями группы. Его история началась с первого момента *сознанной* солидарности людей во имя общей идеи, во имя нравственного идеала. Он сам себя сознал как *социализм* с той минуты, когда сознал, что начало монополии во всех человеческих отношениях (аффективных, политических, экономических) есть начало, отрицающее солидарность и не допускающее ее установления; когда объявил войну монополии во всех ее формах. Он стал практическою *возможностью*, когда буржуазная конкуренция подорвала все сознанные начала солидарности прежнего времени, допускающие монополию, и свела все человеческие отношения на экономическую борьбу. Он стал историческою *силою*, когда нашел в рабочем пролетариате всех стран элемент солидарности будущего человечества, способный обойтись без прежних пут церковного и государственного порядка, способный сделаться почвою сознательного общечеловеческого союза и всестороннего развития личности...

„Социалистическое общество должно быть обществом солидарных личностей, связанных сознательною готовностью пожертвовать личным наслаждением для общего блага. Подобное общество, по всем естественным и историческим аналогиям, должно иметь *большие* шансы в борьбе за существование с обществами эгоистических и конкурирующих одна с другой личностей, пока эти два типа обществ будут стоять рядом. Поэтому *естественный подбор* должен повести к победе социалистических обществ, а не к истреблению их, и социалисты готовы согласиться, что в этом случае «естественный подбор есть самое лучшее средство для решения всех социальных вопросов“. Если неизбежный «закон природы» заставляет победителей идти вперед по трупам побежденных, то социализм пройдет к солидарности человечества по трупам врагов этой солидарности, потому что он *один прав* в последней борьбе. Среди различных рабочих организаций путем естественного подбора переживут, разрастутся и втянут в себя всех других те организации, тип которых представит наиболее шансов победы в борьбе за права пролетариата, те, которые будут заключать в себе наиболее элементов солидарности. Последняя борьба за существование между буржуазиею, неспособной к солидарности, и сплоченным пролетариатом должна и фатально, и по праву кончиться в пользу последнего...

„Фатальный закон борьбы за существование должен был вести человечество к выработке социализма и должен привести к его победе. Фатальный закон естественного подбора наиболее способных пережить составляет именно ручательство победы социализма. Великие открытия Дарвина, за которые с такою жадностью уцепились буржуазные мыслители, думая на них построить «научную» теорию вечной конкуренции между людьми и вечного эксплуатирования одних другими, при внимательном изучении служат «научною» опорою социализму и лучшим доказательством того, что лишь солидарность человечества, требуемая социализмом, может обеспечить будущность развития человечества“.

Но этой роли установителя солидарности трудящегося человечества социализм мог достигнуть, по мнению, высказанному в журнале, лишь вырабатывая в себе сознание, что он есть *социализм рабочий*, опирающийся на вполне *реальное* начало солидарности между людьми (№ 19; 588 и след.):

„Каково же это новое, реальное начало солидарности, долженствующее победить нынешний буржуазный мир с его разлагающим принципом борьбы всех против всех в виду личного обогащения?

„Это — *начало общего труда на общую пользу, отдавая обществу все свои силы для его развития и беря от общества лишь необходимое для личного существования и развития.* Эта формула

в немногих словах заключает всю программу социалистического общежития.

„Как требование общего труда, социализм стал *рабочим социализмом* и сделался силою, опирающейся на ту самую реальную почву, которая с начала мира выростила все, чем жило, живет и будет жить человечество.

„Как отдача личностью всех своих сил на *общую* пользу, рабочий социализм есть учение *солидарности*, связующее все трудящееся одним началом, и началом в высшей степени реальным, именно началом реального труда.

„Как задача социального *развития*, на которое должны быть употреблены все личные силы, рабочий социализм есть прогрессивная историческая сила, которая стремится выработать все высшие процессы умственные и нравственные на почве материального обеспечения всех и каждого.

„Как требование от общества лишь *необходимого* для личности, рабочий социализм есть признание безнравственности аффекта жадности богатства, безнравственности борьбы за обогащение, безнравственности монополии, отрицание конкуренции, требование материального обеспечения для всех, при установлении «одного общего уровня» в *единственной* сфере, где установление этого уровня возможно и справедливо — в сфере экономической, материальной жизни, при чем отсутствие *всякой* монопольной собственности сделает невозможным восстановление экономической конкуренции со всеми ее результатами.

„Как требование от общества необходимого не только для существования, но и для *развития* личности, рабочий социализм есть начало всестороннего и гармонического личного прогресса умственного и нравственного на уровне одинакового материального обеспечения. Он устанавливает общую *образованность*, минимум которой должен стоять, по своей реальности, цельности и основательности, далеко выше средней образованности нынешнего слоя представителей цивилизации; и на почве этой общей образованности он допускает самое безграничное разнообразие в развитии мысли научной, философской, эстетической, практической, с участием *всех* работников мысли и в работе физической, в работе, которая доставляет *всем* необходимое. Отсутствие непроизводительного накопления предметов пользования и роскоши в руках личностей, устранение избытка производства, направление техники на общеполезные цели, позволят, вероятно, довести для каждой личности число часов дня физической работы до такого минимума, который оставит полный досуг работе личности над своим собственным развитием и над развитием социальным...

„Двигателем рабочего социализма мог сделаться лишь рабочий класс, и лишь в тот период, когда фатальный процесс капиталистического производства подвинул достаточно далеко разорение этого класса. Надо было, чтобы многочисленные мелкие хозяева-ремесленники были раздавлены в борьбе с крупными предпринимателями; надо было, чтобы рабочее население бросило дома и пошло скучиваться на фабрики около могучих машин и усовершенствованных орудий производства, посылая туда взрослых и детей, мужчин и женщин; надо было, чтобы разросся по всем странам „цивилизованного“ мира пролетариат, не имеющий пред собою даже *возможности* когда-нибудь поправить свое положение; тогда только история выработала весь материал, нужный для рабочего социализма как исторической силы: многочисленный класс, который с каждым днем все более уясняет себе безысходность своего настоящего положения, и социологическую мысль, которая дозрела до доказательства всех фатальных результатов буржуазной конкуренции и капиталистического хозяйства; до уяснения исторического процесса, выработавшего современный пролетариат и всемирную продажность; до логической уверенности, что настоящий порядок совершенно неизбежно ведет к разрушению всех общественных связей, всех нравственных побуждений, к централизации капиталов в руках все меньшего числа личностей, и к унижению, отуплению, вырождению и вымиранию всего остального населения, которое фатально попадает в ряды все разрастающегося пролетариата. Научная мысль и жизненный интерес огромного населения составили в своем союзе вполне реальную и достаточно прочную основу новому готовящемуся периоду истории общества...

„Рабочий социализм берет на *себя* высшие образовательные, человечные цели буржуазной цивилизации, именно те цели, которые она поставила, но которым противодействовала по самой сущности; и рабочий социализм имеет полную возможность их выполнить, именно потому, что он есть *рабочий социализм*, именно потому, что он есть учение о солидарности всего человечества, опирающееся на реальную почву. Он есть учение о солидарности всех рабочих, независимо от языка, от национальности, от расы; учение о солидарности всего трудящегося в борьбе против общественного паразитизма; учение о

солидарности всего существующего собственным трудом в стремлении к развитию на почве реального труда.

„Да, то, чего не могли сделать ни господство обычая, ни обещания религии, ни государственная организация, ни национальная связь — доставление прочной реальной основы для человеческой (и даже общечеловеческой) солидарности — это намеревается и надеется совершить рабочий социализм, объявляя войну тому началу всеобщей конкуренции и господства капитала, которое подорвало и вынесло на рынок религию, политику, национальность — все связующие силы старой общественности“.

Подготовление социального переворота на почве рабочего социализма „Вперед!“ рисовал себе следующим образом (№ 26; 32 и след.):

„Социальный переворот есть неизбежный исход теперешнего положения дел. Его подготовляет развивающееся понимание задач социологии. Его подготовляют растущие и распространяющиеся союзы рабочих. Его подготовляет самый строй современного общества, все более обнаруживая разложение прежних общественных „основ“, содействуя разложению своих „основ“ самыми своими усилиями поддерживать их, шаг за шагом ведя народы к расхищению собственности, к обращению государств в лакеев биржи, к разложению семьи.

„Но этот неизбежный исход нынешнего общественного порядка лишь тогда может привести к созданию лучшего строя на развалинах старого, когда этот новый, лучший строй будет подготовляться параллельно с разрушением старого, будет развиваться в то же самое время, как старый строй дезорганизуется, атрофируется и гниет; в надлежащее время, когда разрушение старого строя подвинется достаточно далеко, а силы нового возрастут, разом разлетится на куски умирающий организм, и место его займет юный организм, способный жить и развиваться.

„Оно так и делается в настоящую минуту. Новый общественный строй подготовляется *теоретически* уяснением мысли *рабочего социализма*. Новый общественный строй подготовляется *практически* организацией социально-революционных сил общества...

„Учение рабочего социализма, как опирающееся на самые реальные элементы жизни и, по тому самому, как учение вполне практическое и жизненное, вырабатывается двумя методическими приемами: каждый убежденный социалист *уча поучается сам*, и это учение не

представляет в среде убежденных социалистов отношения небольшой группы педагогов к большой группе учеников; оно представляет начало *взаимного развития* в самом обширном смысле этого слова: каждый раз, когда расширяется круг проповеди рабочего социализма, когда группы людей, живущих при новых условиях, втягиваются в него, истины рабочего социализма проверяются и уясняются для его искреннего проповедника новыми жизненными фактами и новыми общественными комбинациями.

„Это самое уяснение в собственной мысли социалистического миросозерцания, при одновременном уяснении других начал и следствий рабочего социализма, составляет *первое орудие* подготовления социального переворота, именно орудие *пропаганды* социалистических истин...

„Пропаганда уясняет задачу общественных борцов, сплачивает сильнее и прочнее общественную партию и тем самым увеличивает ее шансы на победу. В то же время она вербует новых борцов в ряды этой партии и следовательно усиливает ее материально. Но при всем важном значении этого орудия для борьбы и победы, оно далеко недостаточно, потому что до сих пор во всяком обществе лишь меньшинство людей руководится в деятельности продуманным убеждением и ясным пониманием.

„Огромное большинство людей действует лишь под влиянием аффекта и увлечения. Мало того; и из понимающих общественную задачу данной эпохи лишь те могут быть полезными деятелями при решении этой задачи, у которых это *понимание* перешло в *убеждение*, т.-е. соединило свой теоретический элемент с практическою потребностью *действовать* на основании усвоенной мысли, страстно желать ее практического осуществления, положить свои силы на это осуществление.

„Таким образом, к двум упомянутым выше элементам социально-революционных сил общества, организующимся и разрастающимся путем *пропаганды*, путем уяснения *понимания* задач рабочего социализма, присоединяются еще два элемента, которые организуются и разрастаются путем возбуждения и распространения ненависти к существующему порядку и чувства солидарности между всеми страждущими от одной и той-же причины, от одних и тех-же условий общественного строя. К первому орудию подготовления социального переворота-к *пропаганде идей рабочего социализма*, присоединяется второе орудие этого подготовления, *социально-революционная агитация*. Она

должна идти среди страждущих народных масс, обращая их сознание собственного страдания в ненависть к существующему порядку и в чувство солидарности со своими товарищами по страданию. Она должна идти среди слоя молодежи, способной сочувствовать практическим требованиям рабочего социализма, способной отречься от старого мира во имя отвращения к нему, способной бросить все свои силы на разрушение этого отвратительного мира во имя революционной страсти, которая одушевляет *верующих* в новое благовестие. Она должна идти и в тех группах, которые самым тщательным образом вырабатывают в себе и в других понимание истин рабочего социализма, чтобы не дать возможности развиться в иных личностях тому отвлеченному филистерству мысли, которое отвращается от жизни, отвыкает от практической деятельности, чтобы предаться *наслаждению пониманием* того, что вовсе не может быть понято надлежащим образом вне жизни и практики.

„По общему социологическому закону, мысль, наиболее ясная в единицах, в небольших группах, распространяется в более неопределенных и отрывочных очерках среди слоя личностей, сочувствующих преимущественно ее практическим результатам, наконец среди масс, которым она является откровением истинных причин их страдания и естественной необходимости их солидарности; и вся эта система более или менее сознательных революционных сил связывается в этом отношении *пропагандою* уясняющейся мысли, пропагандою, все увеличивающею численность центральных групп и слоев на счет остальных к ним прилежащих, но никогда не имеющею возможности уничтожить различия этих групп и слоев.

„По такому же социологическому закону ненависть к существующему порядку и сознание солидарности между страждущими от этого порядка имеет свою реальную основу в обширных массах, пробуждается разом во множестве личностей и групп, как только современное положение уясняется лучем пропаганды, и, затем, *агитация* во имя этой возбужденной страсти, связывая личности разных групп и разных слоев одною потребностью борьбы против существующего, сплачивает эти группы в одну *организованную* революционную силу.

„Соединение этих двух могучих орудий организации революционных сил составляет необходимое условие этой организации“.

К неизбежности социального переворота „Вперед!“ обращался не раз (см. например IV, 86 и др.). Общественные эпидемии капиталистического строя и роль социалистов при их распространении рисовались в следующих чертах („Вп.“ № 41):

„Борцами против этой эпидемии, грозящей разрушить всякую общественную связь, всякую солидарность между людьми, явились социалисты. Они отметили зараженные дома и научили рабочих не прикасаться к проникнутым чумными миазмами политическим и экономическим порядкам буржуазного общества. Они призвали рабочие сословия в местные и ремесленные союзы, на конгрессы Интернационала, провозгласили солидарность рабочих как радикальное лечение против отравы конкуренции. Они указали в общности имущества, в общем труде на общую пользу, в свободной федерации, как типе всякого будущего общежития — верные средства для общественного оздоровления. Они вырыли для всех элементов старого мира, неизлечимо-зараженных конкуренцией и монополией, обширную могилу, готовую принять в себя все гниющие трупы тех, которые пока еще мучатся в агонии, мечутся в тяжелом бреду и воображают, что они здоровы, что будущее принадлежит им, что именно люди, взявшие на себя опасный труд хоронить старое и подготовлять здоровье нового — безумцы и отравители. История между тем идет своим чередом, и обширная могила наполняется. Валятся в нее древние престолы и старые политические партии, потерявшие веру в свои девизы и лишенные всякой возможности иметь живые программы. Валится в нее старая семья, обратившаяся в клоаку торга человеческим телом, в святилище лицемерия и разврата. Валятся в нее „честные“ промышленники, миллионеры-благотворители народа, уличенные в эксплуататорстве, не имея возможности смыть со своих банковых билетов кровь рабочих, заморенных на фабриках и в подземных копях. Валятся в нее цари современного кредита, обратившиеся в подготовителей крахов, разорившие и убившие тысячи обманутых жертв. Валятся в нее представители старой науки, обессиленные своим индифферентизмом к страданиям братьев, неспособные дышать человечной атмосферой вне своих узких специальностей. Валится в громадную могилу и „четвертая власть“ современного мира, вездесущая пресса, всемогущая публицистика, которая сумела низвергать министров и королей, конкурировала по ширине своих предприятий с государственными бюджетами, но не могла охранить себя от заразы про-

дажности и обратилась из борца за развитие в „пресмыкающееся“. Собирается со всех сторон армия могильщиков, чтобы разом свалить в громадную могилу все непогребенные трупы, все зараженные тряпки, всю зачумленную утварь вымирающего мира и чтобы затем над засыпанною могилою развернуть красное знамя здорового общежития“.

Но при этом указывалась, в виду ее предупреждения, и опасность, по самой сущности дела угрожавшая обществу, в котором совершается социальный переворот (№ 27; 70 и след.), именно

„что люди, производящие крупный общественный переворот и строящие новое общество на развалинах старого, ими ниспровергнутого, *все до одного* развились под неотразимыми влияниями старого общества; *все до одного* хранят в себе унаследованные и лично приобретенные привычки, влечения, инстинкты той самой среды, которую они разрушили; что социальный переворот, сегодня совершенный, завтра поставит на все ступени нового строя, во все функции социального общежития, людей, которые проникнуты до мозга костей влияниями безграничной конкуренции, монополии во всех ее формах, жаждою наслаждения без труда, жаждою господства над другими; что не только те, которые увлечены чувством общественной солидарности, но и те, которые ее сознали и строго продумали во всех ее последствиях, могут лишь с трудом победить свои привычки и свои инстинкты, в которых не может иметь место общественная солидарность; что, поэтому, главным и самым опасным врагом нового строя могут сделаться, при отсутствии взаимного контроля, унаследованные и приобретенные привычки самих строителей“.

Для более тщательного разбора некоторых принципиальных или практически-существенных вопросов журнал помещал иногда целиком и письма противников, сопровождая их ответами. Так, в нем помещено (кроме полемики о пользе „знания“, о чем скажем особо) письмо русского коммуниста, сторонника позитивной религии, Фрея (III, 120—143), письмо „молодого скептика“, возражение против отношения „Вперед!“ к задачам „социальной революции“ (№ 28; 111 и след.; № 29; 142 и след.), письма „По вопросу об условиях революции в России“ (№ 31; 212), о „Насущных практических вопросах“ (№ 34; 332 и след.). „Нечто о бескровной социальной революции“ (№ 37; 439 и след.) В ответах на эти письма редакция, между прочим, говорила:

„Едва-ли где-нибудь в мире, в рядах социал-революционеров и социал-демократов, есть люди, надеющиеся не пролить „ни одной капли народной крови“. Все, к чему *можно*, а поэтому и *должно* стремиться, это — не пролить „ни одной *лишней* капли“ народной крови; и это, конечно, есть заявленное стремление «Вперед!»; в этом, как я думаю, я вполне солидарен со всеми его сотрудниками“.

Но не только теоретические вопросы социализма и социальной революции были предметом, к которому много раз возвращалась редакция „Вперед!“. В продолжение всего существования этого издания, как в непериодической так и в двухнедельной форме, в каждой книжке журнала и в каждом номере газеты особый отдел посвящался „Летописи рабочего движения“ и „Повести о народном горе“, при чем сообщались возможно обширные сведения о рабочих социалистических конгрессах. В томах журнала отдельные обширные статьи помещались о положении социалистического дела в Германии, в Австрии, в Швейцарии, а в газете — известия из всех стран, где социализм выступил более или менее ярко, или рабочее движение представляло факты, интересные с точки зрения редакции. Интернациональный элемент социализма ни на минуту не упускался из виду в этом органе русских пропагандистов-народников, и если можно было в чем-либо обвинять его в этом отношении, это — в слишком большой доле, отведенной этому элементу во „Вперед!“.

Конечно, не меньшая доля была отведена делам русским, как по вопросам, которые были общи социалистам русским с социалистами других стран, так и по тем, которые в этом отношении представляли некоторую разницу; но затем и вообще всему „Что делалось на родине“. Под последней рубрикой особый отдел существовал, как в „непериодическом издании“ так и в газете во все время их существования.

Не раз „Вперед!“ возвращался к положению об общности цели всех социалистов (IV, 146 и след.).:

„Обща социалистам-революционерам всех стран лишь цель, к которой они стремятся... Эта цель есть общество, где личности связаны общим трудом, сознанием всеобщей солидарности“...

Он пытался разрешить и вопрос, почему именно в России, совершенно помимо или даже в противоречии с классовыми интересами, „учащаяся молодежь доставляет такой значительный контингент социалистических агитаторов“ (№ 16; 493).

Народнический элемент русского социалистического движения в первой-же напечатанной программе высказался крупным значением, которое придавалось крестьянству и общине (I, II):

„Для русского специальная почва, на которой может развиться будущность большинства русского населения в том смысле, который указан общими задачами нашего времени, есть крестьянство с общинным землевладением. Развить нашу общину в смысле общинной обработки земли и общинного пользования ее продуктами, сделать из мирской сходки основной политический элемент русского общественного строя, поглотить в общинной собственности частную, дать крестьянству то образование и то понимание общественных потребностей, без которого оно никогда не сумеет воспользоваться своими легальными правами, как бы они широки ни были, и никак не выйдет из-под эксплуатации меньшинства, даже в случае самого удачного переворота — вот специально русские цели, которым должен содействовать всякий русский, желающий прогресса своему отечеству“.

И в другом месте (I, 218):

„Цель общественной деятельности для русского, искренно желающего блага своей родине, может быть теперь одна и только одна: сделать русскую землю достоянием свободного народа, народа тружеников, и перенести на его общины всю политическую силу, которая теперь концентрирована в руках его повелителей или размещена в чиновничестве“.

Автор статьи: „Кому принадлежит будущее?“ влагал в уста представителя русской революционной интеллигенции, при его обращении к представителям различных европейских течений мысли, следующие слова (II, 52 и след.):

„На моей родине существуют те-же вопросы, но они поставлены иначе. Государственное начало давит нас в самой грубой его форме прямого беззаветного произвола власти. Клерикализм у нас силен никогда не был, и наши попы, следуя рабской традиции Византии, сумели в тысячу лет сделаться лишь предметом пасмешек и презрения для народа, который, в своей горькой доле, никогда не встретил в них ни помощи, ни утешения, ни заступничества. Наша социальная революция должна выйти не из городов, а из сел. Наша буржуазия поземельных собственников, торговцев и промышленников не имеет политической традиции, не сплочена в своей эксплуатации народа, сама страждет от притеснений администрации и не развила в себе историче-

ской силы. Из ее рядов и из рядов нашего измученного, разоренного народа вырабатывается наша передовая молодежь, которая не знает сословных различий, провозглашает себя защитницею народного дела, его пособницею в стремлении жить по человечески, и более полувека посылает из свой среды одно поколение за другим в тюрьмы, в изгнание, ссылку, на каторгу, на виселицу для того, чтобы открыть своей родине лучшее будущее“.

И в том же томе, разбирая несостоятельность различных элементов русского общества для мирных реформ в пользу народа, автор статьи „Голод! Голод! Голод!“ пишет (II, Б. 72):

„Это общество в своем целом не заключает в себе никаких сил, никаких возможностей для будущего; если бы силы в нем были, то они бы проявились *теперь*, если-бы возможности существовали, то они оказались бы в *настоящую* минуту. — Те немногие, разбросанные живые элементы, которые в нем существуют, принадлежат не ему: эти элементы, чтобы не заглохнуть и не вымереть, должны выйти из этого общества, должны стать *против* него, должны подойти на тот путь, который мы указывали с самого начала, на который мы призываем и теперь, как на *единственный* путь спасения нашей родины — на путь *народной*, *социальной революции*...

„Она, одна она может спасти Россию от страшного грозящего ей бедствия“.

А в следующем томе другой автор, развертывая перед русскими революционерами всю громадность сил, против которых им приходится бороться, пишет (II, 244 и след.):

„Мы стоим лицом к лицу с „великою державаю“, с одною из самых крупных и самых типических представительниц преступного старого мира, с самою могущественною опорою его, с самым могущественным рычагом современной международной реакции. Перед нашими глазами русские господствующие классы и императорское правительство, олицетворяющие эту державу, владеющие всеми средствами борьбы, имеющие за собою все выгоды рутинной организации, все преимущества боевого положения, принимают самые энергические меры для еще большего укрепления и еще сильнейшей зашиты существующего порядка вещей“.

Особенности русского социалистического движения от западно-европейского „Вперед!“ видел в особой важности для первого как принципиально-нравственного элемента, так и крестьянства (IV, 190 и след.):

„Я позволю себе думать, что успех, и особенно *быстрый* успех, нынешнего социально-революционного движения в России в значительной степени зависит от нравственной силы личностей, которые вступают в этот союз, что пренебрежение к этим нравственным требованиям может... подорвать все социально-революционное дело.

„Рабочее движение в странах немецких, англо-саксонских, скандинавских и романских языков представляет такую связь во всех своих частях, что его можно рассматривать как *одно* движение, поставленное в достаточно сходные условия, чтобы получить и формальное объединение. Главный элемент движения здесь всюду — фабричный пролетариат; сельский же пролетариат здесь вовсе не затронут движением, или играет в нем второстепенную роль. В славянских землях, особенно в России, сельское население имеет совсем иное значение, и потому организация социально-революционного союза должна сообразоваться с этою особенностью... В России дело социально-революционного союза заключается в организации связи между сельским населением одинаково, страждущим в разных частях России, но лишенным солидарности".

Путем к перевороту в России „Вперед!" ставил *народную революцию.* В его программе было сказано (I, 12):

„На первое место мы ставим положение, что перестройка русского общества должна быть совершена не только с *целью* народного блага, не только *для* народа, но и *посредством* народа. Современный русский деятель должен, по нашему мнению, оставить устарелое мнение, что народу могут быть навязаны революционные идеи, выработанные небольшою группою более развитого меньшинства, что социалисты-революционеры, свергнув удачным порывом центральное правительство, могут стать на его место и ввести законодательным путем новый строй, облагодетельствовав им неподготовленную массу".

И далее (I, 16 и след.):

„Революций искусственно вызывать нельзя, потому что они суть продукты не личной воли, не деятельности небольшой группы, но целого ряда сложных исторических процессов. Самая попытка вызвать их искусственно едва ли может быть оправдана в глазах того, кто знает, как тяжело ложатся всякие общественные потрясения именно на самое бедное большинство, которое приносит при этом самые значительные жертвы. Но искусственно вызывать революции до сих пор и не предстояло надобности, так как невозможные правительства

с замечательным соревнованием доставляли для них постоянно материал, и страдания народов возрастали гораздо более от того, что народы терпели установившийся строй или не довольно решительно возмущались против него, чем от того что народы бросались в безрассудные революционные попытки. Следует также заметить, что всякая народная революционная попытка, даже неудачная, является в истории полезным воспитательным средством общества... Мы не имеем в виду вызывать искусственно в России революционное движение, но ни деятельность русского правительства в последний период, ни состав кружков, из которых оно черпает своих деятелей, не дает ни малейшей надежды, чтобы оно обладало достаточным государственным пониманием для того, чтобы не подготовить нашему отечеству тяжелых потрясений и неизбежных переворотов. По всей вероятности, оно вызовет революционные попытки... Эти революционные попытки могут быть неудачны, могут вынести на вершину общества кружки, и партии враждебные истинной народной программе, но могут и содействовать осуществлению или, по крайней мере, уяснению этой самой программы".

Выработку в себе личности, способной быть полезным деятелем при этих условиях, „Вперед!" считал делом весьма трудным, но обязательным для революционера (II, 148):

„Тяжела и сурова эта работа. Серьезных и неутомимых работников требует она. Нужны для нее люди, которые сумели бы страстно прочувствовать ее настоятельную необходимость и отдать ей все свои силы, всю свою жизнь; связать с ее судьбою свою судьбу; сделать эту работу своею насущною потребностью, такою-же, как потребность есть и пить; радоваться ее удачам, страдать от ее неудач".

„Нужны для нее люди, которые умеют честно и серьезно мыслить, которые поняли, что именно революционная работа есть теперь единственно-важная работа в мире; что именно она требует наибольшего напряжения умственных сил; что именно при ней наиболее важно обдумывать свой каждый шаг, свою каждую мысль, каждое слово; что именно здесь наиболее необходимо неподкупное критическое мышление, твердое и прочное убеждение, выработанное на основании реальных фактов".

И, обращаясь к „потерянным силам революции", которые тратятся на неосуществимые „легальные" пути, автор статьи говорил (II, 235):

„Эти «революционеры», которыми вы гнушаетесь, верят, что народ, добывший себе право самоуправления энергическим порывом,

найдет в себе весьма достаточно смысла, чтобы воспользоваться завоеванным правом, как ему будет лучше; они верят, что здоровый смысл в общественном деле не составляет исключительной собственности „интеллигенции“, которая, большею частью, черпает свои типы общества из книжек и перекладывает на отечественную почву результаты, выработанные другими, тогда как все элементарные формы общежития выработаны были именно народным смыслом прежде, чем среди народа развилась позднейшая интеллигенция“.

Много раз возвращался „Вперед!“ к доказательству, что „легальные“ пути социального переворота в России невозможны (I, 19):

„Легалисты, *признающие* русскую империю, как она есть, и считающие возможным на почве ее подготовление социального переворота, сами не знают, что говорят“.

В нем разбирался (II, 227) вопрос, почему, вследствие „недоверия к правительству“, немыслима добросовестная деятельность „чиновника“, как органа правительства, на пользу народа. Указывалось, что путь медленного культурного развития народа при абсолютистском режиме может вести к неизбежному вырождению (II, 234):

„Поверьте, если употреблять ваш спокойный, бесстрастный, страшно-медленный способ воспитания русского народа для лучшей будущности, то к тому времени, когда ваших избранных, подготовленных, развитых будет достаточно — к тому времени вырождение физическое, умственное и нравственное в русском народе дойдет до такой степени, что у него уже не будет никакого будущего. Революция тогда, действительно, будет не нужна, но потому лишь, что она будет невозможна, как невозможно всякое улучшение состояния племени, физически доведенного до полуидиотизма, умственно павшего, исторически обреченного на то, чтобы стать жертвою более счастливой нации“...

И ниже:

„Таким образом, содействие убежденной интеллигенции социалистов необходимо для русского народа, и роль ее определена не произволом, не ее желаниями, не ее выгодами, не ее фантазиею, а потребностями народа, законами социологических процессов. Ей нельзя *выбирать* пути, потому что все пути, кроме этого, для нее закрыты.

„Те личности из русской интеллигенции, которые *признают* существующее правительство и готовы содействовать ему в его „реформах“, становятся в ряды врагов народа, которые всегда несли народу гибель и бедствия, не могут принести ему ничего другого, если-бы даже *хотели*, но не могут и *хотеть* добра народу, потому что самое существование их возможно лишь при постоянной эксплуатации народа. На каждом, кто вступает искренно в среду государственной администрации, лежит доля ответственности за тот яд, которым русское правительство отравляет все сферы народной жизни, доля ответственности за страдание, за вырождение за вымирание народа русского.

„Тот кто вступает теперь в ряды органов нашего самоуправления, не может уже обманываться относительно значения этих органов, не может уже верить в их силу сделать что-либо для народа или в желание правительства дать им какую-либо возможность принести пользу России. Опыт разрушил все иллюзии. В настоящую минуту наши земские деятели *сознательно* толкут воду или забавляются интригами и пустою болтовнею.

„Остаться в стороне, смотреть спокойно на неизбежный процесс истощения, вырождения, вымирания русского народа, заниматься личным делом, когда уже стало для всех ясно, что правительство реформ столь-же бессильно на добро, столь-же неизбежно губит народ всяким своим действием, всяким своим движением, как и все прежние правительства... Но это может сделать лишь индифферентист, а я говорю о людях, у которых есть капля любви к народу русскому, капля убеждения в обязанности помочь ему“.

На вопрос (I, 22):

„Точно-ли приходится ожидать лучшей будущности для России лишь от народного взрыва, который не может не быть, и тяжелым и кровавым?“

„Вперед!“ с самого начала высказался (I, 23):

„Вероятнее всего, что путь революции неизбежен для лучшего будущего России“.

Следует однако заметить, что для редакции „Вперед!“ борьба социалистов-революционеров против правительства была борьбою не против личностей, а исключительно против принципов. Излагая „счеть русского народа“ с императорством, и в других местах, повторялось (I, 28 и след.):

„Мы не имеем в виду личной вражды. Для нас безразлична деятельность Павла I или Александра II. Личности — едва заметные

моменты в истории народа. Личное зло, которое исходило из сумасбродных фантазий Павла или из холодно-театрального капральства Николая, могло быть, повидимому, уравновешено мерами более человечных правителей. Но оно уравновешено не было. За более или менее неспособными, за более или менее вредными личностями императоров стояло *императорство*...

„Мы обвиняем *императорство* русское, как *одно* политическое целое, за зло, сделанное им России“.

И позже, социальная революция в России представлялась сотрудникам журнала, как „революция народная (III, A, 185 и след.):

„В одном народе есть достаточно силы, достаточно энергии, достаточно свежести, чтобы совершить революцию, которая улучшила-бы положение России. Но народ не знает своей силы, не знает *возможности* низвергнуть своих экономических и политических врагов. Надо его поднять. На живом элементе русской интеллигенции лежит обязанность разбудить его, поднять его, соединить его силы, повести его в битву. Он разрушит гнетущую его монархию, раздавит своих эксплуататоров и выработает своими свежими силами новое лучшее общество. Здесь, и *только здесь* — спасение России“.

Еще позже, полемизирую против якобинской теории захвата власти революционерами из интеллигенции (№ 28: „Невозможные и возможные пути к социальной революции“), „Вперед!“ писал (№ 28; 106):

„Отсюда следует, что революция должна быть произведена не интеллигентным классом, но народом, опираясь на существующую в нем традицию общинной и артельной солидарности; интеллигентный же класс, в лице убежденных социалистов, может явиться в ней лишь *инициатором*, внося в народ, путем пропаганды и агитации, чувство *солидарности всего рабочего класса земли русской* и сознание необходимости устранить возвращение старых общественных бедствий, положив в основу постройки нового общества начала *рабочего социализма*“.

В это же время ход будущей революции рисовался перед воображением авторов приблизительно в следующих чертах (IV, 100 и след.):

„Допустим, что взрыв произошел. Правительство с господствующими классами так тяжело давило на рабочий народ, а элементы агитации, возбуждающие волнения, были настолько деятельны, что ряд местных бунтов вспыхнул, независимо от стремления пропагандистов социальной революции сдержать эти бунты до более солидной

связи между разными местностями страны; он произошел преимущественно в местностях, где влияние пропагандистов слабо, а число их незначительно; это самое учащение бунтов указало членам революционной организации , что „течение исторических событий“ приближает момент возможной победы революции. При более обширном и энергическом бунте в какой-либо местности революционная организация перешла от агитации в смысле волнений к агитации в смысле бунта во всех пунктах, где организация могла выказать влияние. Местный бунт, вспыхнувший в достаточно значительных размерах, поддержан бунтами, одновременно с ним вызванными в разных пунктах. Войско, в котором происходила своевременно пропаганда, оказалось недостаточно надежным орудием в руках правительства. Его неудача быстро разнесла пожар восстания по обширной территории. Под руководством организованных членов социально-революционного союза (состоящего в огромном большинстве из крестьянства) группы *сочувствующих* целям социальной революции явились в селах с вызовом захватить в „общую, неделенную землю“, все частные владения, слить в единую „общую собственность всего рабочего люда“ всякую собственность. По этому вызову, поддержанному сведениями об успехах восстания в других местностях, поднялись на обширной территории батраки, младшие члены семей, бедные хозяева, не имеющие возможности при существующих порядках прокормиться круглый год, несмотря на самый усиленный труд, наконец большинство бедного мещанства. Запуганные кулаки вместе с „культурными“ собственниками и администрациею или погибли при народном взрыве, или рады спрятаться от поднявшейся бури. Члены социально-революционного союза в столицах и других центрах управления (преимущественно из интеллигенции), если не во всех, то во многих из этих местностей, устранили и парализовали органы власти. Образовалась территория довольно обширная (хотя, может быть, не сплошная), на которой господствует восставший рабочий народ; *большинство* его произвело революцию, при инициативе не малого числа групп, знакомых с практическими задачами социальной революции и горячо сочувствующих им, под руководством *организованного меньшинства из народа* (с небольшою долею интеллигенции), которое сознательно стремится осуществить помощью этой революции программу начал рабочего социализма: *общую собственность, общий труд, федерацию трудящихся*“.

Сторонники „Вперед!“ призывали в свои ряды не только определенных сторонников русского революционного социализма, но и тех, которых он называл (II, 225) „*возможными* врагами, но еще и *возможными* союзниками“. Он доказывал (II, 230 и след.) этим „несогласным“, что их деятельность или прямо вредна народу, или готовит бессознательно „материал для революционеров“.

Для успешной пропаганды социализма „Вперед!“ рассчитывал особенно на выработку сначала хотя бы немногочисленных пропагандистов из народа (II, 247):

„Раз они нашлись, они *сейчас же* становятся, каждый, центрами несравненно более деятельными, несравненно более могучими, чем могли бы быть мы с вами и все наши единомышленники из интеллигенции, потому что этим пропагандистам из народа, говорящим с народом о его страданиях, о его врагах, о средствах вырваться из его отчаянного положения, этим братьям-апостолам революции народ *всегда* поверит“.

И в июле 1874 один из корреспондентов журнала как будто подтверждал ожидания в этом направлении (III, А. 271):

„В политическом мартирологе получает право гражданства новая рубрика преступников. Здесь попадаются уже не те отпетые студенты, на которых махнули рукой и на которых наши держиморды направлялись в продолжении нескольких десятилетий; нет, чаще хватают рабочих; число арестованных работников составляет половину, даже *большую половину* всех арестов!.. Истина проникает и туда“.

Тогда же корреспонденты доставляли (III, А. 282) и примеры стойкости некоторых арестованных крестьян при допросах.

Но при всей этой пропаганде „революционного“, а не „легального“ пути основным мотивом было и осталось упомянутое уже выше положение, что дело революционеров из интеллигенции — „подготовлять“ и *только* подготовлять революцию (I, 4):

„Мы знаем, что разом торжество наших целей осуществиться не может, что для него нужна подготовка, ясное понимание возможного в данную минуту. Именно это *возможное* мы будем постоянно иметь в виду“.

„Существенными и неизменными“ признавались с самого начала положения (I, 14 и след.):

„Лишь строгою и усиленною личною подготовкою можно выработать в себе *возможность* полезной деятельности среди народа.

„Лишь внушив народу доверие к себе, как личности, можно создать необходимые *условия* подобной деятельности.

„Лишь уясняя народу его потребности и подготовляя его к самостоятельной и сознательной деятельности для достижения ясно понятых целей можно считать себя *действительно полезным* участником в современной подготовке лучшей будущности России.

„Лишь тогда, когда течение исторических событий укажет само минуту переворота и готовность к нему народа русского, можно считать себя *в праве* призвать народ к осуществлению этого переворота...

„Не теоретически только приходится подготовляться человеку русского цивилизованного класса для возможности полезной деятельности в народе. Он должен подготовлять себя к тому и жизнью. Он должен употребить все старания, чтобы в себе и около себя сгладить то резкое различие, которое привычка жизненной обстановки положила между классами в России. Он должен уметь жить с народом, должен приучиться говорить с ним, понимать его, сочувствовать ему не только в общих, но и в частных вопросах...

„Подготовлять успех народной революции, когда она станет необходима, когда она будет вызвана течением исторических событий и действиями правительства, — такова ближайшая цель деятельности, которую мы считаем обязательною для всякого, кто желает блага России; для всякого, кто искренно предан народной программе, поставленной нами выше“.

То же повторялось снова и снова (I, 23, 224; III, 185; А, 237; V, 120; № 26; 33 и след.; № 29; 134; № 46; 722).

Рядом с обязанностью революционера намеренно подготовлять себя для революции и подготовлять ее в окружающей его среде, указывались и элементы, которые, независимо от воли единиц, подготовляют ее (№ 27; 67):

„Социальный переворот сам собою подготовляется в России, как во всем „цивилизованном“ мире, самыми успехами капиталистического строя. Но в России, как во всем „цивилизованном“ мире, убежденные социалисты должны употребить все свои усилия, чтобы этот переворот совершился при наименьших страданиях народа и с наибольшими шансами быстрого установления того именно порядка, который заключает наибольшее число элементов, составляющих сущность рабочего социализма“.

*

Для России почву социальной революции некоторые сотрудники издания видели в двух элементах: с одной стороны, в русском народе с его традициями, с другой — в русской интеллигентной молодежи с ее идейными стремлениями. Народ, говорили они (№ 27; 69 и след.), „сохранил единственный *действительный* элемент политической жизни, который существует в России: он и в крепостном подчинении сохранил солидарность и самоуправление *мира*, живую общественную единицу мелкой поземельной *общины*, живую общественную единицу подвижной рабочей артели“.

Но при этом (№ 27; 69—70)

„именно то огромное большинство русского народа, которое заключало в себе все действительные экономические силы нации, весь труд ее, осталось вне движения мысли, которое постепенно подготовило в Европе с одной стороны понимание социальных вопросов, как вопросов рабочего социализма, с другой стороны — сознание солидарности *всего* рабочего класса в борьбе его с экономическими и государственными эксплуататорами.

„Для огромного большинства русского народа унаследованное чувство солидарности общинного мира или артели в разных ее формах ограничивается самыми тесными пределами, за которыми начинается область соперничества и борьбы за существование между голодающими и притесненными со всех сторон группами“.

Другой элемент будущего рисовался следующим образом (№ 27; 74 и след.):

„Современная молодежь русских интеллигентных классов, чувствуя, подобно отцам и дедам, отвращение к существующим идеалам русского общежития — идеалам влиятельного лакейства и грабежа в крупных размерах — и не сдерживаемая никакими традиционными политическими и общественными программами в семье и обществе, не имеет причины остановиться, не доходя до самой решительной программы современной мысли, до логически-необходимой программы социальной революции. В своих лучших представителях она самоотверженно примкнула к этому знамени, несмотря на то, что оно враждебно экономическим интересам и привычкам общежития того самого класса, к которому принадлежит почти вся эта молодежь. И вот из семей собственников, из общества, вся культура, все знания, все средства которого выросли на почве экономического и политического эксплуататорства, выдвинулась по исторической необходимости новая фаланга борцов, которые решились употребить эти средства, эти знания на то, чтобы подорвать это самое эксплуататорство.

„Эта молодежь заключает зерно *достаточно ясно понимающих* требования социалистической солидарности, понимающих и опасности, которые могут грозить рабочему социализму в самую минуту совершения переворота. Она заключает группы *менее ясно* понимающих эти истины. Она заключает в значительном числе *сочувствующих* практическим требованиям рабочего социализма. Около нее народ, *подготовленный* своими страданиями к восприятию этого учения, подготовленный политическою традициею общины и артели к развитию социалистического общежития, подготовленный нравственною традициею к революционной агитации.

„На этой молодежи из интеллигентных классов, выработанной русскою историею, лежит обязанность связать готовые элементы народной политической силы в солидарное целое для социальной революции, помощью пропаганды требований рабочего социализма и помощью социально-революционной агитации.

„На ней лежит обязанность инициаторства в организации социально-революционных сил русского общества для подготовления и совершения переворота. На ней лежит обязанность предотвратить опасности, грозящие русскому народу от недостатка связи между его частями и от недостатка недоступного ему знания.

„На ней лежит обязанность предотвратить и в *себе самой* то распадение и деморализацию, которые парализировали стремления ее отцов и дедов, вследствие недостатка взаимной поддержки и прочной связи, и которые составляют исторически выработанные болезни класса, из которого она вышла“.

И в другом месте (II, 240):

„Поэтому наш народ, подавленный в продолжение веков классами, захватившими себе все развитие мысли, какое приходилось на долю России, ждет от современной молодой интеллигенции, чтобы она обрекла себя на роль революционных агитаторов среди русского народа, чтобы она принесла ему выработанную мысль, накопленное знание, ей доступное, уяснила ему его боли, дала определенную форму его недовольству, придала его порывам цельность и организацию, вызвала из его среды представителей *интеллигентного революционного крестьянства* и сошла со сцены, отдав народное дело в руки народа, организованного около этих *настоящих* своих представителей. Это *может*

сделать наша молодая интеллигенция; этим *может* она помочь народу. Это она и *должна* сделать, если она точно любит народ, если точно она желает ему блага, если не лжет, говоря о своих социалистических убеждениях. Я верю, что она это *сделает*".

При этом автор считал возможным сказать на основании истории (II, 241 и след.):

„Во все эти фазисы своего мученичества народ русский не переносил терпеливо своего положения. Он протестовал как мог и как умел, но протестовал постоянно; и его протесты были нелегальны, потому что русский государственный строй не нашел нужным вместить в себе какую-либо легальную форму народных протестов. Они были дики и грубы, потому что народ был отрезан от всякого развития мысли. Но они были всегда *революционны*, т.-е. отрицали начисто наличный государственный строй... Нет, никогда не покорялся наш народ терпеливо; никогда не выносил тяжести строя, на него давившего, без энергического протеста.

„Только его протесты были отрывочны и дурно рассчитаны; это были неорганизованные взрывы, и потому они могли быть временно удачны лишь тогда, когда и государство было плохо организовано... Но с тех пор знание и выработанная мысль вооружили государство и капитал средствами, прежде неизвестными, и народу приходится противопоставить врагам не элементарный инстинкт массы, а выработанную силу социалистической мысли, опирающуюся на разностороннее знание. Это-то знание, эта-то мысль, искусственно выработанные историею, необходимы народу для успеха его нового протеста, для торжества его будущей революции. Для нее-то нужна ему интеллигенция, выработавшаяся из его среды или идущая ему на помощь".

Относительно подготовления социальной революции в России дело формулировалось так (№ 28; 108):

„*Первым условием* подготовления социальной революции в России должна быть организация революционного меньшинства, понимающего задачи рабочего социализма, в *среде общинных и артельных центров русского народа*. Убежденные социалисты интеллигентного класса должны найти себе товарищей среди рабочего народа, действующего в общине и артели (во многих случаях это уже сделано), и сами должны стать членами общин и артелей, чтобы пропаганда, распространяющая число более или менее ясно понимающих задачи

рабочего социализма, чтобы агитация, увеличивающая число сочувствующих практическим требованиям социальной революции, шла не *извне* привычных центров народной солидарной жизни, а *изнутри* их, и чтобы в ту минуту, когда исторические события позволят сказать: *теперь время!* — чтобы в эту минуту народ, подготовленный страданиями, накипевшей злобой, услышал призыв к революции не от чужих людей, которые давно оставили свои общинные и артельные центры, а от людей, которых голос он привык слышать на мирском сходе, за артельным столом; от людей, которые были ему *свои* по старой жизненной солидарности.

„Русские революционеры приобретут солидарность и для *своего* союза лишь тогда, когда они войдут в общинные и артельные центры народа, сохранившие традицию солидарности.

„Там должно образоваться ясно-понимающее меньшинство, которое, во имя этого ясного понимания, соединит в одно революционеров рабочего класса всех концов России и тем самым положит начало теперь отсутствующей в народе солидарности всех русских рабочих.

„Там, около этого меньшинства, сплоченного сознательной организацией, должно разрастаться, путем пропаганды — число понимающих, путем агитации — число сочувствующих.

„*Оттуда*, в надлежащую минуту, должен одновременно в разных местах, по городам и селам, грянуть призыв, который, около понимающих и сочувствующих, поднимет массы, исторически подготовленные к перевороту своими бедствиями. И под влиянием *своих* людей, *давно* им знакомых, *давно* близких, массы пойдут на бой, который будет иметь *определенную* цель, и революция будет иметь возможность совершиться *действительно* на началах *рабочего социализма*".

Эта мысль была развита еще подробнее вслед за тем (№ 29: „Задачи организации социально-революционных сил в России"), при чем автор преимущественно останавливался на вопросах об организации революционеров в интеллигенции и в народе, об агитации в народе и в войске, о возбуждении народных волнений (в этом смысле был употреблен термин „агитация делом"), об организации прямой „борьбы с правительством" и о сношениях с социалистами других стран. В дальнейшей статье рассмотрены были разные формы социально-революционной пропаганды, возможные на русской почве, и желательные формы социалистической литературы в России, приняв за основание следующие положения (№ 39; 493 и след.):

„Социально-революционное дело должно заключаться не в увлечении, продолжающемся несколько минут, не в случайном торжестве над существующим порядком — людей, которые, на другой день после победы, не будут знать, что им делать, потому что не составили себе никакого определенного и ясного плана действия... Поэтому в словесной и печатной пропаганде русских социалистов-революционеров ничто не должно быть рассчитано на симпатии сторонников, способные сгладить недостатки и покрыть промахи. Надо, чтобы социально-революционная пропаганда имела самостоятельное достоинство, независимое от симпатий и антипатий, ею возбуждаемых".

Но сотрудники „Вперед!" не все были согласны относительно вопроса, насколько русская интеллигенция средины 70-х годов в состоянии выполнить трудную роль, возлагаемую на нее предшествующими построениями предполагаемой народной революции.

Журнал много раз возвращался к тому положению (не встречавшему противоречия), что „либеральная" русская интеллигенция бессильна помочь народу. В первом же томе говорилось (I, 9, 20, 21, А, 87).

„Все политические партии с их конституционными идеалами более или менее либерального свойства, всякая попытка заменить централизованную и буржуазную империю централизованной и буржуазной республикой, заменить существующее распределение территорий другими распределениями с другими центрами и другими законами — все это нам враждебно в своем основном строе и индифферентно для нас в своем проявлении...

„Мы лишь тогда признали бы земский собор правомерным органом и деятелем русского общественного переворота, когда он состоял бы в большинстве из представителей крестьянства, сознательно выбранных этим крестьянством с целью произвести общественное преобразование, согласно с потребностями крестьянства, преобразование одновременно экономическое и политическое, и в котором экономические задачи обусловливали бы политические формы...

„В русской конституционной партии по европейскому образцу мы видим вообще своих прямых врагов, с которыми нам придется бороться при первой возможности серьезного столкновения партий в России. Уже теперь мы будем постоянно противопоставлять их программе на наших страницах те положения, которые мы считаем единственно рациональными для лучшей будущности русского народа

и которые концентрируются в одной политической задаче: подчинение интересам крестьянства интересов всех прочих сословий; автономная *светская община*, как основной элемент русского государственного и общественного строя. Мы ожидаем, чтобы русские конституционалисты поставили *эту* задачу во главе своей политической программы.

„Если кто из наших легалистов-реформаторов искренен, тот убедится, что у их партии нет будущего, что при первом серьезном столкновении с императорством она должна разбиться, и никто, решительно никто ее не поддержит".

Начиная издание газеты, редакция писала (№ 2; 34):

„Русская либеральная партия, надежда наших умеренных легалистов, не имеет никакой энергии для борьбы;... она никогда не в состоянии не только отстаивать у императорства какие-либо „свободные права", которые России дать не хотят, но даже не в состоянии постоять за права легально данные, но которые подвергнуты на каждом шагу осмеянию и поруганию. Она вечно будет вздыхать и ворчать втихомолку; вечно будет целовать руку палачей России и никогда не решится на какую-нибудь решительную рискованную борьбу".

Снова и снова доказывалось, что либеральной буржуазии, капиталистическому строю опасны и свобода мысли, и широкое участие масс в политической жизни, которые либералы выставляют на своем знамени (№ 21: „Диагноз и рецепт общественных медиков"; № 23: „Ученые фантазии либеральных оптимистов"; № 30: „Фатальное бессилие либералов"; № 32: „Русские консерваторы и русские либералы". Ср. о земцах и думцах I, А, 34 и след.; II, 229 и след. А, 49 и след. и др.; об адвокатуре особенно III, А, 205 и след. по поводу процесса Долгушинцев). Одна из этих статей оканчивалась следующими строками, обращенными к „почтенным, но наивным врагам", к русским либералам (№ 30; 175 и след.).

„Вы фатально приходите к союзу с консервативными элементами, к противодействию собственным вашим либеральным, патриотическим, филантропическим стремлениям. Вы становитесь опорами кулачества, инициаторами окончательного разорения России. Вы сами вызываете с одной стороны раздражение все более обездоленных масс, с другой стороны возмущение в ваших более свежих, более молодых, менее рутинных товарищах. Вы сами подготовляете в массах почву для проповеди социальной революции; сами бросаете в ее ряды молодежь, с отвращением разглядывающую ваше бессилие и ваше фатальное

отступничество от лучших девизов старого либерального знамени. И вы еще надеетесь *этими* жалкими средствами бороться зараз против одурелого самодержавия и против энергического напора социалистов...

„На вас даже нельзя сердиться. Вас можно только жалеть".

В другой, обращаясь к обвиняемым по политическим процессам, было высказано следующее (III, А, 195, 228 и след.):

„Молодежь, вступившая на путь народной пропаганды, должна знать, садясь на скамью обвиняемых, что ей спасенья нет, что она осуждена заранее. Она должна знать прежде, чем ее призовут на суд, что она может оградить себя от сыщиков, от следствия, но что никакими юридическими формальностями она не оградит себя от жестокого приговора суда. Закон, говорящий в защиту обвиняемого, пред *этим* судом не имеет места. Речь адвоката, который стал на юридическую почву, есть в *этом* случае пустая болтовня. Делаясь пропагандистом среди народа, будущие мученики должны знать, что они — враги правительства, и что правительство будет поступать с ними, как с врагами. Осторожная форма пропаганды, мягкость требований им нисколько не поможет. Против них стоят явные и тайные сыщики, и в суде над ними будут заседать палачи. Они должны знать это и поступать соответственно этому положению дел...

„Вам нечего надеяться на закон. И прежний закон давал достаточное место произволу власти; новый закон лишь расширяет возможность этого произвола.

„Вам нечего надеяться на судей. Они назначены с целью не судить, а изломать вас. Они воспользуются всеми средствами Уложения *против* вас; они пренебрегут всеми законами, которые могут говорить *за* вас. Они с тем сели на свое место, чтобы казнить вас.

„Вам нечего надеяться на защитников. Они будут блистать юридическим красноречием на почве, на которой никакого результата получиться не может. Они затопчут в грязь самые дорогие ваши убеждения; они постараются унизить вас, как людей, в глазах слушателей, в собственных ваших глазах. Они не упустят ни одного случая запачкать вас.

„Вам можно надеяться только на самих себя. Закон не защитит вас. Судьи-палачи не пощадят вас. Защитники-говоруны постараются унизить вас. От первых вы ничем не можете охранить себя, став перед судом; но вы можете защититься от последних.

„Вы можете, вы должны завоевать себе уважение, как личности. Вы не можете, вы не должны дозволить бросать грязь на ваше знамя, на ваше убеждение...

„Вы не можете заставить молчать обвинителя, не можете оградить свои убеждения от оскорблений, которые он станет бросать на них. Но вы можете, вы должны заставить молчать либерала-говоруна, который, под предлогом „облегчения вашей участи", оплевывает вас и ваше знамя.

„Откажитесь от защитника, который не решится защищать ваши убеждения, если не как правильные, то, по крайней мере, как неизбежные. Откажитесь от защитника, который не возьмет на себя обязанность не говорить ни слова, *ни одного слова*, унижающего вашу программу, унижающего вашу личность" [1]).

Но разница личных взглядов между сотрудниками журнала проявилась особенно в том, насколько „революционная" интеллигенция в состоянии быть подготовителем народной революции. В этом отношении приведенным выше цитатам можно противопоставить отрицание „революционности" русской молодежи, выраженное в статьях „Революционеры из привилегированной среды" (II, 122—155), „Солдатчина" (III, 188—278) и в некоторых отрывочных местах. Опять иной оттенок имели статьи делегата русской студенческой группы (Судзиловского), сообщившего этой группе через „Вперед!" (№ 1 — № 15; „Народ и студенчество") отчет о своих наблюдениях во время самарского голода.

Социалистическое движение в интеллигенции, точно так же, как подготовление народной революции против экономических эксплуататоров, было для сотрудников „Вперед!" тесно связано с политическою борьбою против абсолютизма. Необходимость для русского народа свести „счеты" с правительством была указана в специальной статье первого же тома (I, 27—59: „Счеты русского народа"), и этот же характер имеет ряд статей, очерков и известий, входящих в состав постоянного отдела „Что делается на родине?" в непериодическом издании и в газете. Редакция помещала подробные разборы правитель-

[1]) Вдумываясь в отношение редакции „Вперед!" к русским либералам может быть есть основание заметить, что она ошиблась *в их пользу*, считая их все-таки, если не действительной, то *возможной* „политической партией", сделаться которой они оказались совершенно неспособными.

ственных документов или даже помещала последние целиком (наприм. „Закон о недозволенных сообществах“ III. А, 121—160; „Записка, разосланная графом Паленом“ № 15: 459—466; ряд документов о правительственных мерах, известия о процессах, волнениях в студенчестве и в народе и т. п.), точно так же как она посвящала статьи русским экономическим вопросам (наприм. „Плоды реформ“ V, 1—120).

Во всех предшествующих пунктах программы редакция „Вперед!“ более или менее была близка с воззрениями других социалистических фракций. Разногласие, существовавшее между ними по вопросу о приемах „подготовления“ революции, становилось особенно острым, в области этого вопроса, когда дело шло, между прочим, о задачах расширения знаний среди революционеров, как необходимого условия удачной борьбы.

Конечно, между фракциями не было разногласия по вопросу о противоположении научного элемента религиозному. Мысль о том, чтобы воспользоваться религиозным элементом для революционного дела, не приходила в голову в это время ни одной фракции заграничной русской литературы. Традиции борьбы с затхлым восточным клерикализмом перешли целиком от либералов прежнего периода к социалистам нового. Было уже упомянуто, что на первых страницах „Вперед!“ первое место было посвящено „борьбе реального миросозерцания против миросозерцания богословского“ (I, 3). Хотя к этому вопросу пишущие возвращались редко, однако всюду в одном и том же смысле (I, 5; II: „Кому принадлежит будущее?“; III, Б, 3; V, 152; А, 153; № 23: „Социализм и историческое христианство“; № 44: „Христианский идеал перед судом социализма“, и др.).

Но горячую полемику между фракциями вызвала статья „Знание и революция“ (I, 217—246), против которой было помещено (III, 147—152) „Письмо из Петербурга“ и рядом с ним „Ответ на разные критики“ (III, 153—187). Едва ли не приходится считать эту полемику результатом недоразумения [1]).

---

[1]) Рассказывают следующий анекдот: кн. Васильчикова спросили: читал ли он „Вперед!“? Он ответил будто бы: „я взял эту книгу, развернул, увидел, что там спорят о пользе учения, и не нашел нужным читать далее“. Действительно было траги-комично, что в 1873 году сторонникам передового движения мысли приходилось полемизировать о пользе учения.

Значительный повод раздоров между европейскими социалистами того времени, именно бакунинский „анархизм“ (имевший совершенно иной характер, чем европейский анархизм в первой половине 90 годов) очень мало касался России и русских революционеров. Они для *своей* задачи были неизбежно враждебны государству, как оно существовало и функционировало в России. В европейских-же государствах, в противоположность русским либералам, они не могли видеть, уже со времени статей Чернышевского, никакого общественного идеала. Однако, при разборе своих местных русских задач, они не имели никакого повода принимать определенное участие в борьбе между сторонниками Генерального Совета Интернационала и массами рабочих социалистов, исключенных из Интернационала после Гаагского конгресса [1]). Редакция „Вперед!“ посвятила вопросу об отношениях социализма к государственности ряд заметок и более значительный целый этюд, совершенно назависимо от другого ряда статей, посвященных фактам раскола между западными социалистами.

Из случайных заметок, проходящих через все издания „Вперед!“, можно указать следующие (I, 7 и след., 189; Б, 95; II, в; III, А, 224; V, 151; № 10; 294).

„Государства, *так как они существуют*, враждебны рабочему движению, и все они должны окончательно разложиться, чтобы дать место новому общественному строю, где самая широкая свобода личности не будет препятствовать солидарности между равноправными лицами и обширной кооперации для общей цели...

„Государства держатся чиновничеством и войском. Это — общественная форма, с помощью которой одна часть общества принуждает другую жить и действовать, как угодно первой...

„Все политические учреждения, по крайней мере в том виде, в каком они существовали до сих пор и существуют теперь, суть ничто иное, как организация, создаваемая эксплуатирующими классами общества для существующих социальных отношений, т. е. для сохранения возможности эксплуатировать и грабить народные массы...

---

[1]) Летом 1873 г. по решению Генерального Совета, перенесенного тогда в Нью-Иорк, перестали быть членами Интернационала все национальные и местные федерации, секции и лица, принимавшие участие в конгрессе Брюссельском, Кордовском и Лондонском, т. е. вся Бельгия, часть Италии и часть британских секций.

„Для *современного* социалиста не „безразличны формы правления и государственное устройство", но... он, во имя своих социалистических убеждений, стремится разрушить всякую форму правления и всякое государственное устройство, несогласное с социальными убеждениями; а с ними не согласно ни одно из существующих государственных устройств...

„Не „подрывания государства" добиваются социалисты, а „обеспечения лучшего общественного строя" на развалинах современного государства, которое не может быть „разрушено" горстью идеалистов, но которое рушится, потому что „само в себе носит зародыш разрушения"...

„Государство в наше время есть ничто иное, как политическое орудие хищничества, обращенного *всегда* на свой народ, обращенного на соседей в минуту политического торжества".

Но специально этот вопрос был разобран в этюде, появившемся в 1876 году: „Государственный элемент в будущем обществе" (1875; он составляет первый — и единственный — выпуск тома IV „Вперед!" непериодического издания). Там говорилось в заключении (193 и след.):

„Каковы же выводы из предшествующего рассуждения? Какое значение имеет государственный элемент в общем цикле миросозерцания рабочего социализма?

„Этот элемент является элементом, необходимым в течение длинных исторических периодов, необходимым в настоящем, необходимым в будущем, и лишь в том строе, который составляет цель рабочего социализма, этот элемент может быть устранен.

„Но особенность государственного элемента выказывается в том, что во всех случаях, при всех обстоятельствах, он должен быть (для блага общества) доведен до возможного минимума, и что все другие элементы, делаясь основанием общественной связи, стремятся довести его до этого минимума... По мере того, как рационализм начинает проникать в общежитие, по мере того, как реальные начала получают более и более места в социалистических соображениях, элемент власти вызывает оппозицию со всех сторон и во имя всевозможных начал. Никто и никогда не ставит государство, элемент власти, общественного порядка, — целью, оправдывающей собственное существование. Обычай для его рабов оправдан тем самым, что он существует. Религия освящена в глазах верующих тем, что она для них есть

очевидная истина. Общественное благо, справедливость, общественное благосостояние, экономические отношения — представляют цели, которые сами в себе заключают повод стремиться к ним и защищать их. Но всякий закон, всякое распоряжение правительства, всякое изменение в форме власти всегда должны быть объяснены чем-нибудь, *вне* их заключающимся: поддержанием обычая, волею богов, благом народа, экономическими или нравственными целями, словом — чем угодно, только не сами собою. Государство, как закон, как администрация, как суд, само по себе никогда не имело смысла, и этот смысл должен был быть ему придан тем или другим связующим общественным началом, которое, смотря по формам общественной культуры, было господствующим. *Это* начало составляло *цель*, *благо*, которое было желательно, и мысль о котором должна была руководить подданных при их подчинении власти, правительство при его распоряжениях, законодателя при обсуждении кодекса, судью при приложении закона, политического революционера при замене одной формы власти другою формою. Государство во всех органах и функциях было не более, как средством для иной цели. Но отсюда уже следовало само собою, что всякое поглощение общественных сил и общественной деятельности *средством* для цели, совершаемое *на счет самой цели*, было нерационально и составляло *злоупотребление* государственной власти. Если государство было в глазах социолога лишь средством для блага народа, то всякое действие власти, уклоняющееся от этой цели, было преступлением и должно было быть сделано невозможным... Иначе говоря, государственной власти, государственному элементу следовало предоставить во всех случаях как раз лишь размеры, *крайне необходимые* для достижения той общественной цели, для которой государство должно было служить средством. Логика общественной науки требовала, как я сказал, чтобы собственно-государственный элемент был постоянно доведен до минимума, чтобы общество отдавало сколько можно более *добровольно*, *свободно* обычаю, религии, общему благу, развитию экономического благосостояния, справедливости, и как можно менее уступало в этом случае принуждению, власти, *государственному элементу*. Государственный элемент был во всяком случае лишь *необходимым злом*...

„Так как полной солидарности в обществе никогда не существовало, то на всех фазисах исторического развития прошедшего времени власть являлась необходимостью, государственный элемент играл зна-

чительную роль. Но он никогда не ограничивался той ролью, которая ему приходилась законно, как *дополнителю* недостатков общественной солидарности. Обладатели *фактической* власти постоянно пользовались этою властью, чтобы захватить себе более общественного влияния, чем им приходилось по условиям общественной культуры. Это неизбежно вызывало легальные и нелегальные протесты со стороны представителей обычая, религии, экономических или нравственных интересов в обществе, смотря по тому, который из этих жизненных и связующих элементов общества считался высшим благом и законною общественною целью в данную эпоху. Происходила борьба за власть, причем попеременно торжествовала или фактическая власть, начало консервативное, начало *механической* связи общества, или элемент ограничивающий власть, начало более или менее прогрессивное, начало *органической* связи общества. Но с течением истории все более развивалось в передовых группах людей сознание, что роль государственного элемента, роль принудительной власти в обществе должна ограничиваться лишь *дополнением* недостатка связующей силы других общественных элементов; что государственная власть есть лишь средство для других, более жизненных общественных целей; что государство есть лишь необходимое зло при недостатке общественной солидарности. Вместе с тем развивалось в истории и либеральное стремление все более и более понизить минимум государственного элемента в общественной жизни...

„Современное государство стало противоречием самому себе, отрицанием самого себя... Всеобщая конкуренция не дозволила возникнуть никакому связующему элементу в обществе. В настоящем строе отсутствует всякое солидарное начало. *Общество* стремится снова обратиться в *совокупность особей*... Само собою разумеется, что общественный порядок, при котором общество распадается на отдельные особи, долго существовать не может; пока общественный порядок существует на нынешних основаниях, для него исхода нет.

„На замену ему выступает рабочий социализм. Он связан с предыдущим строем тем положением, что и для него экономические отношения составляют основу всех прочих общественных задач, но он дает вопросу об экономических отношениях между личностями совсем иное решение, чем буржуазная социология. Он устанавливает новые элементы общественной солидарности и устраняет из общества все элементы вражды личностей и групп, которые вызвали современное

общественное разложение, именно устраняет монопольную собственность, всеобщую экономическую конкуренцию и общественный паразитизм. Рабочий социализм имеет, следовательно, за себя шансы создать прочный общественный порядок. Как все предшествующие общественные порядки, он с самого начала и во всех фазисах своего развития ставит себе целью доведение государственного элемента до минимума, но ставит эту цель с самого начала сознательно и при том представляет возможность довести в своих дальнейших фазисах этот элемент до минимума несравненно меньшего, чем те минимумы, которые представляла предшествующая история. Эта возможность представляется опять таки потому, что рабочий социализм стремится развить, помощью общего труда и свободных союзов разных форм, несравненно высшую степень солидарности для всех особей, входящих в будущее общество, чем это можно было сделать какому-либо прежнему строю. По мере достижения этой солидарности минимум государственного элемента в обществе может и должен уменьшаться, но не должно себя обманывать иллюзиею надежды на его уничтожение разом или путем внезапного переворота. Внезапные перевороты не создают солидарности. Она развивается постепенно в ряде поколений, а пока она не осуществилась в обществе, до тех пор государственный элемент, элемент власти и принуждения, вполне исчезнуть из общества не может. Он не может исчезнуть *накануне* социальной революции, когда социально-революционный союз в России или международный союз рабочих в Европе и в Америке будет представлять армию, готовящуюся к бою за новый мир, но все солдаты которой выросли в старом мире конкуренции, монополии и паразитизма. Он не может исчезнуть и *на другой день* после социальной революции, когда победители будут окружены внешними и внутренними врагами и сами еще будут носить в себе следы побежденного мира. Он может исчезнуть лишь в тот период, когда солидарность общего труда в свободных союзах охватит все общество. Никто не в состоянии вызвать этот момент к жизни внезапно и без предварительного подготовления, но всякий может приблизить его, вырабатывая в себе и около себя то чувство и ту практику солидарности, которые составляют нравственное требование рабочего социализма, и которые одни, охватывая все органы и все функции общества, в состоянии довести наконец все убывающий минимум государственного элемента в будущем обществе до нуля".

Относительно раскола в Интернационале „Вперед!“ в первом же томе принял следующее положение (I, Б, 3):

„Мы не имеем ни малейшего основания сомневаться в полной искренности и в преданности делу пролетариата всех личностей, находящихся уже несколько лет во главе движения, Международной Ассоциации Рабочих, личностей когда-то действовавших дружно, теперь разделенных ожесточенною враждою, но, при этой вражде, продолжающих существенную — и единственно существенную — борьбу настоящего, рабочего пролетариата с государством и с капиталом. Мы не позволим себе ни одного оскорбительного подозрения относительно людей, заслуживших и продолжающих заслуживать уважение своим участием в этой борьбе, хотя мы вовсе не закрываем глаза на личное увлечение страстью и на многочисленные ошибки, иногда весьма вредные для общего дела, сделанные обеими партиями. Мы постараемся удалить наиболее оскорбительные черты из самого отчета о борьбе за преобладание той или другой партии. Мы постараемся даже устранить по возможности вопрос о личностях в этой борьбе, передавая читателям лишь общие результаты; но самая борьба составляет неуничтожаемый и самый заметный факт *внешней* истории рабочего движения в наше время, а потому нам приходится изложить читателю ее последние фазисы“.

Редакция не раз напоминала об этом принятом ею решении (II, Б, 3, 27), старалась остаться верной ему и передавала одинаково подробно отчеты о деятельности всех фракций, о которых она могла получить известие.

По отношению к другим социалистическим и революционным фракциям в России „Вперед!“ старался осуществить ту политику, которая была формулирована следующим образом его главным редактором в последнем номере газеты (№ 48; 788):

„Каковы бы ни были иные недостатки „Вперед!“ в его прежних формах, в *одном* едва ли когда обвинят его читатели, именно в излишнем внимании к нападкам на него, сыпавшимся со стороны других социалистических групп: он уделял этим нападкам возможно менее места и проходил молча мимо всего того, мимо чего мог пройти молча“ [1]).

---

[1]) Лишь на нападения „русских Якобинцев“ редакция сочла (может быть и тут ошибочно) необходимым отвечать. Ей казалось, что *эти* противники имеют некоторые шансы соблазнить волнующуюся и нетерпеливую русскую молодежь к способу деятельности, который оторвал бы ее от всемирного исторического движения социализма, не представляя никакого ручательства в большем успехе в борьбе с русским абсолютизмом. Последующие события, может быть, позволили убедиться, что шансы якобинизма были действительно значительны и быстро увеличились, как только он оставил в стороне свою неловкую борьбу против всех направлений русского социализма, но усвоил себе принципиальные требования последнего.

Упомянем еще об одном вопросе, который, особенно в последние годы существования „Вперед“, живо интересовал его редакцию, как практическое применение принципа интернационализма, внесенного в новейшую историю социализмом, к очень важному *русскому* затруднению. Это было примирение и союз поляков с русскими на почве общей борьбы против капиталистического строя всюду и против русского абсолютизма в частности.

Программа „Вперед!“ уже с самого начала высказалась относительно принципа национализма и относительно славянского вопроса в особенности следующим образом (I, 10, 24, 25):

„Вопрос *национальный*, по нашему мнению, должен совершенно исчезнуть перед важными задачами социальной борьбы. Национальности представляют совершенно-реальную и неизбежную почву для каждого общественного процесса. Приходится действовать в *данной* местности, на общество, говорящее *данным* языком, выработавшееся до *данной* культуры. Если это не взять в соображение, то цель общественной деятельности получит совершенно отвлеченное значение и никогда не осуществится. В разных местностях, для разных национальностей задачи данного мгновения могут быть различны, но каждая нация должна делать *свое* дело, сходясь в общем стремлении к общечеловеческим целям... Эти принципы неизбежно требуют самой решительной борьбы противу той национальной раздельности, противоположности, враждебности, которые еще слишком часто отзываются в привычках даже мыслящих людей...

„Живыми партиями в среде славян мы признаем лишь те, которые пишут на своем знамени, рядом с девизом независимой национальности, девиз социальной борьбы против монополии частных собственников и капиталистов, научной борьбы против религиозного элемента...

„Это разрешает и самый трудный, повидимому, для русского вопрос, вопрос польский. Кто поставил интересы хлопов выше интересов шляхты, кто бьется за идеал европейской федерации свободных

общин, тот наш брат и союзник. В будущей федерационной Европе границы между федеративными единицами будут иметь иметь крайне мало значения. Если бы нашим единомышленникам пришлось говорить во всероссийском земстве о вопросе между Польшей и Россиею, они предложили бы, конечно, чтобы каждая община решила самостоятельно, независимо от всей предыдущей истории, к какой национальности, к какому государственному или социальному центру она потянет. При дальнейшем же самодержавии общин различие национальностей становится лишь бледным преданием истории, без практического смысла. Защитники преобладания шляхты и католицизма — враги наши, потому что они, прежде всего, враги народа польского".

И позже „Вперед!" посвящал работы как этим вопросам вообще (№ 16; „Исторический фатализм"), так в особенности польским делам (III, А, 99 и след.; I, 105, Б, 148 и след.; V, 169; № 2: 45 и след.; № 6: 189; № 44: 664 прим.) в той мере, в какой в последние проникал социалистический интернационализм. Редакция „Вперед!" вступила членом в „польский социалистический рабочий союз (№ 14; 448) и в „Dzenniku Polskem" появилось сочувственное заявление русским социалистам (№ 17; 533 и след.). Некоторые члены редакции присутствовали на лондонском собрании 23 января 1875 г. в White Horse, где, в присутствии Карла Маркса, Энгельса и нескольких членов бывшей Парижской Коммуны, Врублевский связал в своей речи борьбу за независимость Польши с борьбой против экономических притеснителей народа. Затем на собрании 4-го дек. того же года, где русские и польские социалисты побратались во имя общего социалистического дела, было сказано между прочим (№ 24; 761):

„Мы, приверженцы международного рабочего социализма нового времени, можем с полным правом почтить, в ряду наших предшественников, и борцов за независимость польского народа, в память которых мы собрались сегодня. На могилах старых борцов, боровшихся под разноцветными знаменами и разнообразными гербами, да соберутся все народы теперь под единым красным знаменем социальной революции, знаменем солидарности всех трудящихся и всемирной справедливости. Во имя этого, общего нам всем знамени, приветствуем прошедшее, насколько оно подготовляло настоящее, но выше и прежде всего приветствуем это настоящее, которое *одно* может решить задачи, поставленные прошедшим. Приветствуем союз солидарных рабочих всех стран противу всех сил старого мира. Приветствуем его, товарищи всех славянских наречий, товарищи всех европейских языков, товарищи всех рас человечества".

На собрании 22 января 1876 г. положено было, по предложению Врублевского, начало „Международной лиги социальных революционеров", которая и конституировалась 5-го февраля. Редакция и наборня „Вперед!" рядом с социально-революционным польским обществом „Lud polski" подписали 4 июня 1876 воззвание „Рабочим социалистам Соединенных Штатов" от славянских социально-революционных обществ Лондона (№ 37; 451 и след.).

Но, при всех этих заявлениях интернационального характера, „Вперед!" признавал себя органом русских *социалистов-народников*, формулируя свое народничество следующим образом (I. 59):

„Из трех терминов знаменитой уваровской троицы, самодержавие и православие осуждены историею, осуждены логикою.

„Остается третий — народность.

„Не народность, ненавидящая немцев, поляков, жидов, но народность, как солидарное целое равноправных личностей; народность, как единственный источник жизни и добра для России; народность, как единство мыслящих русских, желающих блага и развития братьям, желающих человечной роли для своего отечества.

„*Эта* народность остается".

Резюмируя предыдущее, можно сказать, что политическая и социальная программа „Вперед!", именно так, как она выработалась постепенно по частным вопросам в продолжение 5-летнего существования издания, была формулирована, как „личный" взгляд главного редактора, в последнем номере газеты, следующим образом (№ 48; 789 и след.):

„1. Все усилия социалистов нашего времени должны быть направлены на замену нынешнего общественного строя другим, устроенным на началах *рабочего социализма*, основание которого есть *принцип коллективизма*: отдавай все силы общему делу, развивайся в процессе этой деятельности и бери от общества лишь необходимое для своего существования и развития.

„2. Общежитие, осуществляющее этот принцип, предполагает:

„а. Общность имущества.

„б. Всеобщий коллективный труд для всеобщего развития.

„в. Солидарность всех рабочих.

„г. Свободную федерацию, как тип всякого общежития.

„3. Переворот, к которому стремятся социалисты нашего времени, не может быть совершен легальным путем, и потому требования рабочего социализма могут быть осуществлены лишь путем *социальной революции.*

„4. Переворот этот может быть совершен лишь рабочим пролетариатом, и потому всякая революция, ставящая себе целью осуществление начал рабочего социализма, может быть успешна лишь в том случае, когда она будет *народною революциею.*

„5. Социальная революция в России должна быть подготовлена тайною *организациею революционных сил,* действующих путем *пропаганды* и *агитации,* пока они не будут достаточно велики для производства обширного революционного взрыва.

„6. Организация революционных сил, имеющая наиболее шансов достичь указанной цели, должна идти следующим путем:

„а. Убежденные социалисты - революционеры из интеллигенции составят первый кадр этой организации.

„б. Разместившись среди народа в нескольких наиболее удобных для этого областях России, они сгруппируют около себя все лучшие силы народа в этих областях в революционные группы.

„в. Они соединят все социально-революционные русские группы, рассеянные в упомянутых областях и состоящие в большинстве из народа, в обширную социально-революционную федерацию.

„г. Пропаганда социальной революции настолько проникнет в войско, чтобы внести в него расстройство и разложение при народном восстании.

„д. Когда социально-революционная организация будет достаточно сильна, то она воспользуется неизбежными волнениями и восстаниями в народе, чтобы обобщить эти бунты, до тех пор не имеющие значения, в революционный взрыв, долженствующий охватить большую часть России.

„7. Местные неудачные бунты не могут считаться удобным способом подготовления общего революционного взрыва в России, и, следовательно, убежденный социалист-революционер не имеет права вызывать их, пока социально-революционная организация недостаточно сильна для вероятной победы революции. Он должен противодействовать бесполезной трате народных сил в безнадежных вспышках по пустым предлогам и без всякой вероятности победы. Но когда в местности, где он действует, вспыхнул народный бунт независимо

от его воли, вследствие экономической эксплуатации народа или притеснений и оскорблений его представителями правительства и лицами из господствующих классов, то убежденный социалист-революционер, истощив усилия противодействовать неразумной вспышке, должен биться в рядах восставшего народа и разделять его судьбу.

„8. Дело убежденных приверженцев рабочего социализма (большинство которых должно тогда принадлежать народу) в минуту победоносного взрыва революции будет заключаться в направлении этого взрыва к осуществлению революционным путем начал рабочего социализма.

„9. Для пополнения и расширения первого кадра социально-революционной организации, а также для усиления последующей за тем социально-революционной федерации групп, убежденные социалисты-революционеры должны до самого революционного взрыва всеми силами распространять среди интеллигенции социально-революционные идеи и воспитывать в ней привычки солидарности путем коллективной жизни, коллективной организации и постепенного введения всех способных на это лиц в социально-революционное дело“.

4. Литературная полемика.

В подпольной русской литературе рассматриваемой эпохи была отрасль, на которой почти вовсе не отзывались раздоры фракций. Это была пропагандистская и агитационная литература, назначенная для народа. Не только произведения ее, издаваемые в лондонской и женевской наборнях, имели очень сходный характер, но некоторые из них, наиболее удачно составленные или имевшие по той или по другой причине больший успех, издавались одновременно в разных наборнях. Эти агитационные брошюры появлялись в нескольких изданиях, отражавших до известной степени на себе изменения, имевшие место в настроениях издательских групп. В этом отношении особенно любопытны последовательные издания „Хитрой механики" (автор которой, насколько мне известно, до сих пор благополучно действует в пределах России как умеренный и либеральный земец; по крайней мере так было тому несколько лет назад). Некоторые издания ее характеризованы тем убеждением, что для социального переворота приходится рассчитывать исключительно на народное движение, тогда как интеллигентная молодежь может играть лишь роль пособника, не имеющего никакого самостоятельного значения; т.-е. эти издания отражают настроение, под которым писаны упомянутые выше статьи вроде „Революционеры из привилегированной среды" („Вп." II) и которое формулировано Дебагорием-Мокриевичем в его воспоминаниях следующими словами, выражающими отношение народников-пропагандистов к рабочим:

„Вы — краеугольные камни будущего строя", нашептывали они рабочему. „Рабочие — революционеры! Рабочие — герои! А мы — интеллигенция — ни к чорту не годны. Мы — дворяне — все дрянь"... и прочее в таком роде".

В других изданиях „Хитрой Механики", под влиянием арестов, процессов и общего характера агитации в России, отношение интеллигенции уже очень изменяется, и эта интеллигенция выступает как элемент революции, имеющий значение и сам по себе. Затем, в этом отношении наблюдается и еще раз изменение в прежнем направлении.

Другие модификации в последовательных изданиях некоторых брошюр имеют чисто-эстетический характер. Так, одно из самых отделанных произведений в этом отношении (впрочем — для интеллигентных читателей, так как оно не было достаточно приспособлено к чтению народом, или среди народа), именно „Внушителя словили", встречается с двумя разными окончаниями, очевидно лишь по тому соображению, что более короткий текст литературно изящнее. С этой точки зрения можно сказать, что брошюры, имевшие наиболее успеха при распространении в народе, были вовсе не те самые, которые с особенным жаром читались революционною молодежью. — К первой категории, по всем собранным сведениям, принадлежали особенно упомянутая „Хитрая механика" и брошюра Л. Тихомирова, циркулировавшая в разных изданиях под названием „Четыре странника" или Правда и кривда" [1]), „Четыре брата" и друг. Первая, направленная преимущественно на разъяснение крестьянам системы податей и эксплуатации народа, вызвала подражания (напр. брошюру, начинающуюся словами: „Сам я из бессрочных"), не имевшие, впрочем, такого успеха, как „Хитрая механика", так как не были достаточно приспособлены к чтению в народе, и изложение было не так удачно. Много циркулировала, как слышно, „Сказка о копейке", хотя ее литературное достоинство гораздо ниже [2]). Напротив, в народе, говорят, имели очень небольшой успех „Мудрица Наумовна", „О правде и кривде",

[1]) Не следует смешивать с другою „О правде и кривде", составление которой, так же, как „Мудрицы Наумовны", принадлежит автору „Подпольной России". Само собою разумеется, что все эти подпольные издания для распространения в России носили на обертке самые разнообразные названия: „Слово на Великий Пяток преосвященного Тихона Задонского", „Чудесная сказка о семи Семионах", „О смутном времени на Руси", „Первые века христианства" и т. под. Некоторые издания иллюстрированы агитационными виньетками на манер лубочных. На иных заглавиях виньетки взяты из „Народных чтений в Соляном городке".

[2]) Мне совсем неизвестно, кто ее автор и даже когда она появилась. На экземпляре, у меня имеющемся, стоит дата 1870. „Издание второе". Но на это положиться нельзя.

иные отрывки которых читались и перечитывались с жаром среди социалистической молодежи (по крайней мере за границей), или „Внушителя словили" и другие рассказы, вошедшие в издание „Работник" [1]).

Общею характеристикою этих изданий можно признать прежде всего вполне определенный характер агитации, как против русского самодержавия, так и против капитализма; во вторых склонность изображать ожидаемую революционную катастрофу в самых резких чертах, и еще, пожалуй, изображение недовольства и революционного элемента в русском крестьянстве далеко более широким и сильным, чем его увидели в действительности те, которые шли „в народ", словом таким, каким бы они *желали* его видеть.

Приведем несколько примеров этих черт.

Разбирая систему налогов в России с точки зрении эксплуатации народа и роль войска, автор „Хитрой механики" говорит (2 изд., 28 — 31):

„Тяжело, брат, подумать, как это царь да дворяне так умеют нашего брата испортить, что в нем и человеческого подобия не найдешь, что готов он своего кормильца-мужика и отца и мать зарезать, и рука у него не дрогнет. Да, тяжело, брат, как вникнешь-то, что мы этак сами себя режем, грабим, бьем, и все для того, чтобы нашим врагам и наши деньги, и наших детей отдавать!... Ну, да подожди: придет пора, возьмемся и мы за ум..

„Эх! Да подожди, проснется, да скинет с плеч своих выносливых этих пиявиц-бар, да кулаков и заживет тогда весело, да припеваючи. Только помни, Андрей, чтобы богатых тогда не было, потому — зарубить себе на память — что это везде и всегда так было и будет, что кто богат да силен, тот от податей всегда будет льготен, всю ту тяжесть на бедных наложит. Помни это!...

„Хитрую механику настроили царь с боярами, да фабриканты с кулаками, чтобы свалить на наши крестьянские спины все расходы на их барское житье, на их кулаческое пирование.

„И таково хитра эта механика, говорил мне Степан, что оставь ты в ней хоть ниточку, сейчас, глядишь, вся она вырастет снова. Прогони царя, прогони пиявиц-чиновников, оставь только одних кулаков наших

[1]) Мне его известно 2 выпуска 1875 и 76 годов. Одно издание вышло в Женеве, но „Внушителя словили" издано и в Лондоне. Этого „Работника" не следует смешивать с журналом того же названия.

крестьянских — и оглянуться не успеешь, как у тебя беспременно опять все старые порядки будут.

„Да, хитрая эта механика. Чтобы крестьянскому люду полегчало, всю ее надо прочь, как есть всю. Коли царь да бояре объявят какие ни на есть там законы, будто бы для льготности нашему брату — это они нам только глаза отводят. Коли богачи да люди властные вздумают перед народом такое колепце выкинуть, будто они из своей мошны да ему сиволапому помочь хотят, — это они его пуще прежнего к рукам прибрать хотять. Нет и не будет добра крестьянству от его исконних врагов, от его мучителей вековечных".

Л. Тихомиров, при встрече четырех братьев, которые пошли в четыре стороны света, „искать, где лучше", и поиски которых кончились тем, что они вместе с арестантами в кандалах идут по „дорожке Владимирской", влагает в их уста следующие слова („Чет. Стр." 61 и след.):

„Что же, братцы, говорит Иван, нигде нету места для бедного, видно все места богатыми заняты. Исходили мы всю Русь-матушку, и одно мы повсюду видели: везде богатые грабят бедного, везде грабят народ мироеды проклятые, те дворяне, фабриканты и хозяева. Они держат рабочий люд в кабале, обирают до ниточки да перед ним еще величаются и ругают его мужиком-дураком. А начальство разное вместе с царем о своей лишь выгоде думают, и о бедных людях не заботятся, и всегда они стоят за богатого, защищают лютых грабителей, и законов таких понаписывали, чтобы бедных связать по рукам, по ногам, головой их выдать грабителям...

„А народ! Сердце ноет, как вздумаешь, как покорно он переносит гнет, всякой сволочи он покоряется и не чувствует своей силушки. Глуп народ, братья милые, трус народ православный, и спит он сном непробудным, словно в сказке богатырь заколдованный; словно вши и блохи мелкие, его кровь сосут мироеды грабители, а народ спит и не чувствует...

„Только все же, братцы любезные, все ж наступит конец беззаконию. И ударит грозный час, пробудится народ, он почует в себе силу могучую, силу необоримую, и раздавит он тогда всех грабителей, всех мучителей безжалостных; реки крови прольет он в гневе своем и жестоко отмстить притеснителям...

„Царь с министрами и боярами, фабриканты и помещики, все монахи лицемерные, все мучители народные, все получат воздаяние

за грехи свои тяжелые. Всех их сотрет народ с лица земли и потом заживет припеваючи...

„Не сдержать клетке орла могучего, не сдержать тюрьме добра молодца! Мы уйдем, братцы мои, на Русь-матушку, мы пойдем будить православный народ: „Уж вы встаньте, встаньте, мужики честные, вы оставьте свою трусость глупую, вы почуйте свою силу могучую. Поднимайтесь, православные, как божья гроза, и уничтожьте всех своих недругов!“...

„С той поры они ходят по русской земле, они будят везде мужиков-крестьян, их зовут они на кровавый пир. Они ходят на Юге, на Севере, на Востоке ходят, на Западе; их никто не знает, не ведает, но всяк слышит громкий голос их; и от голоса того мужик ободряется, подымает свою голову опущенную, закипает в нем кровь ключом, и готов он идти за волю свою, за землю и льготы крестьянские. И когда просветят они всех крестьян, загудит, зашумит Русь-мутушка, словно море синее заколышется, и потопит волнами могучими оно всех своих лютых недругов“.

В „Сказке о копейке“ читаем следующее (3):

„Стал чорт думать крепкую думу: как бы ему испортить род человеческий. Семь лет думал чорт, не ел, не пил, не спал... и выдумал — попа. Потом еще семь лет думал и выдумал — барина. Потом еще семь лет думал и выдумал — купца“.

Мужик выражается о боге (17):

„Нас бог бережет, потому без мужика ему не то, что на свечку, а и на ладан не откуда бы взять. А то, без мужика, бог, точно, давно бы перевелся совсем“.

И далее (51):

„Тошно тебе жить от помещиков, попов да начальства всякого, говорит старец мужику. А от купцов да мироедов и того тошней.

„Содрал с тебя поп поросенка, а купец уже тут как тут, один содрал с тебя улей меду, а другой так и портки с тебя снял.

„Заставил тебя барин плотину чинить, а купец уж тут как тут — сруби и ему избу.

„Поп сдерет блин, купец — каравай.

„Барин сдерет сноп — купец копну...

„И пошел мужик по селам, городам, деревням и хуторам и всюду говорил он:

„— Проснись, проснись, народ православный!! Чего маешься ты, над работой непосильной надрываючись, народ простодушный!..

„— Уж не ждешь-ли ты, что бары, попы, да купцы сжалятся над тобой и отдадут тебе то, что они с царем своим отняли у тебя?

„— Уж не ждешь ли ты, что царь защитит тебя от друзей своих?

„— Пойдем же, братцы, во все стороны великого царства русского и будем говорить народу, что настала пора подняться нам против злодеев наших.

„— Пусть каждый, до кого дойдет голос мой, поклянется в сердце своем проповедывать братьям своим всю правду, как апостолы проповедывали.

„— Пусть каждый поклянется принять муку и смерть за братьев своих, как принимали апостолы!!

„— И тогда всей землей, как один человек, поднимается вся Русь-матушка, и никакая сила вражья не устоит против нас!

„— Тогда-то настанет на земле царство божье, царство правды и любви, и не будет на ней плача, ни болезней, ни скорби, ни страданий!! —“

По поводу освобождения крестьян в брошюре „Что-то братцы“ [1] автор пишет (9, 13):

„Обошли нас ловко господа с царем своим, чисто дело обделали, и славу нажили за освобождение, и карман-от набили пуще прежнего: наделили нас песком да каменьями, по три десятины на душу, да заставили оброк платить не хуже прежнего: выкупать ее, значит, родимую нашу-то землю-матушку, что отцами да дедами с испокон века возделана, с потом и кровью вспахана, слезами омочена!..

„Пока нами управлять будут цари, бояре да чиновники, не будет у нас ни земли, ни воли, ни хлебушка. Они тысячи лет нами правили, и все время мы только стонали да бедствовали, а они себе жили припеваючи да посмеивались...

„Мы и сами с своими делами справимся, сами будем о своих нуждах заботиться. Мы потребуем, чтобы у всех у них, что теперь над нами распоряжаются, была отнята власть всякая.

„Владеть будем мы всей землей-матушкой сообща, жать будем мы всем обществом, и будет у нас тогда воля, земля, да и хлебушко, и не будет на Руси ни крестьян, ни помещиков, а все будут тогда

[1]) Автором этой брошюры является Л. Э. Шишко. *Редакция.*

люди русские — люди свободные, и у всех у нас будут одни права, одни обязанности...

„Скоро, братцы, придет это времячко.

„Со всех сторон поднимается сила крестьянская; взволновалась Русь-матушка, зашумела, как море великое. А поднимется да расправится, так не будет с ней ни сладу, ни удержу.

„Только будемте дружно, как братья родные, стоять за наше дело великое. Вместе-то мы сила могучая, а порознь нас задавят враги наши лютые".

Во втором рассказе „Работника": „Раек" нарисована следующая сцена (18 — 20):

„И вот — толпа разбежалась... Чу! Заборы затрещали... Колья в руках; топоры, косы...

„За мной! за мной! кричит Федор. Народ хлынул, куда-то бежит, бежит... Вот показалась усадьба.

„Жги, жги ее! шумит народ: Будет им! Довольно!

„Запылали хоромы... Пламя так и перескакивает... Вон рухнула крыша... „Ай! ай! мошенники! кричит кто-то. Ба!... да никак помещик?...

„— Попался, голубчик! — бросился Федор: — надругаться над нами... а! Вали его...

„Вдали по дороге летит пыль столбом, кто-то скачет... Колокольчик так и звенит, так и звенит...

„— Исправник!

„Он... он!... ближе, ближе... Подъехал... Что вы, подлецы! забыли... Не дали ему кончить: косой голову охватил кто-то... Кровь потекла...

„— Дальше! Дальше! кричит Федор... Опять бегут... вон село, церковь...

„Попа сюда, попа!...

„Поп бледный, дрожит, крестится...

„— Бей в набат, сукин сын! — приказывает Федор: — Звони!

„Повинуется поп... Чу! Чу! гудит колокол, гудит, гудит... Из деревень прибывает народу все больше, больше... у кого топор, коса... у! сколько набралось!

„ — Махнем, махнем ребята!

„ — Пора! Пора! — слышатся голоса... Горят усадьбы... дым... галки летят... Вдруг... что это?... кто-то крикнул:

Солдаты! Солдаты!... И впрямь!... Ах, как блестят ружья!... И как много!... А это, это?...

„Полковник верхом...

„ — Вперед! Вперед! — гудит толпа...

„Стой! — командует полковник...

„Солдаты встали...

„ — Что вы... черти! За кого вы!... Аль души-то в вас нисколько? К нам, к нам!...

„Ружья полетели вверх...

„Смирно!... Налево круго...ом!

„ — Мы тебе дадим смирно!... отвечают солдаты...

„Полковник поскакал... Вдогонку пустил кто-то пулю... Бац! — слетел начальник... Лошадь понеслась дальше...

„ — Молодцы!... Дальше, ребята, дальше!... — кричит Федор".

„Мудрица Наумовна" была как бы молодою попыткою эпопеи социальной революции [1]), где стояли рядом чисто фантастические элементы, реальные картины и идеализированные образы социалистических борцов разных типов. Сначала в ряде сцен изображена эксплуатация рабочих на западе в ее самых возмутительных формах, и главное лицо рассказа приходит, сперва, к заключению (33):

„Тут только я понял, что работники всегда должны остаться в рабстве у тех, кто может по своей воле заставлять их голодать".

Далее появление Интернационала изображено следующим образом (44 и след.):

„Чего ты плачешь? — тихо спросил меня Николай.

„ — Плачу я о народе своем, который я люблю, — сказал я. — Плачу о том, что и его ждет то же самое, потому и он в кабале у богатых! Горе, горе ему! Горе и мне, потому что я могу только плакать о нем!

„Николай подошел ко мне, отвел руки мои и сказал:

„ — Не плачь!

---

[1]) Само собою разумеется, что лирические отражения движения этой эпохи были многочисленны. Мне очень жаль, что недостаток места не дозволяет мне привести несколько стихотворений, сюда относящихся и напечатанных в „Из-за решетки" (1877) и в других „Сборниках" и „Песенниках", во „Вперед!" и т. под. Некоторые из них заслуживают внимания не только по содержанию, но и по эстетическому достоинству.

„Я поднял голову, потому что что-то неведомое было в его голосе.

„— Нет! не погибель ждет народ, сказал он, потому что он может спастись от своих мук. Не плакать о нем, а помочь ему должен ты. Пойдем, и я все открою тебе“.

„Мы пошли по дороге, освещенной полным месяцем.

„И рассказал мне Николай, как, после долгих мук, рабочие поняли, наконец, что не будет конца их мучениям, коли не соединятся они и не поднимутся против врагов своих. Как решили они составить союз, куда вошли-бы рабочие всего мира, потому что у всех рабочих одни и те-же враги—цари, помещики, купцы, одна и та же цель—избавиться от всех их.

„Рассказал он мне, как рос не по дням, а по часам этот союз. Как, подобно громадному дереву, разветвлялся он все шире и шире, и все глубже и глубже пускал он корни свои. Как среди всех народов есть уже участники его, и как свет расходится от них, подобно свету от звезд, рассеянных по темному небу.

„И рассказал он мне, как ужасом наполнились сердца злодеев, потому почувствовали они, что приближается их конец. Как стали они гнать и преследовать участников этого союза, потому знали злодеи, сколько злобы накопили они против себя в сердцах народа.

„И рассказал он мне, как хватали они распространителей этого союза, как судили они их судом неправедным, как сажали они их в тюрьмы, где не видели они свету белого, как ссылали их в безлюдные страны, где самый воздух пропитан был смертью, куда и звери боятся забегать, куда и птицы не смели залетать...

„— Так будь-же нашим товарищем! сказал мне Николай. Великое и опасное дело задумали мы, но не страшно и голову сложить за него. Смотри на эту березу: уже пожелтели листья на ней и готовы упасть, но не успеет она покрыться новыми листьями, как страшный пожар запылает по всей стране.

„Не успеет замерзнуть этот ручей, как кровь широким потоком устремится в него, и выйдет он из берегов своих; потому приближается страшная смертельная борьба между рабочим людом и утеснителями его.

„Уже по всей стране рассыпались наши друзья и товарищи; уже повсюду точат они втихомолку ножи и раздувают фитили.

„И скоро поднимется весь народ на злодеев своих: на всех помещиков, хозяев, чиновников, от которых нет ему просвета. Рекой польется кровь, огненным морем запылают пожары. Но, как ржавое железо очищается в горне, так обновится и мир после этой борьбы“.

Очень эффектно совещание рабочих перед бунтом [1]) (хотя тут более сопоставлены идеализированные типы, чем реальные рабочие той или другой страны), где противуполагаются один другому следующие взгляды (73 и след.):

„Ни один бунт не погубит столько народу, сколько гибнет каждый год от каторжной работы на наших злодеев. Так нечего-же нам бояться бунта! Лучше бунт, чем покой! Не больше нас погибнет. А коли и больше, так ведь не даром! Не барыш, а смерть злодеям нашим принесет наша гибель. Так пойдем смело на такую гибель! Тонуть, так тонуть в их крови! Сгореть, так сгореть вместе с ними, поджигаючи своей рукой дом, в котором пируют они! Поднимемся же братья! Довольно мучили нас! Довольно пили нашу кровь! Зальем теперь и мы всю землю кровью наших злодеев!

„Андрей кончил свою речь, как бы не человек говорил. Глаза его налились кровью. Голос был, как рев дикого зверя. И всех нас как огнем прожгло его слово.

„Тогда поднялся Николай. Лицо его было печально.

„— Нет, не на то зовем мы вас, братья,— тихим голосом начал он,— не крови злодеев жаждем мы, а жаждем мы правды. Но не будет никогда правды на земле, пока цари, помещики, да хозяева живут на ней. Ненавидь-же их всем сердцем, потому это значит, что ты ненавидишь ложь и насилие; но помни, что ты поднимаешься не для того, чтобы пролить их кровь и упиться ею, а для того, чтобы освободить от них род человеческий. Вот почему, братья, соединимся! Только тогда победим мы врагов наших, врагов рода человеческого...

„Братья! дети и внуки проклянут нас за муки свои, потому скажут: они могли освободить себя и нас, но не сделали этого! Скажите же: хотите-ли вы воли, хотите ли счастья для себя и для детей своих? Или уже все, все и самую храбрость отняли у вас ваши притеснители?“

Позже умирающий революционер говорит товарищу (96 и след.):

---

[1]) По личным воспоминаниям чтение этого отрывка производило сильное впечатление на моих молодых товарищей.

„— Не плачь. Лучшей смерти не может быть для человека. Уже близок конец мой. Я чувствую, как слабеет мой голос. Так выслушай-же, что я скажу тебе.

„Не приходи в уныние. Наше дело не может погибнуть, потому па нашей стороне правда, а на стороне врагов — ложь. Правда — что солнце: заволокли его черные тучи, но не скрыть им его. Подует ветер и разгонит их, и ярко засветит оно на радость и веселие всякой твари.

„Иди же и проповедуй то, что мы проповедывали; и если ты будешь умирать вдали от людей, как я, то знай, что коли6 ты прожил до глубокой старости, то не дожить тебе до лучшего часа.

„Как из семени, брошенного в землю, вырастает новый хлеб, так из крови твоей вырастут новые бойцы. Напрасно возрадуются враги. Чем больше будут свирепствовать они, тем быстрее увидят свет все бродящие во тьме, тем быстрее будет расти наше святое воинство! И скоро, скоро придет день, когда народ поднимется по зову нашему, и как гроза, как буря разносит в щепки гнилую лодочку, так и он размечет врагов своих. Я чую уже, я вижу этот великий день!"

Далее, па собрании Интернационала в Брюсселе представители всех стран приходят к следующему решению (106 и след.):

„Весь теперешний порядок, это — ядовитое дерево. Ветки на нем — это купцы. Ствол — это помещики. А корень — это царь. Не истребишь ты дерева, коли рубишь одни ветки, потому из ствола вырастут новые. Не истребишь ты дерево, коли и самый ствол срубишь, потому из корня вырастает новый, который покроется новыми ветвями. Только тогда истребишь ты его, когда с корнем вырвешь его из земли и сожжешь его до последней веточки и развеешь пепел на все четыре стороны.

„Так пусть же, братья, будет нашим последним решением: смерть всем помещикам, купцам и властителям!

— Смерть, смерть всем помещикам, купцам и властителям! — повторили все.

„Тогда снова поднялся старик, который сидел посредине, и загремел голос его:

— Идите-же, братья, во все концы земли к пославшим вас и поднимайте их против помещиков, купцов и властителей.

„Скажите им, что страшный змей сосет кровь их, и что три головы у того змея: помещики, купцы и властители. Скажите им,

что тогда только освободятся они от змея, когда все три головы срубят ему. Если же хоть одну оставят они, то вырастут и две другие".

Затем автор обращается к „русскому работнику" со словами (120 и сл.):

„Русский работник! Если ты любишь своего отца и мать, если ты любишь братьев и детей своих, если ты любишь сестер своих и невесту, то подумай о муках, которые ждут братьев твоих!

Спаси же их от этих мук, если не окаменело сердце твое, если ты не оглох к стонам братьев своих.

„Ты должен и ты можешь спасти их, ибо приближается великое время, какого не видывала еще земля, время последней борьбы всего рабочего люда со всеми утеснителями его.

„Уже заволокло небо черными тучами; уже слышны раскаты грома и дрожат все богатые и власть имеющие, ибо чувствуют они, что начинает прозревать народ; чувствуют, что близок страшный час, час расплаты за кровь, за муки, за слезы, за все, что вынес от них народ.

„Иди же, и куда бы ни забросила тебя жизнь-прихотливица, в город или в деревню, на фабрику или на завод — всюду открывай глаза братьям своим. Говори им, что одно спасение им от своих мук — подняться против помещиков, хозяев и властей. Говори им, что только одна причина всех их страданий — покорность помещикам, хозяевам и властям. Когда же соберется довольно силы, тогда поднимайся русский народ против своих исконных врагов! Очисти от них землю русскую! С тем вместе очистится она и от лжи, которой они наполняли ее.

„Наступит тогда новое царство — царство правды и любви, царство правды и справедливости. Наступит такое счастье, какого не видело еще ни одно человеческое око. Иди же и возвещай братьям своим, что приближается это царство, но скажи им, что не войти им в него, пока не убьют они трехглавого змея, который стоит у входа в него".

Автор в конце переходит к очерку будущего „царства Любуши".

„Итак, при работницком порядке не будет дележа. Всем: и землей, и фабриками, и заводами, будут владеть миром, артелью. То, что сработают, будет делиться поровну между всеми, чтобы не было ни бедных, ни богатых. Но ты сейчас увидишь, что так будет толь-

ко вначале; скоро придет время, когда люди будут владеть всем, как братья владеют своим добром: каждый будет делать, сколько может, и брать, сколько ему нужно. Но об этом речь впереди. Теперь же, повторяю, будущий работницкий порядок отличается от теперешнего тем, что над рабочими нет и не может быть никого, кто отнимал бы у них то, что они сработают".

Автор пытается нарисовать это царство, как просветленное наукою, искусством и любовью между людьми и заключает следующими строками:

„Вот земля обетованная, которая уготована всем народам земным. Блаженны дети наши, которые войдут в нее! Блажен и тот, кто, как Моисей, издали увидит ее с высокой горы! Ибо спокойно сомкнет он очи свои с верой и надеждой на счастие рода человеческого. Но трикрат блажен ты, если трудами своими ты помогал народу приблизиться к этой земле; если ты отрекся от себя и пошел открывать всю правду братьям своим. Вечный мир снизойдет в душу твою, ибо будешь знать ты, что трудишься и страдаешь за счастие рода человеческого! Люди, развращенные теперешним порядком, люди с окаменелым сердцем, глухие к стонам братьев своих, скажут тебе: „Безумец! Опомнись! Что тебе до других? Думай о себе самом, ведь ты можешь добиться счастья, а ты идешь на вечные лишения! Ты отказываешься от всех радостей семейной жизни, отказываешься от почестей и богатства, которые, быть может, ждут тебя впереди!"...

„Да, ты отказываешься от всего этого. Не на пир среди умирающих с голоду братьев зовем мы тебя. Зовем мы тебя на великое служение им. Не будешь ты иметь семьи; не будешь знать ни крова, ни пристанища, и враги народа будут гнать тебя, голодного и холодного, из города в город, из села в село. И горшее постигнет тебя: из братьев твоих, за которых ты душу рад положить, выйдут враги тебе, потому возьмут их злодеи, и опутают их ум ложью, и заставят служить себе. Но, когда будут травить тебя, как дикого зверя, враги твои — и ты, босой и голодный, будешь убегать от них, и не будешь ты иметь, где преклонить голову, то и тогда не позавидуешь ты всем лицемерам, спокойно живущим потом и кровью братьев своих, ибо, истинно говорю тебе — ты будешь счастливее их. Когда враги твои схватят тебя и закуют тебя, и бросят тебя без пищи и питья в черную тюрьму, то и тогда ты не позавидуешь им, ибо, истинно говорю тебе — ты будешь счастливее их. Когда осудят тебя на смерть, привяжут тебя к столбу, и под ногами твоими выроют могилу твою, и убийцы твои направят на грудь твою дула ружей своих, и взглянешь ты в лицо их, то, истинно, истинно говорю тебе — ты будешь счастливее их, ибо нет большего счастья, как погибнуть за братьев своих! И убьют тебя!... Замолкнет голос твой! Бессильно опустятся руки и выпадет из них знамя освобождения рода человеческого, которое держал ты! Но тень твоя поднимет его! Заговорят кровавые раны на груди твоей! И бодрость и отвага польются в ряды друзей твоих, и ужас, и смятение — в среду врагов!"

Совершенно подобный же характер, но оставаясь вне всякого фантастического и беллетристического элемента, имеет брошюра „О правде и кривде" [1].

Из литературы полемической против направления, рассмотренного в предыдущей главе, приходится особенно обратить внимание на две фракции: именно на „бакунистов" и на „набатчиков".

Литература бакунистов была связана самым тесным образом как с полемикою заграничных русских политических фракций в конце 60-х и в начале 70-х годов, когда еще не начиналось в России движение в народ, так, в особенности, с тою междоусобною борьбою в рядах западно-европейских и американских социалистов, которая привела к расколу в Интернационале, обусловила на западе постепенное выделение „анархистов" из общего движения организованных рабочих и нынешнее их положение. Отсюда два явления в литературе этой фракции, на которые нельзя не обратить внимания: во первых, значительная ее доля принадлежит скорее к истории развития западного социализма в 70-х годах, чем к истории *русского* движения, о котором здесь идет речь; во вторых, издания бакунистов, появившиеся в 1873 году и назначенные преимущественно для пропаганды социалистических идей в России в эту эпоху возбуждения молодежи

[1]) К этой же литературе собственно относится „Сытые и Голодные" (1875 г.), о которой будет сказано несколько позже; но уже по самому своему значительному объему эта книга никогда не могла быть предметом сколько-либо крупного распространения в народе и более характеристична, как признак направления мысли среди агитаторов, которым имела в виду служить пособием для изустных рассказов. — Беллетристика и статьи только-что указанного рода занимают немалое место и в газете „Работник", несколько номеров которой мне удалось достать в самое последнее время.

(как „Историческое развитие Интернационала"), были составлены преимущественно из переводов литературных статей, а также из речей Бакунина, относящихся в 1868 и 1869 годам, когда раскол в западном Интернационале еще не имел места, так что самые характеристические для русского движения черты бакунистской литературы тогда наиболее определенно высказывались в произведениях, собственно к этой эпохе не относящихся, как напр. в брошюре Бакунина 1870 года „Наука и насущное революционное дело". Последнее всего удобнее объяснить тем обстоятельством, что в 1866—70-годах русских бакунистов не отвлекала еще от *русского* дела их роль европейских бакунистов не отвлекала ... ской социалистической партии, борющейся с марксистами; что касается до эпохи (1874 и следующих годов), когда реальное движение в народ вызвало на почве опыта изменение в постановке социалистических задач в России, то тогда русская бакунистская литература представляет очень мало произведений.

Основною точкою исхода теории и тактики русских революционеров бакунистская литература выставляет борьбу с государственностью и с „реформаторами-государственниками", которые („Наука" 2—5) „думают, что государство есть лучшее и даже единственное средство для достижения народных целей и для осуществления высоких народных судеб, и потому ставят всегда и везде на первом плане преуспеяние и силу государства, как единственно возможной основы для блага народного".

Им противуполагаются „революционеры", но при этом последние „делятся в свою очередь на две категории: на доктринеров и на людей живого, насущного дела. Революционерами-доктринерами я называю тех, которые дошли до революционного понимания и до сознания необходимости революции не из жизни, а по книжкам".

Одни из них менее серьезные: эти „тешатся невинною игрою в революцию"; более серьезные „знают и объяснят вам как нельзя лучше, почему в настоящее время всякий порядочный человек должен быть революционером. И, странная вещь! Зная это так хорошо, они редко и с необыкновенным трудом становятся сами настоящими революционерами... Их революционная страсть по преимуществу отвлеченная, головная, и только редко серьезная".

Против этих именно „доктринеров" направлена брошюра Бакунина. Он формулирует их учение следующим образом:

„Действительность без сомнения мерзка, но она сильна, и мы против нее бессильны. Сила же не заключается в произволе того или другого лица, а в совокупности всех дробных общественных сил, фактов, стремлений и настроений, которых она есть порождение и полнейшее выражение. Она существует, как непременный результат всего живущего и действующего в обществе; значит, никакая личная сила не в состоянии ее уничтожить и было бы смешно со стороны одного или нескольких лиц пытаться ее уничтожить... Не тратя сил на бесплодные бунты, устремите их исключительно на изменение общественной среды, которая, в виде паразитов и гноя, порождает таких уродов. Будем действовать неусыпно и неутомимо, но действовать разумно, осторожно и хладнокровно, не ожидая плодов на будущий день и довольствуясь мыслью, что наши усилия подготовляют разумный общественный строй для будущих поколений... Отказавшись от всякой политической и служебной деятельности, которая для нас, в настоящее время, ни в правительственном, ни в анти-правительственном смысле решительно невозможна, предадимся изучению и живой пропаганде, печатью, словом и жизнью, зрелых социальных идей... Станем учиться и помогать учиться другим. Научим невежд, поддержим бедных. — Таким образом мы образуем в непродолжительное время фалангу молодых людей, честных деятелей, знающих, чего им желать, чего им хотеть, куда им стремиться. Разумеется, главным предметом изучения у наших кружков будет Россия, ее история, ее настоящее положение. Мы все толкуем о ней, каждый хочет ее освобождать, и никто не знает ее, не знает, что действительно нужно народу, чего он хочет и куда неотвратимый фатум истории его ведет? Вот, когда мы действительно узнаем его, узнаем его прошедшее и настоящее, тогда нам будет легко угадать его будущее, а раз его угадав, мы, с знанием и непотрясаемой верой, осмысленной этим знанием, вступим на поприще дела, и тогда мы будем всемогущи, тем более, что к тому же времени, вероятно, дозреет сознание народное, зреющее ныне гораздо быстрее, чем прежде. Да, наконец, и мы сами, занимаясь с одной стороны своим собственным образованием, можем, с другой, более или менее способствовать его скорейшему созреванию... Если нас будет много, если мы своими мирными, но вместе с тем непреклонно к одной и той-же цели стремящимися фалангами покроем всю русскую землю и пойдем дружно, опираясь друг на друга, опираясь на закон и на свое несомненное право, силь-

ные мыслью, служащей нам звездою путеводною, — мы победим всех противников, все препятствия, мы будем сильнее правительства, и *додумаемся*, наконец, до народа, до возбуждения жизни народной".

Далее автор резюмирует „учение революционных доктринеров и позитивистов" в три положения („Наука", 20—21):

„1) Всякий народ имеет то правительство, которое он, по настоящей степени своего образования, может иметь.

„2) Всякое правительство есть прямое выражение суммы, или вернее, комбинации народных требований.

„3) Всякое правительство есть продукт равновесия, установившегося между разнородными общественными силами.

„Из всего этого доктринеры выводят, что, пока в данной стране не изменятся: степень образования, направление народных потребностей и равновесие общественных сил, до тех пор правительство изменено быть не может".

Этому учению „доктринеров" автор противуполагает („Наука", 6) исторические наблюдения о „зарождении новых сил" путем „сговора" и „последующего за ним непременно создания плана действий, а потом и наилучшего распределения и механического или рассчитанного устройства немногочисленных сил, сообразно с созданным планом".

Государство автор представляет как орудие, помощью которого „сговорившееся", „организованное" меньшинство, добывшее себе монополию образования, эксплуатирует неорганизованные массы.

„Мало по малу, и тем сильней, чем дольше, большинство эксплуататоров по рождению и по унаследованному ими положению в обществе начинают верить серьезно в свои исторические и прирожденные права. И не только они сами, массы, эксплуатируемые ими, подвергаясь влиянию той же традиционной привычки и тлетворному действию злоумышленных религиозных учений, начинают также верить в права своих эксплуататоров и мучителей, и продолжают верить в них до тех пор, пока мера их мук не переполнится и страдания всякого рода не пробудят в них другое сознание.

„Это новое сознание пробуждается и развивается в народных массах чрезвычайно медленно. Века проходят прежде, чем оно совсем не пробудится; оно ломает все, никакая сила не может ему воспротивиться. Поэтому главная задача государственной мудрости состоит именно в том, чтобы помешать всеми средствами пробуждению разумного сознания в народе, или, по крайней мере, чтобы замедлить его донельзя.

„Медленность же развития разумного сознания в народе происходит от двух главных причин. Во-первых, народ задавлен тяжелой работой и еще более тяжкою заботой о жизни. А во-вторых, он самым политическим и экономическим положением своим обречен на невежество". („Наука", 9—20).

„Знание — сила, невежество — причина общественного бессилия... Невежество главным образом мешает народу сознать свою повсеместную солидарность, свою громадную численную силу; мешает ему сговориться и создать организацию бунта против организованного грабежа и утеснения, против государства". („Наука", 10)

„Точно так же, как в государстве народ обречен на невежество, точно так же сословия государственные самим положением своим призваны двигать вперед дело государственной цивилизации. До сих пор не было другой цивилизации в истории, кроме цивилизации сословной. Народ настоящий, чернорабочий народ был для нее до сих пор только орудием и жертвою. Он черной и тяжелой работой своей создал материал для общественного просвещения, которое в свою очередь, увеличивая все более и более преобладание государственных сословий над ним, вознаграждает его нищетою и оковами.

„Еслиб сословное просвещение подвигалось постоянно вперед, а народное сознание было бы лишено всякого развития, то рабству народному не было бы конца; напротив, оно должно бы было становиться, с каждым новым поколением, все глубже и глубже. К счастью, ни сословия не подвигаются постоянно вперед, ни народ не остается недвижим. В самом ядре сословного просвещения есть червь, сначала еле заметный, но разрастающийся вместе с ним и разъедающий и разрушающий его под конец совершенно. Червь этот ничто иное, как привилегия, неправда, эксплуатирование и притеснение народа, составляющие самую суть всякого сословного существования, а поэтому также и всякого сословного сознания... Сословная сила обращается мало по малу в дряхлость, в разврат и в бессилие".

„Настоящими предводителями народного освобождения могут быть только люди из народа... По мере того, как ум и сила сословные падают, подымается народный ум, а за ним и народная сила. В народе, как бы ни развивался он медленно, и хотя книжное образование для него недоступно, движение вперед никогда не останавливается. У него есть две настольные книги, по которым он учится беспрестанно: первая — горький опыт, нужда, притеснение, обиды, грабеж и

мучения, претерпеваемые им каждодневно со стороны правительства и сословий; другая книга, это — живое изустное предание, переходящее от поколения к поколению и становящееся с каждым новым поколением полней, разумнее и шире.

„О чем могут спорить сословные партии между собою? Только о богатстве и власти. Что-же такое богатство и власть, как не два неразлучные вида эксплуатирования народного труда и народной неорганизованной силы... В основании всех исторических вопросов, национальных, религиозных и политических, лежал всегда, не только для чернорабочего народа, но и для всех сословий, и даже для государства и церкви, самый важный, самый существенный вопрос — экономический... Чернорабочий народ, во все времена и во всех странах, был бессилен, потому что был в нищете, и оставался он нищим потому, что у него не было организованной силы. Мудрено ли после того, что во всевозможных вопросах он видел и видит главным образом и прежде всего вопрос экономический — вопрос о хлебе... Всякий народ, взятый в своей совокупности, и всякий чернорабочий человек из народа — социалист по своему положению.

„Я отнюдь не пренебрегаю ни наукой, ни мыслью. Знаю, что ими, главным образом, человек отличается от всех других животных, и признаю их за единственные путеводные звезды всякого человеческого преуспеяния. Но знаю, вместе с тем, что они холодно светят, когда не идут рука об руку с жизнью, и знаю, что самая правда их становится бессильною и бесплодною, когда она не опирается на правду в жизни... Существенная разница между образованным социалистом, принадлежащим, хоть даже по одному образованию своему, к государственно-сословному миру, и бессознательным социалистом из чернорабочего люда состоит именно в том, что первый, желая быть социалистом, никогда не может сделаться им вполне, в то время, как последний, будучи вполне социалистом, не подозревает о том и не знает, что есть социальная наука на свете, и даже никогда не слыхал самого имени социализма.

„Весь социальный вопрос сводится на вопрос чрезвычайно простой. Толпы народные обречены были до сих пор, всегда и везде, на нищету и на рабство. Они составляли везде и всегда огромное большинство в сравнении с притесняющим и эксплуатирующим их меньшинством. Значит, численная сила была всегда, как и теперь, на их стороне. Почему же не воспользовались они ею до самой настоящей минуты для того, чтобы свергнуть с себя разорительное и ненавистное иго?"

Причину „долготерпеливости масс" автор видит в „народном невежестве" и в том, что, вследствие „того же самого невежества", „народ не видит и не знает главных источников своих бедствий, и ненавидит часто только проявления причины, а не самую причину".

Автор утверждает, что в настоящее время (1870) в понимании народных масс

„впервые поставился определенно и ясно социальный вопрос, вопрос, который один соответствует их первоначальному и многовековому инстинкту, но который впродолжении веков, от самого начала государственной истории, был заслонен религиозными, политическими и патриотическими туманами. Туманы рассеяны, и вся Европа охвачена ныне социальным вопросом. Народные массы в настоящее время везде начинают понимать настоящую причину всех своих бед, начинают понимать свою солидарность и сравнивать свое число необъятное с ничтожным числом своих вековых грабителей... Но если они уже дошли до такого сознания, что же мешает им освободиться теперь? *Недостаток организации, трудность сговора*".

Автор напоминает, что в среде „сословий" происходили иногда удачные „бунты", но от этих „политических переворотов" для „народа" собственно „не могло произойти никакого добра", так как „как бы революционерно ни было настроение сословий, как бы они ни ненавидили той или иной государственной формы, само государство для них свято: целость, сила, все интересы его провозглашаются ими единодушно, как высшие интересы... Ни одна революция, как бы она насильственна и дерзка ни была в своих проявлениях, не смела наложить святотатской руки на ковчег государства".

Между тем

„Такова уж природа всякой власти, что она обречена делать зло... Никакое государство без *постоянного заговора* существовать не может, заговора, направленного, разумеется, против народных чернорабочих масс, ради порабощения и правильного обирания которых существуют решительно все государства; и, в каждом государстве, правительство — не что иное, как заговор постоянный меньшинства против обираемого и порабощаемого им большинства... Главный и самый существенный вопрос равно для всех правительств, государств и сословий, в той или другой форме и под каким бы то ни было

предлогом или названием, это — покорение и содержание в рабстве народа, потому что это вопрос жизни и смерти для всего, что называется ныне цивилизациею или гражданственностью...

„И этот заговор, признаваемый всеми законным и не дающий себе даже труда скрывать свои действия, ни даже от них отпираться, обнимает внаружу всю дипломатию, внутри всю администрацию: военную, гражданскую, полицейскую, судебную, финансовую, просветительную и церковную.

„И против такой громадной организации, вооруженной решительно всеми возможными средствами, умственными и материальными, законными и беззаконными, и в крайнем случае всегда могущей рассчитывать на единодушное содействие всех, или почти всех, государственных сословий, должен бороться бедный народ, правда сравнительно бесчисленный, но безоружный, невежественный и лишенный всякой организации! Возможна ли победа? Возможна ли только борьба? Нет дела до того, что народ проснулся, что он сознал, наконец, свою беду и причину своей беды. Сознания мало: надо силы. Правда, силы стихийной в народе достаточно — несравненно более чем в самом правительстве, взятом вместе со всеми сословиями; но сила стихийная, лишенная организации, не есть настоящая сила. Она не в состоянии выдержать долгой борьбы против силы, гораздо слабейшей, но хорошо организованной. На этом неоспоримом преимуществе силы организованной над стихийной силою народа основано все государственное могущество. Поэтому, первое условие народной победы, это *народный сговор* или *организация народных сил*.

„Эта организация совершается ныне в Европе посредством *Интернациональной Ассоциации Рабочих*".

Обращаясь к положению дел в России, автор разбирает приведенные выше выводы русских „доктринеров и позитивистов".

Он противуполагает образование „книжное" образованию „исторически-опытному" и говорит („Наука", 22, 23):

„От степени исторически-опытного образования народа зависит его способность к разумному освобождению.

„Степень действительного, т.-е. исторически-опытного образования всякого народа, действительным образом проявляется в высказываемых им *потребностях*".

Во имя этих „потребностей" народа русского автор спрашивает („Наука", 23):

„Да что же такое наконец вся внутренняя русская история, как не бунт нескончаемый чернорабочего люда против государства и всех сословий?"

Автор заявляет свое согласие с положением „доктринеров", „что „всякое правительство есть продукт равновесия, установившегося между разнородными общественными силами". Да, с этим положением я совершенно согласен и на основании его зову на борьбу и надеюсь побить всех доктринерствующих революционеров".

Он говорит:

„Нет ни малейшей возможности сомневаться в глубокой непримиримой ненависти народа к правительству, ко всему официальному миру и ко всему вообще, что выражает и представляет у нас государство, значит к самому государству...

„Русский народ имеет вообще о высшем правительстве какое-то смутное и совсем не выгодное для него представление. Он видит в нем собрание знатных и вороватых дворян, опутавших волю царскую и направляющих ее против него, в свою пользу...

„Кто сколько-нибудь знает Россию, должен был убедиться, что изо всех европейских народов наименее религиозен именно наш великорусский народ...

„Ныне, более чем когда нибудь, народ ненавидит правительство. Скажу более: эта ненависть начинает простираться и на самого царя...

„Что нужно народу? На это „Колокол" в 1862 году отвечал, и отвечал превосходно: „Народу нужна земля и воля!" Больше ничего. Но посмотрим, что заключается в этих словах. Народу нужна земля, *вся земля*; значит надо разорить, ограбить и уничтожить дворянство, и теперь уж не только одно дворянство, но и ту довольно значительную часть купечества и кулаков из народа, которые, пользуясь новыми льготами, в свою очередь стали помещиками, столь же ненавистными и чуть ли еще не более притеснительными для народа, чем помещики стародавние. Народу нужна воля, *настоящая*, полная воля; значит надо уничтожить чиновничество и все войско. Значит надо уничтожить государство, а без государства и государь невозможен...

„Но способен ли русский народ к революции? Кажется, в этом сомневаться нельзя... Вопрос не в способности его бунтовать, а в способности создать организацию, которая могла бы доставить его бунту победу, и не случайную только, а продолжительную и оконча-

тельную. В этом именно, и, можно сказать, исключительно, сосредоточивается весь наш насущный вопрос“.

В „Государственности и анархии“ (1873) мы встречаемся с тою же самою оценкою роли государства в жизни народов.

„Государство, с одной стороны, социальная революция, с другой — вот два полюса, антагонизм которых составляет самую суть настоящей общественной жизни в целой Европе“ (29).

„Между монархией и самою демократическою республикою существует только одно существенное различие: в первой чиновный мир притесняет и грабит народ для вящшей пользы привилегированных, имущих классов, а также и своих собственных карманов, во имя монарха; в республике же он будет точно так же теснить и грабить народ для тех же карманов и классов, только уже во имя народной воли. В республике мнимый народ, народ легальный, будто бы представляемый государством, душит и будет душить народ живой и действительный. Но народу отнюдь не будет легче, если палка, которою его будут бить, будет называться палкою народною“ (34).

Для Социальной Революции заявляется как необходимость („Гос. и Ан.“ 47 и сл.):

„общенародный идеал, вырабатывающийся всегда исторически из глубины народного инстинкта, воспитанного, расширенного и освещенного рядом знаменательных происшествий, тяжелых и горьких опытов; нужно общее представление о своем праве и глубокая, страстная, можно сказать религиозная вера в это право. Когда такой идеал и такая вера в народе встречаются вместе с нищетой, доводящей его до отчаяния, тогда Социальная Революция неотвратима, близка и никакая сила не может ей воспрепятствовать... Народное дело состоит единственно в осуществлении народного идеала, с возможным в народе же самом коренящемся исправлением и лучшим, прямее и скорее к цели идущим направлением его“.

Программою Социальной Революции признается („Гос. и Ан.“, 74) „направление совершенно новое и прямо идущее к уничтожению всякого эксплуатирования и всякого политического или юридического, равно как и правительственно-административного притеснения, т.-е. к уничтожению всех классов посредством экономического уравнения всех состояний и к уничтожению их последней опоры — Государства“.

Партия формулирует свои характеристические черты следующим образом („Гос. и Ан.“, 212):

„Мы — революционеры-анархисты, поборники всенародного образования, освобождения и широкого развития общественной жизни; а потому враги государства и всякого государствования“...

И этот анархизм (весьма различный от нынешнего) считается результатом „социально-экономической науки“, которая, имея возможность ставить лишь „отрицательные положения“,

„дошла до отрицания самой идеи государства и государствования, т.-е. управления обществом сверху вниз во имя какого бы то ни было мнимого права, богословского или метафизического, божественного или интеллигентно-ученого; и вследствие того пришла к противоположному положению — к анархии, т.-е. к самостоятельной свободной организации всех единиц или частей, составляющих общины, и их вольной федерации между собою, снизу вверх, не по приказанию какого-бы то ни было начальства, даже избранного, и не по указанию какой-либо ученой теории, а вследствие совсем естественного развития всякого рода потребностей, проявляемых самой жизнью“ (Пр., 1—2).

„Если есть государство, то непременно есть господство, следовательно и рабство; государство без рабства, открытого или маскированного, немыслимо — вот почему мы враги государства“ (278).

Но уже тут полемика идет не только против государства абсолютистского, сословного или буржуазного, а также против того „Volksstaat“, которое было поставлено на знамени немецких социаль-демократов, как „диктатура пролетариата“.

Интернационал продолжает для автора быть главным двигателем современной истории. „Славянскому пролетариату“ дается совет сблизиться с ним. Но в то же самое время из Интернационала исключается немецкая партия социаль-демократов (77, 89); не только „союз“, но даже сближение с нею порицается; для настоящей эволюции Интернационала надежды возлагаются на Италию и Испанию (24, 39, 84 и сл.); противуположение славян — естественных противников государства — немцам-государственникам выступает как характерная черта (57, 79, 97, 120).

Война против „доктринеров-теоретиков“ продолжается, но к ним теперь (1873) уже относятся не только политические и философские либералы и радикалы, не только буржуазная „Лига Мира и Свободы“, против которой направлял свои удары Бакунин в статье в „Egalité“ 1869 г. (см. „Ист. р.“ 16—42), не только сторонники „буржуазной политики“ и „буржуазной кооперации“, исключения которых из Ин-

тернационала он требовал в другой статье того же журнала и того же года (см. „Ист. р.“ 60), но также и немецкие социаль-демократы, и русские социалисты,

„маскирующие свой эгоизм доктринерною, бездушною, бессмысленною ученою болтовнею“ (Пр. 6).

Этому „доктринерству“ противополагается самобытное развитие народа (Пр. 9 и след.):

Самые прославленные гении ничего или очень мало сделали до сих пор собственно для народа, т.-е. для многомиллионного, чернорабочего пролетариата. Народная жизнь, народное развитие, народный прогресс принадлежат исключительно самому народу. Этот прогресс совершается, конечно, не путем книжного образования, а путем естественного нарастания опыта и мысли, передаваемого из рода в род и необходимым образом расширяющегося, углубляющегося по содержанию, усовершенствующегося и облекающегося в свои формы, разумеется чрезвычайно медленно, путем бесконечного ряда тяжких и горьких исторических испытаний, доведших, наконец, в наше время народные массы, можно сказать, всех стран, по крайней мере всех европейских стран, до сознания, что им от привилегированных классов и от нынешних государств, вообще от политических переворотов, ждать нечего и что они могут освободиться только собственным усилием своим, посредством социальной революции. Это самое определяет всеобщий идеал, ныне в них живущий и действующий.

„Существует ли такой идеал в представлении народа русского? Нет сомнения, что существует, и нет даже необходимости слишком далеко углубляться в историческое сознание нашего народа, чтобы определить его главные черты.

Первая и главная черта, это — всенародное убеждение, что земля, вся земля, принадлежит народу, орошающему ее своим потом и оплодотворяющему ее собственноручным трудом. Вторая, столь же крупная, черта — что право на пользование ею принадлежит не лицу, а целой общине, миру, разделяющему ее временно между лицами. Третья черта, одинаковой важности с двумя предыдущими, это — quasi-абсолютная автономия, общинное самоуправление, и, вследствие того, решительно враждебное отношение общины к государству“.

Для достижения цели предполагается единственно рациональный путь — „боевой, бунтовской“ (Пр. 19):

„В него мы верим и только от него ждем спасения.

„Народ наш явным образом нуждается в помощи. Он находится в таком отчаянном положении, что ничего не стоит поднять любую деревню. Но, хотя и всякий бунт, как бы неудачен он ни был, всегда полезен, однако частных вспышек недостаточно. Надо поднять все деревни. Что это возможно, доказывают нам громадные движения народные, под предводительством Стеньки Разина и Пугачева. Эти движения доказывают нам, что в сознании нашего народа живет действительно идеал, к осуществлению которого он стремится, а из неудач их мы заключаем, что в этом идеале есть существенные недостатки, которые местами и мешают успеху“.

Таковы „патриархальность“, „общинный и мирской деспотизм“, „богопочитание царя“, особенно же „замкнутость общин, уединение и разъединение крестьянских местных миров“. Борьба против этих недостатков русского народного идеала и есть „дело революционной пропаганды“, которую должна вести русская интеллигенция. (Пр. 21).

„Русский народ только тогда признает нашу образованную молодежь *своею* молодежью, когда он встретится с нею в своей жизни, в своей беде, в своем деле, в своем отчаянном бунте. Надо, чтобы она присутствовала отныне не как свидетельница, но как деятельная и передовая, себя на гибель обрекшая соучастница, повсюду и всегда, во всех народных волнениях и бунтах, как крупных, так и самых мелких. Надо, чтобы действуя сама по строго обдуманному и положенному плану и подвергая в этом отношении все свои действия самой строгой дисциплине, для того чтобы создать то единодушие, без которого не может быть победы, она сама воспиталась и воспитала народ не только к отчаянному сопротивлению, но также и к смелому нападению“.

По роли, которую Бакунин играл в польском и в южно-славянском движении, и по тем обвинениям его в „панславизме“, которые и до сих пор повторяются, совершенно понятно, что и польскому, и общеславянскому вопросу посвящено не мало места в литературе, о которой мы теперь говорим. Однако цитаты, которые можно бы привести („Гос. и Ан.“ 109 и след., 132 и след.; „Ист. р.“ 339 — для поляков, „Гос. и Ан.“ 55 и след., 67 и след., 112 — для славян вообще) совершенно ясно показывают, что братство с поляками для Бакунина и его сторонников происходило на почве социализма и социальной революции (точно так же как, по сказанному выше (стр. 122 и сл.), это имело место в Лондоне в 1875 г.), а нисколько не на почве

исторической Польши; что эта фракция русских социалистов, точно так-же как и другие, была прямым врагом „панславизма“ не только в смысле политической гегемонии России в славянском мире, но и вообще всякого „государственного“ славянского идеала. Характеристическою чертою позднейших взглядов Бакунина в этом отношении (вызванных, может быть, до известной степени, борьбою против Карла Маркса) было лишь упомянутое выше противуположение славян (и южных европейцев) как племен будто бы антигосударственных (и потому самому более революционных) немцам, как племени государственному по самой своей истории.

Все, перед этим сказанное, относится к литературе этого направления в 1873 г. (и предшествовавших, как указано выше), когда еще движение в народ в России не определилось. Немедленно вслед за этим движением начинают в этой литературе бледнеть и черты раздражения против пропагандистов в России (так как там бакунистская молодежь почти вся занималась пропагандою и в очень малой доле „бунтарством“ и „вспышкопускательством“), и черты борьбы западных „анархистов“ против марксизма.

Мы еще вернемся ниже к примирительной отрасли заграничной революционной литературы, обозначавшей в 1877 и последующих годах переход к новой эпохе и характеристичной по своему параллелизму с движением „Земли и Воли“ в России [1]), но прежде того остановимся несколько на еще одном революционно-литературном направлении, возникшем в 1874 г. и имевшем совершенно особенный характер.

Важным элементом для дальнейшего хода русского революционного движения, как течение, сначала враждебное социализму, а потом долженствовавшее слиться с русским социалистическим движением и усилить его, выступил русский *якобинизм*, главным органом которого сделался „Набат“, но который вызвал и ряд брошюр (наприм. *Ткачева*: „Задачи революционной пропаганды в России“, „Ораторы-бунтовщики перед русской революцией“, б. ук. г., „Анархия Мысли“ — то и другое сборники статей из „Набата“; *А. Амари*: „Идеализм и Материализм в политике“ (1877), „Революционная Расправа“ (1878) и др.).

[1]) См. статью *Э. А. Серебряков*: „Общество Земля и Воля“ в выпуске 4

Ткачев приехал за границу, как сказано выше [1]), заявляя намерение вступить в ряды группы, издававшей „Вперед“. Довольно скоро проявились разногласия. В статье, приготовленной им для распространения в народе, он писал весной 1874 года (цит. „Р. Мол.“ 47):

„И зажил бы мужичок припеваючи, зажил бы жизнью развеселою... не медными грошами, а червонцами золотыми мошна бы его была полна. Скотины всякой да птицы домашней у него и счету не было бы. За столом у него мяса всякие, да пироги имянинные, да вина сладкие от зари до зари не снимались бы. И ел бы и пил бы он, сколько в брюхо влезет, а работал бы сколько сам захочет. И никто бы, и ни в чем неволить его не смел: хошь—ешь, хошь—на печи лежи... Распречудесное житье!“

Всеобщее возмущение сотрудников „Вперед!“ по редакции и по наборне не позволяло даже подумать о напечатании рукописи, в которой рисовалась, в эту эпоху энтузиазма и аскетизма,

„русскому народу, *как цель социальной революции*, подобная картина обжорства, бездельничества и концентрировки имущества“

и разжигались

„животные страсти к золотым червонцам, к имянинным пирогам к сладким винам и к лежанию на печи“,

в виду содействия

„*социальной* революции, созданию более справедливого общественного строя“.

По переезде редакции и наборни „Вперед!“ в Лондон необходимость уяснить отношения между сотрудниками вызвала ряд прений „при свидетелях“. В продолжении этих прений Ткачев („Р. Мол.“ 40 и след.)

„не выказал особенного несогласия идти вместе с политическими революционерами-либералами...; признал не только возможным, но желательным, необходимым вступить в союз с приверженцами диктатуры и настаивал на изменении программы журнала в том смысле, чтобы журнал признал цели этой партии своими целями, совершенно наравне с целями той партии, которой он теперь служит органом и которая в нем заявила, что „перестройка русского общества должна быть совершена не только с *целью* народного блага, не только *для* народа, но и *посредством* народа“.

[1]) См стр. 68 и след.

Именно на этом пункте произошло самое решительное разногласие и последовал разрыв.

Вслед за тем появилась брошюра Ткачева: „Задачи революционной пропаганды в России“ (1874), на которую редактор „Вперед!“ немедленно отвечал брошюрою: „Русской социально-революционной молодежи“ (1874).

В брошюре Ткачева было высказано прежде всего, что „на знамени партии действия, а не партии резонерства“ должны быть написаны „только“ слова „борьба с правительством; борьба с установившимся порядком вещей“. В брошюре нигде не упоминалось о революции „народной“ и „социальной“ и, в противуположение задаче „подготовления“ революции, выставленной в „Вперед!“, требовалось немедленное приступление к „деланию революции“ („Р. Мол.“, 15):

„Революционер всегда считает и всегда должен считать себя в праве призывать народ к восстанию... Он признает народ всегда готовым к революции.

„Всякий народ, задавленный произволом и т. д... (а в таком положении находятся все народы)... всегда *может*, всегда *хочет* сделать революцию,—он всегда готов к ней. Ждать?.. Имеем ли мы право ждать? Мы не допускаем никаких отсрочек, никакого промедления... Мы не можем и не хотим ждать!.. Пусть каждый поскорее соберет свои пожитки и спешит отправиться в путь“.

В ноябре 1875 г. программа „Набата“, не устраняя совсем элемента „социального и „народного“, но восставая одинаково против „анархии“ и против „пропаганды“, заключала, между прочим, следующее („Ор.“ 2 и след.):

„Пришло время ударить в набат. Смотрите! Огонь „экономического прогресса“ уже коснулся коренных основ нашей народной жизни. Под его влиянием уже разрушаются старые формы нашей общинной жизни, уничтожается самый „принцип общины“, принцип, долженствующий лечь краеугольным камнем того общественного будущего строя, о котором все мы мечтаем.

„На развалинах перегорающих форм нарождаются новые формы,— формы буржуазной жизни; развивается кулачество, мироедство, воцаряется принцип индивидуализма, экономической анархии, бессердечного, алчного эгоизма... Огонь подбирается и к нашим государственным формам. Сегодня мы сила... Сегодня наши враги слабы, разъединены. Против нас одно правительство, с своими чиновниками и солдатами... Но что будет завтра?...

„Подготовлять революцию — это совсем не дело революционера. Ее подготовляют: эксплуататоры, капиталисты, помещики, попы, полиция, чиновники, консерваторы, либералы, прогрессисты и т. п.

Революционер-же должен только пользоваться и известным образом комбинировать те, уже готовые, данные революционные элементы, которые выработала история, которые вырастила экономическая жизнь народа, которые крепнут и развиваются, благодаря тупости „охранителей“, бессмыслию правительств с их жандармами и войсками,—благодаря, наконец, трудолюбивым возделывателям вертограда „мирного“ прогресса и их буржуазной науки.

„Революционер не подготовляет, а „делает“ революцию...

„Бить в набат, призывать к революции—значит указывать на ее необходимость и возможность именно в данный момент, выяснить практические средства ее осуществления, определять ее ближайшие цели.

„Такова и будет главная задача нашего органа...

„В то время, как наиболее деятельная, наиболее искренняя и энергическая часть молодежи инстинктивно ищет *непосредственно-возможного*, *практически-осуществимого*, ей рекомендуют *анархию*, как ближайшую цель революции.

„В то время, когда молодежь, частью сознательно, частью бессознательно, стремится организоваться, сплотиться как можно теснее и крепче, — ей нашептывают в уши, что основные принципы всякой тайной организации: иерархия, дисциплина, подчиненность, — что это принципы ложные, вредные и даже безнравственные.

„В то время как она, — полная сил и веры, — рвется на дело и хочет, как можно скорее, сорвать с народа давящие его цепи, — ей говорят: „подожди, не трогай, сперва—*пропагандируй*, внушай, просвещай, а уж потом—срывай“.

„Анархия — как ближайшая непосредственная цель революции, пропаганда—как практическое средство для ее осуществления, и, наконец, организация без дисциплины, иерархии и подчиненности, — разве все это не фантастические утопии, не ребяческие мечты?..

„Слово *анархия* не выражает собою вполне идеала этого будущего: оно указывает только на одну его сторону, на одну, и совсем несущественную, черту будущего общественного строя. Никакая революция не может установить анархию, не установив сначала

братства и равенства... Осуществить эту великую задачу могут, конечно, только люди, понимающие ее и искренно стремящиеся к ее разрешению, т. е. люди умственно и нравственно развитые, т. е. меньшинство. Это меньшинство, в силу своего более высокого умственного и нравственного развития, всегда имеет и должно иметь умственную и нравственную власть над большинством.

„Следовательно, революционеры — люди этого меньшинства, революционеры, воплощающие в себе лучшие умственные и нравственные силы общества—необходимо обладают и, оставаясь революционерами, не могут не обладать *властью*... Истинная революция — действительная метаморфоза силы нравственной в силу материальную—может совершиться только при одном условии: при захвате революционерами государственной власти в свои руки; иными словами,—ближайшая, непосредственная цель революции должна заключаться ни в чем ином, как только в том, чтобы овладеть правительственной властью и превратить данное, консервативное государство в государство революционное.

„И так, ближайшая цель революции должна заключаться в захвате политической власти, в создании революционного государства. Но захват власти, являясь необходимым условием революции — не есть еще революция. Это только ее прелюдия. Революция осуществляется революционным государством, которое, с одной стороны, борется и уничтожает консервативные и реакционные элементы общества, упраздняет все те учреждения, которые препятствуют установлению равенства и братства; с другой — вводит в жизнь учреждения, благоприятствующие их развитию. Таким образом деятельность революционного государства должна быть двоякая: революционно-разрушительная и революционно-устроительная. Сущность первой — борьба, а следовательно — насилие... Деятельность революционно-устроительная, хотя и должна идти рука об руку с деятельностью разрушительной, но она, по своему основному характеру, должна опираться на принципы совершенно ей противоположные. Если первая преимущественно опирается на силу материальную, то вторая — на силу нравственную... Первая осуществляется насилием, вторая— убеждением; ultima ratio одной — победа, ultima ratio другой—народная воля, народный разум. Обе эти функции революционного государства должны быть строго разграничены... Его конституционная деятельность... должна отличаться эластичностью, умением приспособляться к данному уровню народных потребностей и народного

развития. Чтобы не удаляться от этого уровня, не впадать в утопии, чтобы дать жизненную силу своим реформам, оно должно окружить себя органами народного представительства, *Народной Думы*, и санкционировать их волею свою реформаторскую деятельность. В то же время оно должно постоянно стремиться к расширению народного развития, к поднятию уровня его нравственных идеалов. И тут ему открывается широкое поприще для *пропаганды* — той пропаганды, о которой мечтают наши буржуазные псевдо-революционеры. Мы признаем вместе с ними, что без пропаганды социальная революция не может осуществиться, не может войти в жизнь. Но мы утверждаем, в противоположность им, что пропаганда только тогда и будет действительна, целесообразна, только тогда и принесет ожидаемые от нее результаты, когда материальная власть будет находиться в руках революционной партии.

„Следовательно, не она должна предшествовать насильственному перевороту, а, наоборот, насильственный переворот должен ей предшествовать.

„Упрочив свою власть, опираясь на *Народную Думу* и широко пользуясь пропагандой, революционное государство осуществит социальную революцию рядом реформ в области экономических, политических и юридических отношений общества, — реформ, общий характер которых должен состоять: 1) в постепенном преобразовании современной крестьянской общины, основанной на принципе временного, *частного* владения — в общину-коммуну, основывающуюся на принципе *общего*, совместного пользования орудиями производства и общего совместного труда; 2) в постепенной экспроприации орудий производства, находящихся в частном владении и в передаче их в общее пользование; 3) в постепенном введении таких общественных учреждений, которые устранили-бы необходимость какого-бы то ни было посредничества при обмене продуктов и изменили бы самый его принцип,— принцип буржуазной справедливости: око за око, зуб за зуб, услуга за услугу, — принципом братской любви и солидарности; 4) в постоянном устранении физического, умственного и нравственного неравенства между людьми при посредстве обязательной системы общественного, для всех одинакового интегрального воспитания в духе любви, равенства и братства; 5) в постепенном уничтожении существующей семьи, основанной на принципе подчиненности женщины, рабства детей и эгоистического произвола мужчины; 6) в развитии общинного

самоуправления и в постепенном ослаблении и упразднении центральных функций государственной власти.

„Такова должна быть, по нашему мнению, в самых общих чертах, программа деятельности революционного государства.

„Государственный заговор является если не единственным, то во всяком случае главным и наиболее целесообразным средством к насильственному перевороту. Но всякий, признающий необходимость государственного заговора, тем самым должен признать и необходимость дисциплинированной организации революционных сил.

„Сгруппировавшись в боевую организацию и сделав основною ее задачею захват политической власти, революционеры—не упуская из виду цели заговора—не должны ни на минуту забывать, что удачное достижение этой цели неосуществимо без прямой или косвенной поддержки народа. Отсюда деятельность революционной партии и до насильственного переворота должна иметь такой же двойственный характер, какой она будет иметь (как мы уже сказали выше) после переворота. С одной стороны она должна подготовлять захват власти наверху, с другой—народный бунт внизу. Чем теснее будут связаны обе эти деятельности, тем скорее и удачнее каждая из них достигнет своей цели. Местный народный бунт, не сопровождающийся одновременным нападением на центр власти, не имеет никаких шансов на успех, точно также нападение на центр власти и захват ее в революционые руки, не сопровождающийся народным бунтом (хотя бы и местным), лишь при крайне благоприятных обстоятельствах может привести к каким-нибудь положительным прочным результатам. Революционная партия никогда не должна терять этого из виду. Она должна избегать всякой исключительности и односторонности в выборе средств, ведущих к осуществлению ближайшей цели революции.

„Для интересов нашей революционной партии было бы в высшей степени полезно находиться в постоянном общении с революционными партиями западной Европы. Союз же с польской революционной партией мы считаем для нее безусловно, абсолютно необходимым.

„На Западе, как и у нас, мы замечаем два течения: одно—чисто утопическое, федеративно-анархическое, другое—реалистическое, централизационно-государственное... Революционная партия все яснее и яснее начинает сознавать, что без захвата государственной власти в свои руки невозможно произвести в существующем строе общества никаких прочных и радикальных изменений,—что социалистические

идеалы, несмотря на всю их истинность и разумность, до тех пор останутся несбыточными утопиями, пока не будут опираться на *силу*, пока их не прикроет и не поддержит авторитет *власти*. В связи с таким сознанием необходимо должна измениться и самая форма организации революционных сил. По мере того, как политический элемент борьбы выдвигается на первый план,—все сильнее и сильнее чувствуется потребность, с одной стороны, более централизировать революционные силы, с другой—облечь большей тайной их деятельность.

„Мы верим, что революционные силы, скрывшись под *легальную почву*, кончат тем, что взорвут ее, разрушат величественное здание „буржуазного общества“ и под его обломками погребут старый мир“.

В ряде статей „Набата“ развивались положения этой программы, собственно-*революционной*, но вовсе не *социалистической*. Однако в некоторых случаях редактор „Набата“ заявлял себя вполне определенно сторонником социализма. В декабре 1875 подвергалось строгой критике собрание „самых разнообразных элементов“ около знамени хождения в народ („Ор.“ 30); в следующем месяце—„иллюзия о революционной правоспособности“ народа („Ор.“ 40), и признан был „мыслимым“ лишь следующий вывод („Ор.,“ 46):

„Для того, чтобы превратить народ из возможной революционной силы в действительную, из возможного революционера в реального, мы (т. е. революционное меньшинство) должны первоначально расшатать, ослабить, уничтожить гнетущий его политический строй, консервативное, эксплуататорское, самодержавное государство“.

Далее утверждалось („Ор.“ 48):

„Само собою понятно, что чем менее существует в народе революционных элементов, чем ничтожнее размеры его революционной силы, тем незначительнее должна быть его роль в деле осуществления „социального переворота“ и тем большим значением, тем большею властью и влиянием должно пользоваться революционное меньшинство. Точно также и наоборот: участие народа в революции должно быть тем больше, чем большее количество революционных элементов он в себе содержит“.

Доказывалось, что

„положительные идеалы нашего крестьянства еще не революционны, они не могут быть идеалами революции... Даже и в деле разрушения революционная сила нашего народа может иметь лишь относительное значение...

„Отношение революционного меньшинства к народу и участие последнего в революции может быть определено следующим образом: революционное меньшинство, освободив народ из под ига гнетущего его страха и ужаса перед властью предержащею — открывает ему возможность проявить свою разрушительно-революционную силу и, опираясь на эту силу, искусно направляя ее к уничтожению непосредственных врагов революции, она разрушает охраняющие их твердыни и лишает их всяких средств к сопротивлению и противодействию. Затем, пользуясь своей силой и своим авторитетом, оно вносит новые прогрессивно-коммунистические элементы в условия народной жизни. В своей реформаторской деятельности, революционное меньшинство не должно рассчитывать на *активную* поддержку народа. Революционная роль последнего кончается с той минуты, когда он разрушит непосредственно гнетущие его учреждения, уничтожит своих непосредственных тиранов-эксплуататоров. Но ... нет ни малейших оснований предполагать, чтобы народ отказал революционерам в своей *пассивной* поддержке. Напротив, они имеют полное право рассчитывать на нее... Революционное меньшинство, пользуясь разрушительно-революционною силой народа, уничтожит врагов революции и, основываясь на общем духе положительного народного идеала (т. е. на консервативных силах народа), положит основание новому разумному порядку общежития.

„Ни в настоящем, ни в будущем народ, сам себе предоставленный, не в силах осуществить социальную революцию. Только мы, революционное меньшинство, можем это сделать и мы *должны* это сделать как можно скорее“.

Наконец было заявлено („Ор.“ 62):

„Всякая революционная партия считает и должна считать ренегатом и отступником человека, который, принадлежа к ней, в то же время проповедует невозможность и бесполезность революции в настоящем, при данных условиях данной общественности“.

Как на заявления группы „Набат“ на почве общеевропейского движения, можно, например, указать на помещение в № 9, 1876 г. „Обращения к студентам старого и нового света“ для созыва конгресса студентов, заявляющих себя „атеистами, революционерами и социалистами“, ряд статей о Бабэфе, о парижской коммуне и т. под.

В отсутствии Ткачева, в № 10 того-же года была помещена статья, которая своею теориею: „Надевайте шпионам такие маски, как теперь на Гориновиче“ — вызвала в рядах русской оппозиции общее возмущение, не мало повредившее группе, программа которой имела будущее и приобрела-бы в этот самый момент более приверженцев, если-бы при составе кружка был сделан более строгий выбор [1]). Этот дурной выбор имел следствием и то неосторожное хвастовство некоторых представителей „Набата“, которое вызвало, наконец, даже прямой печатный протест друзей В. Засулич и других лиц (которых набатчики выставили как своих сторонников) в „Общине“ 1870 г. (№ 8-9: 1).

В других изданиях того же направления социалистический элемент был устранен еще решительнее и определеннее. Не находя нужным останавливаться на некоторых брошюрах совершенно не значительных (как напр. Амори—Турского) приведем лишь для примера небольшую цитату из „Народной Расправы“ (1878), где находим следующее („Н. Р.“, 7—16):

„Книжка отныне в руках революционеров заменена револьвером. Свинец типографских литер пойдет на пули. Ярая проповедь к народу о лучшем для него общественном строе уступит место выстрелам по врагам народа!.... В наши дни, в дни борьбы с представителями буржуазного строя, что такое свобода народа угнетенного, как не уничтожение его угнетателей? Что такое равенство людей, как не борьба на жизнь и смерть со всяким, кто стоит за неравенство? Что такое грядущее братство человечества, как не уничтожение всех его противников?...

„Единственное правило истинного революционера в дни борьбы „кто не за нас, тот против нас!“

„Да растет и крепнет русская революционная организация!“

---

[1]) Эту пресловутую статью в № 10 приписывают личности, политическая одиссея которой довольно любопытна: сотрудник „Вперед!“ за подписью „друга“, затем виновник гибели одной из крупных провинциальных газет России, затем якобинец, заявлявший в 1876 году в Лондоне, что их (якобинцев) в России „более 100000“, затем временный руководитель „Набата“, при чем он именно поместил только-что упомянутую статью, затем удалившийся из „Набата“ со скандальными voies de fait, он оказался впоследствии деятельным корреспондентом и сотрудником „Нового Времени“, да едва-ли и оттуда не был удален за излишнюю бесцеремонность

В 1877 г. раздражительность в отношениях между социалистическими фракциями, как сказано выше, ослабела и можно было заметить ряд явлений, обозначавших их сближение [1]). Появилась и примирительная литература, которая пыталась теоретически понять причину неудач движения и уяснить себе сделанные ошибки, в то самое время, когда общество „Земля и Воля", а затем и позднейшие социалистические группы стремились найти новые, лучшие пути действия в самой России.

В этом отношении любопытное явление представляет, во первых, книга „Сытые и голодные" (1875), вышедшая из группы тех бакунистов, которые вслед за тем явились издателями „Работника"[2]) и „Общины", во вторых некоторые статьи, помещенные в „Общине".

Как книга, назначенная для рабочих, „Сытые и голодные" была слишком объемиста и в пропаганде в народе играла маловажную роль; но картины истории вообще, русской истории в частности и Интернационала до 1873 года все характеризованы очень ясно только-что указанным ослаблением враждебности между русскими социалистическими фракциями, а также сознанием того, что для русских социалистов борьба партий Интернационала на Западе потеряла большую долю своего значения в виду более насущной борьбы, происходившей в России. Предшествовавшая эпоха только что указанной, отчасти междоусобной, борьбы выработала с полною ясностью задачу рабочего революционнаго социализма для России. „Пропагандисты" и „бакунисты" одинаково сознавали, что русское социальное движение должно было стремиться одновременно к двум целям. Одна из них была — организация рабочих, как революционной силы, во имя перехода орудий труда в руки рабочих, при чем это движение было неизбежно не только русским, но также международным, соединяя немецких, романских и славянских рабочих в одно братство, сознающее себя как класс, противоположный другим классам. Те и другие в тоже время одинаково сознавали, что русский социальный вопрос не может быть даже определенно поставлен вне разрушения русского абсолютизма, как главной помехи всякому движению. Вопросы, разделяющие фракции, о бунтах и о пропаганде, о большем или меньшем стремлении к знанию и пониманию, о совершении со-

[1]) См. стр. 146 и далее в главе 6.
[2]) Достаточно полного экземпляра этой газеты я достать не мог.

циальной революции помощью „анархических" федераций или рабочей „диктатуры", о действии „революционеров" исключительно на народ или также на интелегенцию, и в первом случае на крестьянство или на городское население — все это становилось второстепенным, когда сущность исторической задачи русских социалистов-революционеров была уже поставлена непоколебимо. Социалистическое течение в России получило определенное русло; не воля агитаторов, а события, вызываемые самою историею движения, должны были обусловить дальнейший путь.

По этому характеру переходного явления книга „Сытые и голодные" представляет особенный интерес в своих отзывах о предшествовавших революционных движениях в России („Сыт. и гол.", 394 и след.; 403 и след.).

Об эпохе „Великорусса" и „Молодой России" сказано:

„Опасен и смел был поступок людей, решившихся печатать вольное слово в самой столице русского государя, и с этой стороны, конечно, они заслуживают уважения. Эти люди были молоды, искренно желали помочь рабочему народу, но они решительно ничего не знали, решительно ничего не понимали; — они звали дворян на помощь ограбленному народу; они говорили: „Выборные русских городов, опираясь на все великорусские провинции, представят собою могущество, перед которым опустятся штыки, побледнеют придворные и смирится беспомощный царь. Поймите свою силу.... Мы посмотрим, какое действие произведет наше воззвание к образованному сословию".

„Если бы мы не знали, что эти люди искренно верили в то, о чем они писали, мы бы не так стали говорить о них".

О первой „Земле и Воле" и о „Русском центральном народном Комитете" читаем:

Люди, писавшие такие листки.... звали на борьбу с царем и чиновниками ту малую горсть молодых людей из образованных, которые, по молодости своего сердца и чистоте своего ума, не успели еще сделаться сами, самолично, грабителями рабочего человека, но все-таки жили на счет его тяжелого труда, учились на денежки мужика.... Почему же понадобились этим людям молодые студенты, семинаристы и всякие разночинцы? Потому что петербургский кружок общества „Земля и Воля" считал народ неспособным сам по себе без помощи этих грамотных, досужих людей, сплотиться и встать разом всей землей на врагов своих; он думал, что рабочий народ

знает лишь, чего не хочет, но не знает, чего ему надо... Чтобы научить народ, чего ему надо, кружок считал необходимым соединить народ с честной, грамотной и правдивой частью тех из студентов, семинаристов и разночинцев, которые могли бы научить его тому, чего он не знает. Но как соединиться с народом людям, не связанным даже промеж себя? Кружок находил, что все эти люди, родные по мыслям, по желаниям, по вражде к настоящему порядку, но разбросанные по всей России, а потому бессильные, должны дружно сплотиться в один союз, действующий как один человек. Достигнув этого, кружок предполагал, что ему не трудно будет сойтись с народом, потому что в самом союзе окажутся люди из крестьян или из фабричных по происхожденю. Для образования союза кружок считал необходимым составление тайных обществ, кружков и братств... Вспомним же добрым словом „Землю и Волю“.

Далее:

„Герцен и Огарев думали, что „Земский Собор“ должен взять под опеку царскую и дворянскую думу; они надеялись, что „Земский Собор“ в силах положить конец бедствиям рабочего народа. Мысль эта теперь считается неверною, но надо было видеть много примеров из позднейших событий, додуматься до иных, верных средств, ведущих народ к освобождению... Эта ошибка Огарева и Герцена не мешала им глубоко понимать жизнь и заветные желания русского крестьянского народа...

„Нечаев мало знал историю человеческого общества. Не ведал он, что захватывали разные люди власть в свои руки, но народа не облагодетельствовали. Не знал он, что если сам рабочий люд не спасет себя, то не спасут его никакие доброжелатели... Такие люди как Нечаев, сами того не замечая, постепенно делаются врагами тех, за кого хотять жизнь свою положить. Нечаев был враг вольного союза общин трудящегося народа; он не доверял здравому смыслу и воле народа; он считал народ рабочий бессмысленной толпой, которою надо командовать; он хотел власти, чтобы спасти народ“.

Авторы признавали началом настоящего (т. е. народного) революционного движения попытку долгушинцев.

В „Общине“ особенного внимания в рассмотренном отношении заслуживают статьи Аксельрода и Стефановича.

В статье „Переходный момент нашей партии“ („Община“ № 8-9; 21 и след.) Аксельрод развивал мысль, что наши „правители и

привилегированные классы“ стремятся, с одной стороны, „разрушить общинное землевладение и обратить крестьян в батраков“, а с другой, расширить в России область капиталистических предприятий; видел именно в этих стремлениях причину „возрастающих бедствий и нищеты народа“. Автор обвинял русское общество и русскую литературу (может быть не совсем справедливо) в отсутствии со времени Чернышевского и Добролюбова всякого „энергического протеста“ против абсолютизма; обвинял революционную партию в „поверхностном“ отношении „к делу организации народных масс для социальной революции“, рассчитывая на „быстрые и блестящие результаты“ там, где дело требовало „громадных усилий нескольких поколений“ (следовательно обвинял революционеров, собственно, в отсутствии политики „подготовления“) и выставлял несколько общих положений, как „основания деятельности всякой социалистически-федералистической группы“. „Рабочая“ и, в особенности, „крестьянская“ среда оставалась для автора центром деятельности, но признана была уже необходимость не „одного кратковременного акта“, а „длинного ряда разнообразных усилий, начиная теоретическою пропагандою и кончая активной борьбою в рядах народа“. Признавалась необходимость „локализировать“ деятельность групп (что, именно, и совершалось в это время в обществе „Земля и Воля“). Заявлялась столь же неотложная необходимость точно определить „практические цели“ групп, именно различать две „одинаково важные“ отрасли революционной деятельности: деятельность пропаганды начал социализма в виду выработки в народе сознательных социалистов и деятельность в направлении организации масс, т. е. выроботки в них „привычки и уменья самозащиты против насилий власти и капитала“. При этом заявлялось, что „организация пропагандистов в народе может быть только крайне малочисленна“, но что между группами „пропагандистов“ и „организаторов“ должна „существовать самая тесная связь“. Утверждалась и необходимость организовать „в обширных размерах“ социалистическую прессу (что и пытались выполнить издатели „Работника“ и „Общины“ после прекращения „Вперед!“ и бакунистской литературы), и особенно „издания для народа“. Аксельрод особенно настаивал на том, что „политическая борьба“ с абсолютизмом не должна „сбить“ русских революционеров с социалистического пути, выражая опасение, чтобы первая не „дезорганизовала окончательно социалистического элемента в России“.

При этом Аксельрод имел в особенности в виду точку зрения Стефановича, ставившего в своих статьях („Наши задачи в селе“ в „Общ“. № 8-9; 33 и след., а отчасти и „Украинский сборник „Громада“ там же стр. 17 и след.) несколько иную программу. Аксельрод характеризовал эту группу следующим образом:

„Они считают идеалы рабочих масс в России настолько согласными в существенных основаниях с современным социализмом, что находят наиболее целесообразным сосредоточить все наши силы на организации и агитации во имя этих идеалов, оставляя почти в стороне пропаганду социализма“.

Эта характеристика довольно верна в сущности, но в постановке своего взгляда на положение дел Стефанович так ловко комбинировал знакомые русским революционерам формулы антигосударственности, народничества, особенно-же „животворного начала“ общины, что, лишь внимательно соображая различные элементы его статьи, можно разглядеть настоящую мысль автора: дело в сущности было в том, чтобы оставить в стороне общие принципы социализма, а пытаться организовать народ и направить его на бунтарство во имя непосредственного его стремления увеличить свои земельные наделы.

В полемике Стефановича не было уже следа прежнего раздражения, а помещение его статьи рядом со статьею Аксельрода указывало примирительное направление издания.

Стефанович сначала констатирует, что

„крестьянская среда представляет очень мало элементов, годных для выработки *таких* социалистов, каких бы мы желали. ...Более или менее общим является... убеждение, что для нашей деятельности нет благодарной почвы в сельском народе“.

Он считал возможным констатировать и относительно революционеров-социалистов,

„что общих большинству взглядов, управляющих нашими действиями, между нами не существует“

и что неудачи революционеров следует приписать их незнанию народа.

„Мы старались вселить в ум крестьянина такие идеи и желания, которые совершенно шли в разрез с установившимся его миросозерцанием. Мы игнорировали местные условия и интересы, непосредственно задевающие крестьян, и в этом, главным образом, причины наших неудач... Чтобы быть мужику не чужим, а „своим“ человеком, чтобы иметь на него импульсивное влияние, надо избегать

радикального отношения ко всему тому, что ему дорого и от чего отрешиться при своем умственном развитии он не может“.

Между тем, по мнению автора, и в великороссийском, и в украинском народе существуют надлежащие данные для социального движения. Именно в общине видит он „животворное начало“ для будущего и „социалистические элементы, веками окрепшие в его (народном) самосознании и проникающие весь социально-экономический строй его“...

Государство, крупная поземельная собственность и чиновник — вот причины застоя общины, причины ее бедности и таких печальных ее сторон, как напр. подавление личности миром“.

Отсюда, говорим мы, истинно революционно-народные требования должны быть формулированы так: I) *Переход всех земель частной собственности в собственность народных общин, каковы они есть в настоящее время.* II) *Самостоятельность мира, или громады в отправлении всеми общественными функциями, т. е. уничтожение государства...* При нашей постановке социально-революционных задач в России, нам, очевидно, ничего более не остается, как стать рука об руку с нашим народом, каков он есть... Если так, то вот уже ясна и та точка, куда, по нашему мнению, должны быть устремлены силы русских социалистов... Их существенная обязанность в настоящее время по отношению к народу очевидна: *явиться инициаторами в деле организации народных сил...* Что касается вопроса мелких или местных бунтов, то мы придаем им значение огромной важности.

„Мы думаем, что наиболее действительный способ воздействия на людей вообще, в каком-бы то ни было направлении, есть путь живого примера. Там-же, где народ особенно задавлен, где его чувство и мысли забиты государственным гнетом, как это у нас, живой пример или путь пропаганды делом, а не словом, как импульсирующее средство, приобретает особенную важность... Для масс вообще и для русского народа в частности нужно признать путь живого примера предпочтительным перед устной или книжной пропагандой наших идей... Пережить время бунта — это значит усилить еще больше неудовлетворенность всем тем, что предоставляет крестьянину его жалкое положение“.

Стефанович кончает следующими словами:

„Быть может, вы найдете, что мы с нашей программой представляем отступление от идей научного социализма, от принципов, выра-

ботанных Международной ассоциацией рабочих. Но это было-бы несправедливо. То, что поведала нам западно-европейская наука, те начала, которые провозгласил Интернационал, мы признавали и всегда будем признавать. Мы убеждены только, что возможность успешного *всестороннего* проведения в жизнь идей социализма не имеет почвы для себя в русском народе, каков он есть в настоящее время“.

Таким образом в последнюю треть семидесятых годов, с одной стороны сближались и примирялись все направления социалистической пропаганды, для которых революционный переворот в России обусловливался самими принципами социализма; с другой-же это чисто-социалистическое революционное движение встретилось с традиционным направлением революционеров-политиков, для которых и экономические принципы классовой борьбы казались помехою, и роль масс, как инициаторов революции, противоречила всем унаследованным представлениям об общественном перевороте. Пред новою эпохою стояла задача установить правильное отношение революционной тактики к только что усвоенным принципам социализма вообще и к народничеству русских социалистов в особенности.

5. Движение в народ.

Первые произведения новой русской социалистической прессы проникли в Россию осенью 1873 г.; но уже ранее того, летом того-же года, там уже вполне ясно определилось то движение в народ, которое характеризовало пропаганду социалистов-народников в эту эпоху.

Кружки чайковцев и их единомышленники, вносившие более или менее революционного элемента в свое стремление „в народ“, в это время все решительнее переходили от чисто-культурной работы среди интеллигенции и среди рабочих, от интересов студенчества разных заведений к интересам более широким, к интересам народа. Л. Э. Шишко передает следующий эпизод, относившийся уже к 1872 г.:

„Я только что познакомился с Михаилом Куприяновым, одним из замечательнейших членов кружка чайковцев. Я незадолго перед тем, вышедши в оставку, поступил в технологический институт и первое время живо интересовался студенческим движением, происходившим в институте по поводу выбора депутатов, образования кассы и проч. Когда я спросил Куприянова, почему он не принимает участия в этом движении, он посмотрел на меня своими строгими, огромными глазами и сказал: „Из глубокого равнодушия к этому делу“. Тогда я понял, что у них было свое, гораздо более серьезное дело, которое позволяло им пренебрежительно относиться к студенческой среде и к студенческим намерениям. Это было в 1872 году, когда они уже вели пропаганду среди петербургских рабочих. Этот переход революционного движения из интеллигентной среды в народ произошел в кружке чайковцев совершенно самостоятельно, под влиянием условий русской общественной жизни, характеризовавшейся отсутствием всякой оппозиции со стороны

*

наших либеральных элементов, и под влиянием тех писателей, которые имели наибольшее значение в этот период, а именно: Чернышевского, Добролюбова, Лассаля, Прудона и Маркса".

Совершенно подобное отношение политически развитых личностей к большинству студентов технологического института, озабоченных лишь студенческими интересами, высказывал и позже Ал. Михайлов в своей автобиографии („На Р." № 3; 13):

„К волнениям в технологическом институте я относился индифферентно, потому что не видел в них пользы".

Общее настроение кружков чайковцев очень определенно формулировано в следующих строках из воспоминаний одного из участников процесса 193.

„Отношение большинства было такое:

„а) Мы не имеем права *учиться на народные деньги*, когда сам народ мрет с голоду и потопает в невежестве.

„б) Если бы мы и имели это право, то воспользоваться им было бы нецелесообразно, ибо:

„1) Народ ждет нас.

„2) Мы уже достаточно знаем, чтобы быть полезным ему даже теперь.

„3) Оставшись окончить курс, мы обуржуазимся и в народ идти не захотим.

„Мне теперь 40 лет, и я прекрасно понимаю, что славным и единственным аргументом в пользу *немедленного* „служения" были наши 20 лет. Нам хотелось „*делать* что-нибудь", а не книжки читать и на сходках разговоры разговаривать.

„Против нас были те, которым не хотелось менять чая со сливками и с сухарями на пустые крестьянские щи, тонкого белья на сермягу и штиблетов на лапти".

Конечно были столкновения между нарождающимися „народниками" и пропагандистами среди интеллигенции. Последние особенно напирали на необходимость более основательного изучения общественных вопросов и подготовления *себя* к более плодотворной общественной деятельности, тогда как в первых уже разыгрывалось стремление скорее сблизиться с народом. По большинству собранных сведений „политические" вопросы еще вовсе не поднимались, или, по крайней мере, играли чрезвычайно слабую роль в заботах молодежи. То препятствие, которое должен был представить политический строй России как попыткам

саморазвития одних, так и культурно-социалистической проповеди в народе других — еще мало бралось в расчет. В борьбе этих двух, еще преимущественно культурных направлений народники восторжествовали почти без исключения. Под влиянием неудержимого течения „образованники" (как их называли тогда по словам Л. Тихомирова („Consp". pref. XI) [1]) были совершенно подавлены противниками.

Когда осенью 1873 первые произведения новой заграничной литературы проникли в Россию, впечатление было очень различно, но литература бакунистов встретила бесспорно более сочувствия и имела более успеха в волнующейся молодежи народников.

И. В. Бохановский нам сообщает:

„На меня (студента киевского университета) чтение первого тома „Вперед!" произвело в высшей степени сильное впечатление. „Когда мы добьемся, что здесь у нас в России можно будет издавать журналы подобные „Вперед!" — Россия будет поставлена на настоящий путь," — вот мысль, которая ясно стала предо мною при этом чтении".

Л. Э. Шишко пишет:

„Первая книжка" „Вперед!" появилась, когда в нашем кружке (т. е. среди чайковцев) уже давно шла пропаганда среди рабочих; мы были совершенно поглощены практическим делом, и появление журнала не произвело никакой заметной перемены ни в нашем настроении, ни в наших задачах. Усиленное настаивание „Вперед" на необходимости долгой подготовки к пропаганде среди народа противоречило слишком горячему и неудержимому стремлению тогдашней молодежи к революционной деятельности; поэтому бакунинское издание „Государственность и Анархия" встречалось с большим сочувствием, особенно весною и летом 1874 года, когда всех охватило страстное движение „в народ".

Один из участников процесса 193 пишет об этом же предмете:

„Появление „Вперед!" и „бакунистской литературы" относится к началу 1873 — 74 учебного года (осень). Читали все с большим

---

[1]) Другие свидетели выражали мне сомнение в том, чтобы это название было распространено.

интересом. Было много сходок. На сходках, по крайней мере на тех, на которых я присутствовал, бакунисты были в громадном большинстве. Лавристов (сторонников „Вперед!“) можно было пересчитать по пальцам. Помню, что их можно было узнать даже по наружному виду: они были одеты с большим изяществом, лучше вымыты, лучше причесаны, говорили глаже. Руки у них были белые“.

Оживленные и даже иногда ожесточенные споры между сторонниками различных революционных направлений продолжались и в последующее время, но это не мешало в России бакунистам и впередовцам действовать дружно, как при пропаганде и агитации в народе, так особенно при действиях противу правительства, при устройстве убежищ „нелегальным“ и т. п. Г. Ф. Бохановская сообщает по этому поводу следующее:

„В 75 — 76 гг. в Одессе между „пропагандистами“, „якобинцами“ и „бунтарями“ на сходках во время прений и споров проявлялась самая ярая вражда, особенно между „якобинцами“ и „бунтарями“. В личных сношениях этой вражды вовсе не существовало, и почти все чувствовали друг в друге, несмотря на различие кличек, людей близких, родных по основным убеждениям. Вообще жили люди всех трех кличек очень дружно. — Что касается общей опасности, „общего дела“, то я не могу припомнить ни одного случая, когда-бы в виду их мы все — „пропагандисты, „якобинцы“ и „бунтари“ — не встали как один человек. На память мне приходят два примера: когда в начале 76-го года был арестован Заславский и многие из съорганизованных им рабочих, Елизавета Южакова и одна из ее приятельниц — обе якобинки — искали для арестованных рабочих поручителей и адвокатов, собирали между профессорами университета деньги для них и их семейств. Собранные ими деньги они передавали Г. А. Попко и другим тогдашним пропагандистам.

„Второй пример: в Одессе существовал так называемый „кружок башенцев“, который состоял большею частью из пропагандистов, но в котором были и якобинцы, и кружок „бунтарей“ (бакунистов). Когда ожидали беспорядков в народе, направленных против евреев, то решено было сообща всем кружком, как поступать: именно беспорядков не вызывать, но, если произойдут, то сообща работать для направления народного движения на здание полиции и на тюремный замок, где сидели политические. На один из постов, вооруженных револьверами, назначены были вместе Попко (тогда пропагандист),

Златопольский (бунтарь) и одна якобинка [1]). Это вышло совершенно случайно, так мало обращали внимания на клички, когда являлось дело [2]).

То-же самое говорит „землеволец“ в своих „воспоминаниях“:

„Не следует, однако, думать, что на практике лавристы и бакунисты действовали розно. *Практического* значения оба эти течения положительно не имели. Анархисты и государственники сходились мирно и работали на одной почве. Нередко в одном и том же кружке можно было насчитывать порядочное число и тех, и других, лавристов и бакунистов“.

Во всяком случае заграничную литературу довольно жадно читали в России и это положило основание особенной специальности среди русских агитаторов, именно новой отрасли, упомянутого уже выше (стр. 34), „книжного дела“. Им особенно занимались петербургские кружки и кружок Волховского в Одессе. Впрочем и в Харькове в 1876 году был кружок гимназистов 7-го класса и студентов первокурсников, который распространял и „Набат“, и „Вперед!“, и другие заграничные издания [3]).

---

[1]) Повидимому, то самое лицо, которое сообщило нам это.

[2]) В деле Херсонского казначейства (3 июля 1879 г.) тоже, по одним известиям, „участвовали сообща пропагандисты, бунтари и якобинцы“; но, по другим слухам, это было чисто якобинское дело.

[3]) О распространении „Набата“ из позднейшего времени упомянем здесь следующие немногие данные. Г. Ф. Бохановская сообщает, что ей лично известен следующий факт: „весною 1877-го г. из Одессы был специально послан в Варшаву человек для получения от тамошних контрабандистов транспорта „Набата“. Привез он в Одессу не весь транспорт, а только часть его (2 пуда, если не ошибаюсь), так как контрабандисты требовали очень дорого — 40 рублей за пуд. Привезенные номера „Набата“ разошлись: их брали для распространения даже бунтари, например Иван Ковальский. Многие из моих знакомых (не-якобинцы) относились скептически и насмешливо к идее заговора, который „Набат“ выставлял как единственное средство произвести революцию. Не одобряли (даже некоторые якобинцы) хвастливости, с которою „Набат“ заявлял, что *его* организация быстро растет в России“.

Первое время пропаганда и агитация шли под влиянием непосредственных побуждений и даже избегая слишком определенной формулировки. Тихомиров пишет („Pol. et Consp.“ pref. XI и след.):

„В это время русские революционеры не называли себя партиею. Чрезвычайная скромность, господствовавшая в эту эпоху, боязнь фразерства вызывала отвращение к громким словам. Они называли себя большею частью радикалами“.

Это должно было неизбежно измениться. Тот-же самый автор (тогда ревностный пропагандист) говорит (36 и след.) о собраниях кружка, где читались заграничные издания и где стали обсуждать программу кружка.

„До сих пор ее не было, т. е. программы писанной и обязательной. Не существовало устава, резюмировавшего нашу организацию. Мы составляли скорее не тайное общество, а кружок друзей, связанных взаимными симпатиями и занимавшихся по личной инициативе почти одним и тем-же. Это удовлетворяло всех, потому что каждый из нас занимался более личным усовершенствованием, чем какою-либо политическою задачею. Пропаганда была скорее делом личной инициативы и личной жизни, чем обязательностью. Обязательность! одно это слово вызывало в это время отвращение!“.

Но мало по малу расширение кружков стало требовать их „конституции“. Прения об ней оживили кружки и более общие собрания. Здесь преимущественно обнаружилось влияние бакунизма. Тот-же автор продолжает:

„Программа понималась в очень анархическом смысле. Анархия была тогда самою свежею новостью. Она процветала. Были-ли мы анархистами? Право не знаю. Но неопределенные формулы анархизма мирились очень хорошо с неопределенностью наших политических идей. Вне немногих убежденных анархистов большинство удовлетворялось неопределенными выражениями о будущем, о безусловной свободе, о безграничном равенстве. Но это была не программа; эти грезы заменяли для нас и „будущую жизнь, и утраченную веру“.

Может быть под влиянием притока заграничной литературы, выставлявшей определенные программы пропаганды, агитации и революционной деятельности, но скорее под влиянием естественной необходимости придать движению более определенности, почувствовали в 1874 году необходимость программы. Как одна из более выработанных циркулировала записка П. А. Кропоткина, о которой упоминается

в обвинительном акте процесса 193, под заглавием: „Должны-ли мы заняться распространением идеала будущего строя?“ Она была повидимому заарестована ранее, чем подверглась окончательному обсуждению. В только что упомянутом акте она формулирована следующим образом. В ней

„князь Кропоткин как-бы установлял программу действий революционной партии в России. В означенной записке целым рядом выводов и соображений доказывается сначала непригодность всех существующих форм государственной жизни, а разрешение вопроса об идеале будущего строя общества предоставляется народу. Переходя затем к вопросу о том, каким образом народ может осуществить свой идеал, автор записки находит, что единственным для сего путем представляется насильственный социальный переворот, который не ограничился-бы только ниспровержением государственности, но и уничтожил бы весь существующий социальный и экономический строй народной жизни; все мирные пути прогресса отвергаются в записке и признаются даже вредными. Для подготовления социальной революции, в России необходимо, по мнению автора, образовать революционную организацию, основными положениями которой должны служить: полнейшее равенство всех ее членов, отсутствие всякого подчинения всех одному или нескольким лицам, отрицание обмана и насилия во взаимных отношениях для достижения своих целей и в то-же время признание обмана и насилия вполне разумными и необходимыми средствами в отношениях членов организации к правительственной власти и представителям капитала. Подготовительная деятельность революционной организации должна быть направлена главным образом на увеличение числа ее единомышленников в среде крестьянства и городских рабочих посредством деятельной пропаганды своих воззрений и усиления недовольства против правительства. Участие в революционной организации учащейся молодежи отвергается запискою. В организацию должны быть принимаемы только те представители упомянутой молодежи, которые, бросив науку, отправятся в народ для пропаганды, отрешившись от всей своей предыдущей жизни не только в принципе, но и во внешней ее форме, оставив все свои привычки и поставив себя вполне в положение рабочего. Люди из народа признаются автором записки наиболее надежными и полезными революционерами. Для подготовления таких деятелей агитаторы должны поселиться между крестьянами и вести

оседлую пропаганду посредством сближения с народом. Для приведения в известность результатов пропаганды и выроботки дальнейших мер, в записке рекомендуется устройство периодических съездов агитаторов, а затем автор записки обращает особенное внимание на подготовку революционных деятелей из городских рабочих, которые, возвращаясь на родину, могут распространять между крестьянами социальные идеи, усвоенные от агитаторов. Кроме устной пропаганды, признанной наиболее целесообразною, автор допускает и пропаганду литературную, в видах которой революционная организация должна озаботиться изготовлением и распространением в народе книг в роде рассказов о сильных и выдающихся личностях из народа, картин безвыходности современного социального строя и т. п. Стачки рабочих и устройство артели не одобряются автором, так как означенные меры в свою очередь служат средством к скоплению капиталов и в результате оказывают вредное влияние на народ. Местные волнения между рабочими и сопротивление властям признаются имеющими для народа „воспитательное“ значение в смысле революционном, почему, не советуя агитаторам возбуждать подобные явления, дабы не отвлекать ими народа от стремления к достижению главной цели — всеобщего восстания во имя коренного переворота, автор находит тем не менее полезным не препятствовать их развитию, если только они вызываются естественным путем. В заключение автор определяет отношение русской революционной организации к Международной Ассоциации Рабочих и к русским эмигрантам, при чем, заявляя полное сочувствие к деятельности секции федералистов и преимущественно ее русских представителей, вместе с тем отказывается от полной солидарности со всеми партиями эмигрантов, признавая, что русская народная революционная партия должна самобытно развиться среди русского народа“.

Возвращение в пределы России той молодежи, которая была захвачена волною социалистического движения в Цюрюхе и в Женеве, принесло новый элемент в русское движение. Автор „Подпольной России“ характеризует этот момент следующим образом („Подп. Р.“ 13 и след):

„Таким образом, эти два течения, одно — местное, другое, шедшее из-за границы, встречались на каждом шагу, и оба приводили к одному и тому-же. Подпольные книги и журналы провозглашали: „час разрушения старого буржуазного мира пробил... Новый мир, основанный на братстве всех людей, мир, в котором не будет больше ни слез, ни нищеты, готов уже возникнуть на его развалинах. К делу-же! Да здравствует революция, единственное средство осуществления этого золотого идеала!“ Возвратившиеся из-за границы студенты и студентки воспламеняли молодые души рассказами о великой борьбе, начатой западно-европейским пролетариатом; об Интернационале и его славных основателях, о Коммуне и ее мучениках, и, вместе со своими новыми последователями, приготовлялись идти „в народ“, с целью воплощения в жизнь своих идей. С беспокойством спрашивали они тех, пока еще немногих товарищей, которые успели уже побывать в деревне: что-же такое эта могучая и загадочная народная среда, этот народ, к которому их отцы внушали им только ужас, и который, однако, еще не зная его, они уже любили со всей пылкостью своих юных сердец? И вопрошаемые, прошедшие уже раньше через те-же муки сомнений и страха, рассказывали им с восторгом, что этот страшный народ — добр, прост, доверчив, как дитя; что он встречает своих друзей не только без всякой подозрительности, но с распростертыми объятиями и открытым сердцем; что речи их выслушивались с глубочайшим сочувствием; что все, стар и млад, по окончании долгого трудового дня, собирались вокруг них в какой-нибудь темной, закопченной избушке, где, при слабом свете лучины, они им говорили о социализме или читали какую-нибудь из захваченных с собой книжек; что деревенские сходки прекращались, лишь только пропагандист являлся в деревню, так как крестьяне покидали свои собрания и приходили слушать его. И затем, нарисовавши картину невероятных страданий этого несчастного народа, страданий, которых они сами были очевидцами, они указывали на те слабые признаки, быть может, преувеличенные их воображением, которые поселяли в них уверенность в том, что этот народ не так уж забит, как думают; что в нем происходит какое-то брожение, ходят странные слухи и толки, показывающие, что терпение его истощается и что Россия переживает канун каких-то грозных событий.

„Вся эта масса разнообразных и могущественных влияний, воздействуя на впечатлительные, сильно склонные к увлечению умы

русской молодежи, произвела то широкое движение 1873 — 1874 годов, с которого началась в России новая революционная эра.

„Ничего подобного не было ни раньше, ни после. Казалось, тут действовало скорей какое-то откровение, чем пропаганда. Сначала еще мы можем указывать на ту или другую книгу, ту или другую личность, под влиянием которых тот или другой человек присоединяется к движению; но потом это становится уже невозможным. Точно какой то могучий клик, исходивший неизвестно откуда, пронесся по стране, призывая всех, в ком была живая душа, на великое дело спасения родины и человечества. И все, в ком была жива душа, отзывались и шли на этот клик, исполненные тоски и негодования на свою прошлую жизнь, и, оставляя свой родной кров, богатство, почести и семью, отдавались движению с тем восторженным энтузиазмом, с той горячей верой, которая не знает препятствий, не меряет жертв и для которой страдания и гибель являются самым жгучим, непреодолимым стимулом к деятельности.

„Мы не будем говорить о множестве молодых людей, принадлежащих даже к аристократическим семьям, которые по пятнадцати часов в сутки проводили в работе на фабриках, в мастерских, в поле. Молодости свойственна отвага и готовность на жертвы. Характерно то, что зараза распространилась даже на людей зрелых, с обеспеченным положением, на приобретение которого они затратили свои лучшие, молодые силы, — судей, врачей, офицеров; и такие были не из наименее преданных делу.

„Движение это едва-ли можно назвать политическим. Оно было скорее каким-то крестовым походом, отличаясь вполне заразительным и всепоглощающим характером религиозных движений. Люди стремились не только к достижению определенных практических целей, но вместе с тем к удовлетворению глубокой потребности личного нравственного очищения“.

Подобное-же настроение Дебагорий-Мокриевич высказывает в своих „Воспоминаниях“ (38), следующим образом:

„Да, веры в будущее у всех нас было тогда много. Мы — на самом деле незначительная горсть молодых людей — ощущали в себе присутствие необычайной силы и это сознание силы покоилось у нас на вере в народ: всякий из нас чувствовал за собою миллионы крестьян. При подобной вере можно было надеяться на успех и игнорировать общество. Мы так и поступали. Мы игнорировали общество, признавали только себя, т. е. революционеров, да, с другой стороны, мужика, отбрасывая в сторону, как негодное, решительно все, что стояло вне нас и этого мужика“.

„Землеволец“ пишет об этом времени следующее:

„Молодежь... стояла уже, так сказать, одною ногою на революционном пути. Нужен был только толчок, обаятельная санкция и живое слово. И слово было. Лозунг: „в народ!“ был именно той искрой, от которой загорелось у нас революционное движение. Немудрено это было слово, но много смысла и жизни вложила в него молодежь. Со свойственной ей целостностью, она вся беззаветно ухватилась за это слово. В этом слове она чуяла именно *то*, что ей нужно было в то время: *живое дело*, которому она могла-бы отдаться *немедленно*-же, со всею полнотою и страстностью молодости. „В народ!“ — это значило порвать разом всякие связи с прошлым, оставить родных, близких, науку, общественное положение и отдаться служению массе. Ее не страшил этот тяжелый, опасный путь, полный труда, лишений и жертв. О, нет! он ей казался легким, даже заманчивым. „Каторга Разве народ, для которого мы хотим теперь жить, не работал и не работает еще теперь хуже всякого каторжного, ради черствого куска хлеба? Кандалы? А народ, разве он свободен? Он — раб нужды, как мы — жалкие рабы ничтожнейшей из тираний“. Молодежь бодро смотрела вперед. Прежней апатии как не бывало. Она почувствовала в себе прилив новых сил. Ей нечего страшиться. Нет той жертвы, которой она не готова была принести для народа. Она любила народ искренно, чистосердечно, почти наивно. Сказать что-нибудь про народ неблагоприятное — значило нажить себе врага в ее лице. Она боготворила его, поклонялась ему, молилась на него. Идти в народ, жить его жизнью, скорбеть его скорбями, радоваться его радостями; показать ему, где корень современного зла; сорвать лицемерную маску с современного прогресса и показать народу все его фарисейство и ехидство; вдохнуть в него энергию и указать ему выход из тяжелого его положения — таковы были задушевные стремления молодежи. Это были, конечно, „Träume“ и „возвышающие душу обманы“. Но это было тогда неизбежно“.

Под влиянием этого все растущего возбуждения произошло сначала громадное умножение и оживление сходок, умножение и слитие отдельных кружков, и, наконец, в 1873 г. и начало самого движения в народ.

О сходках этого времени „землеволец“ пишет (преимущественно о петербургских):

„Сходки служили лабораториями, в которых возбуждалось революционное чувство в молодежи и вырабатывались социалистические убеждения. Это во первых. Во вторых, сходки служили необходимою средою, в которой намечались подходящие революционные силы для *кружковой* организации и всякой другой революционной деятельности. *Социалистически-воспитательное значение сходок* было громадно. Теперь речь не шла уже о культурной деятельности — она отрицалась всем предшествующим опытом и настоящим умонастроением молодежи. Не могло быть также речи и об идеалах личного самосовершенствования — они разрешались сами собою, *фактически: верховным принципом общественной деятельности — пропагандою социалистических идей*, с целью вернейшего разрушения современной общественно-экономической организации... Из наиболее важных практических вопросов того времени особенно жизненное для молодежи значение имел вопрос: *в какой форме надо идти в народ?* Что *надо* идти в народ — об этом спора не могло быть, но вопрос, какая форма наиболее целесообразна для этого — окончательно еще не решен. Вот этот-то вопрос и возбуждал самые страстные и горячие споры. Громадное большинство молодежи решило, что *положение рабочего человека безусловно самое подходящее. Только рабочий* человек может надеяться на действительный успех своей пропаганды; только *своего* человека народ будет охотно слушать, *своему* поверит и за *своим* пойдет. Надо, стало быть, сбросить с себя барскую интеллигентную шкуру и научиться работать. *Физический труд признается необходимым условием успешной социалистической пропаганды в народе и вместе с тем становится средством личного существования*“.

О формировании кружков этого времени „землеволец“ пишет следующее:

„Кружки осуществляли то дело, которое намечалось на сходках. Это были группы людей, соединившихся с целью совместного действия в народе. Групп было очень много и отличались они большим разнообразием, как по числу их членов, так и по умственному и нравственному достоинству их. Несмотря на пестрое разнообразие этих кружков, во всех можно отметить одну весьма характерную общую черту. Это — *способ группировки их.* Люди сходились, сплачивались

не только потому, что их объединяла одна идея, общность стремлений и интересов, но в значительной степени потому, что их связывали *личные* отношения — *симпатия.* Действующая молодежь была вся социалистичная — идеалы и стремления одни и те же, но ни за одною личностью, за небольшими разве исключениями, не было тогда еще революционного прошлого, не было того, что действительно могло-бы служить достоверным критерием правоспособности ее к общему делу. По необходимости группировка людей должна была совершаться на основании симпатии. Тогда, действительно, было много групп, кружков, но не *организаций*, в строго техническом смысле этого слова. Не было общего организационного плана, как в способе группировки лиц, так и в средствах и орудиях борьбы. Все были социалисты, большинство, если не ошибаюсь — пропагандисты, вот и все; остальное доделывали симпатия и дружба. Каждый кружок, поэтому, представлял собою самостоятельное целое, независимо и бесконтрольно распоряжавшееся своими умственными и материальными средствами. Сношения с другими кружками, конечно, были, но велись они неправильно и случайно. *Не было общего объединяющего центра.* Таковы были тогдашние кружки“.

Насколько разнообразны были кружки, при этом образовавшиеся, и как они мало походили на конспиративную организацию, всего удобнее видеть на том, что происходило в Киеве [1]). Дебагорий-Мокриевич описывает это положение в 1873 г. следующим образом („Восп.“ 46 и след.).

В Киеве образовались две группы совершенно различного характера. Это был, во первых, кружок киевских чайковцев, находившийся в связи и с петербургским, и с одесским кружком того-же направления, и, затем, киевская коммуна. Первый

„кружок, состоящий из 6-7 членов, не представлял собою ничего экстраординарного. То была обыкновенная организация с более или менее определенным уставом и известными требованиями от своих членов... Деятельность этого кружка в 73 году выражалась глав-

[1]) Я останавливаюсь на этом пункте особенно по двум причинам: потому, что для них существует весьма обработанный материал и потому что по „обвинительному акту“ всего менее можно составить хотя-бы приблизительно верное понятие о том, что происходило в Киеве. Составители „акта“ старались выставить грязные обвинения относительно „Киевской Коммуны“, совсем игнорируя киевских чайковцев.

ным образом в пропаганде социалистических идей среди молодежи... С появлением заграничной подпольной прессы практическим делом являлось также *книжное дело*, т. е. перевозка через границу запрещенных книг и их сохранение".

Относительно „коммуны" автор говорит следующее („Восп." 47 и след.):

„Я должен вначале-же оговориться, что к киевской „коммуне" решительно не подходит название кружка или группы; „коммуна" даже не обладала определенным составом членов: напротив, там постоянно сменялись лица: одни приезжали, другие в это время уезжали, или-же попросту уходили пешком... „Коммуна" просуществовала более года (1873—1874)... В „коммуне" все делились друг с другом средствами, ели за одним столом, а на покупку продуктов, равно как и на расходы по квартире деньги давали те, кто их имел. Там можно было поселиться и жить чуть не всякому: для этого достаточно было простое знакомство с кем-либо из живущих. Рекомендаций ни от кого не требовалось. Благодаря таким условиям в „коммуну" проникли в 1874 г. сначала Ларионов и Польгейм, а затем и Горинович...

...„Коммуна" не представляла собою никакой организации. Всякий на нее смотрел, как на место, куда он мог зайти передохнуть день-другой, а то и неделю, с тем, чтобы потом опять идти в народ, или куда ему нужно было. „Коммуна" являлась местом взаимных встреч— не более, и никто ничего другого не требовал от этого учреждения. Но за то кто только не перебывал в ней?! Не раз у ворот дома Леминского, где во флигеле помещалась „коммуна", останавливалась карета и из нее выходила разодетая барыня: это приезжала „либералка" для каких-то переговоров, и приезжала в закрытой карете, чтобы по дороге никто не мог ее узнать. Одновременно с этим, сюда-же заходили плотники Гаврило и Анисим для того, чтобы послушать чтение революционных брошюр. Тут можно было слышать длинные речи Каблица, развивающего народнические принципы, так как к этому времени он уже отказался от якобинских воззрений и сделался ярым народником. Тут раздавалось и энергическое, искреннее слово Екатерины Брешковской, или умное замечание Сергея Ковалика.

„Вот в одной комнате сидит у окна В. и режет на камне, с помощью обыкновенного шила, печать для подложного паспорта; он ее

режет с большим искусством; и все это видят—он ни от кого не скрывает—видит и Каблиц, и Гаврило, и Анисим. А в углу той же комнаты под секретом и с большими предосторожностями, Р—ич сообщает мне какие-то пустяки. Р—ич только что приехал из Петербурга и держит себя с таинственной важностью, как, по его мнению, подабает столичному конспиратору. Здесь можно было встретить чахоточного слесаря Кокушкина, доживавшего последние минуты своей жизни, одного из замечательно прекрасных людей. Здесь же вы могли встретить Марию Коленкину, сосланную впоследствии в каторжные работы, Судзиловского и Чернышева, принужденных бежать за границу в 1874-м году, Николая Стронского, умершего года через полтора в петербургской тюрьме, Ивана Ходько, умершего в ссылке, и много много других лиц, так или иначе пострадавших и сделавшихся жертвами правительственных преследований".

„Коммуна" исполняла таким образом назначение какой-то революционной станции.

Тем не менее

„если исключить Ларионова, Польгейм и Гориновича, временное присутствие которых в „коммуне" объясняется ничем иным конечно, как ее неорганизованностью, то в общем, несмотря на постоянную смену лиц, несмотря даже на отсутствие организации, дух времени все-таки клал свою печать и придавал довольно определенную физиономию „коммуне"...

„Коммуна" во многом представляла противоположность „киевским чайковцам".

Они были проникнуты уважением к научности повидимому даже гораздо более, чем их петербургские товарищи.

„Коммуна" хохотала над этим идолопоклонством. По ее мнению, только жизнь могла научить чему-либо. С необычайной легкостью она разрешала самые сложные запутанные вопросы; с самоуверенностью Александра Македонского она разрубала там, где не в состоянии была развязать.

„Для „чайковцев", прежде чем приступить к практическому делу, необходимо было все вопросы решить научно, а так как сама наука многих вопросов еще не решила, то в поисках за решениями предстояло затратить многие годы.

„Коммуна" утверждала, что к практическому делу надо приступить немедленно. Всякое откладывание или проволочка есть преступление,

да, наконец, на сколько времени ни откладывай, все равно всех вопросов не решишь. Поэтому, учиться излишне — напрасная трата времени; а некоторые договорились даже до того, что было бы недурно забыть и то, чему раньше учились, так как интеллигентность только мешала омужичению и полному слиянию с народной массой.

„В вопросе организационном „чайковцы“ были осмотрительны. Ново-поступившему приходилось выдержать искус; они требовали от него известного умственного и нравственного ценза.

„В „коммуне“ держались, примерно, такого приема: „Согласен немедленно идти в народ?“ — Согласен. — „Значит, ты — наш“. Но почему, зачем согласен и что там, в народе будешь делать — даже такие существенные вопросы считались уже лишними. „В частностях-де столкуемся потом“,

„Конечно, в своей характеристике я беру лишь крайние мнения, как они высказывались тогда в этих двух компаниях. И с одной, и с другой стороны были лица, не договаривавшиеся до концов.

„Средний уровень развития киевских „чайковцев“ был выше: попасть в их кружок круглому дураку было невозможно. В „коммуне“ были очень умные, а рядом с ними и довольно ограниченные люди, как, например, Горинович и Польгейм. Между „киевскими чайковцами“ не нашлось Ларионова, но зато, с другой стороны, не было и Брешковской“.

Изо всех упомянутых кружков и из многих других почти одновременно произошло движение в народ, эпизоды которого разнообразились, конечно, под влиянием личных особенностей и степени подготовки тех, кто участвовал в этом движении, особенно при первых его попытках, не имевших еще за собою опыта и примера других. Это движение началось в 1873 году, но получило полное свое развитие в 1874 г. [1]). „Землеволец“ говорит преимущественно о том, что происходило в эту позднейшую эпоху, следующее:

„Зима 1873 г. прошла для молодежи очень оживленно. Чтение, сходки, устройство мастерских, работа в них, вечеринки для революционных целей поглощали все время. С наступлением весны 1874 г. сходки прекратились, оживление внезапно прошло. Но это только казалось. Наступила настоящая работа, сосредоточенная, молчаливая. Все уже было переговорено, все решено, надо готовиться прямо к делу. Работа в мастерских закипела. Заготовляется рабочая одежда, обувь, сорочки. Встречи ограничиваются краткими приветствиями и лаконическими ответами. Слышно: „на Урал! на Волгу! на Юг! на Дон!“ и прочее. Крепкие рукопожатия и теплые пожелания... Конец весны. Молодежь встрепенулась. Пора! пора! И клич: „в народ! в народ!“, точно электрическая искра, пробежал по всей молодежи. И потянулась молодежь толпами, бодрая и смелая, потянулась она напролом, в виду врага, неорганизованная и безоружная. И голос пропаганды раздался по всему необъятному пространству нашего широкого, раскинувшегося отечества. Он был слышен на Севере и на Юге, от „хладных финских скал до пламенной Колхиды“, на „матушке Волге“, на „тихом Дону“, на фабриках, заводах, в шахтах; он проникал и в тюрьмы, и в самые отдаленные, уединенные уголки русской земли“.

Приведем несколько примеров, для которых существуют личные воспоминания пропагандистов различных кружков.

[1]) Тихомиров в своей книге („Consp.“ 78 и след.) употребил для этого лета термин „шального“ (Eté fou), но я не мог получить ни от кого сведений, чтобы этот термин употреблялся в России.

Один из первых из Петербурга двинулся кружок артиллеристов. Один из них описывает свой „поход“ следующим образом:

„Намерение „идти в народ“ появилось осенью 1873-го года. Стали мы обучаться ремеслам. Основывались „мастерския“. Наш кружок стал сначала обучаться слесарному ремеслу. Потом наняли кузницу. Кроме нас, „артиллеристов“, в кузнице этой работал Г. (мой товарищ детства и сожитель), „вспышкопускатель“ Чернышев, Лукашевич и еще несколько человек, о которых ничего не помню. Кажется, работал в ней и известный Рабинович. Работали мы с утра до вечера.

„В марте нашли, что обучились достаточно: очень уж хотелось поскорей пойти на „рекогносцировку“. Другие шли на „пропаганду“, а мы, „артиллеристы“, на рекогносцировку. Наш план был готов: пробыть в народе с марта до осени. Осенью сойтись, поделиться впечатлениями и решить сообща, какой способ полезнее всего. Ни пропагандировать, ни раздавать книжек мы не собирались: стыдно было. В самом деле: народа мы, баричи, никогда не видали, его

нужд, потребностей, желаний, убеждений, верований не знали. Как же идти и „учить“?!

„Наш кружок-квартира „вышел“ первый, тремя партиями по два человека.

„Время года было самое соответствующее нашему настроению: снег почти стаял, в полях встречались уже цветы, погода была чудная. Таких живописных дорог, как те лесные дороги, по которым мы шли с Шурой (он же Лукаш), я никогда потом ни в России, ни во Франции не видал. Радости нашей не было конца. — Это была седьмая неделя великого поста. Говорили, что идем домой с работы. (После пасхи говорили, что идем из дому на работу). Ели и ночевали в избах. Везде нас принимали радушно. Во многих местах не соглашались брать денег, говоря, что страннику деньги нужны. Случалось, что „пропагандировали“ нас. Один бывалый плотник объяснял нам функционирование государственной машины: „все деньги собираются в Питер“. — „А что же потом с ними делается?“ спрашиваем мы с раскрытыми ртами. — „А потом аттеда па псам расходятся“. Спали мы на лавках, или под лавкой. Питались, как последние бедняки. Уходя в народ мы с Лукашом (он ех-протестант, а я ех-басурманин) обучились искусству креститься, делать поклоны и т. д. Дошли мы, должно полагать, до совершенства, ибо никто нигде не сомневался в присвоенном нами звании. — Разговаривали мы скромно, просто, как подобает молодым парням. — Верст 700 прошел я пешком, часть с Лукашевичем, часть с Войнаральским, потом с Дм. Клеменцом, наконец один. И везде один прием, всюду все интересовались одним и тем же и обсуждали одни и те же новости. Главной темой разговора служили: всеобщая воинская повинность (côté des hommes) и девичий набор (côté des femmes). Всюду крестьянские философы приходили к одному и тому же заключению: „коли все будут одинаково служить, стало быть и землю одинаково на всех поделят!“ — Бабы, особенно старые, говорили повсюду одно и то же: „царь свою дочь за море замуж отдает [1]). Чтобы ей там не было скучно, с ней пошлют русских девок и, стало быть, будет девичий набор“. Ревмя ревели некоторые. — „Вы, молодцы, люди прохожие, не слыхали ли чего? Когда девок будут собирать?“ — „Слыхать, говорим, слыхали, везде об этом говорят, но будут ли подлинно собирать и когда, того не знаем“.

[1]) Марью Александровну.

На пасху гулять было невозможно, ибо с работы идти поздно, а на работу рано, и мы из Александрова поехали по железной дороге в Москву, по адресу, данному нам еще при отъезде из Петербурга. Там мы встретились уже с знакомыми нам петербуржцами и вновь познакомились с московцами Саблиным, Исааком Львовым, с приезжими Войнаральским, Фроленко, Алексеевой, Мышкиным и многими другими. — В квартире Войнаральского, которая была сборным пунктом, была сапожная мастерская. Стали и мы обучаться новому ремеслу. После этого уже я ходил не кузнецом, а сапожником и носил с собою все сапожные принадлежности“.

Революцию ждали кто „по весне“, кто „по осени“; иные даже думали, что она произойдет сейчас.

Столь-же ранний выход в народ и столь-же неопределенное понятие о том, с какою обстановкою при этом приходится встречаться, находим в „Воспоминаниях“ Дебагория-Мокриевича (стр. 10 и след.):

„По нашему убеждению, на Волге, Доне и Днепре сохранилось в народе более революционных традиций, чем в средней России, так как самые крупные народные движения происходили на окраинах: пугачевщина была на Волге, бунт Стеньки Разина — на Дону, гайдамачина — на Днепре. Мы полагали, что где один раз происходило революционное движение, там оно легко могло возникнуть во второй раз, и потому решили, не разбрасываясь по всей России, сосредоточить наши силы в таких именно местах, которые имели известное историческое прошлое. Таким образом, по нашему плану, одни должны были действовать на Днепре, другие на Волге. Вызывая стачки и местные бунты, во время которых обыкновенно выдвигаются из массы более смелые и энергичные личности, мы думали таким образом намечать годных для дела людей и привлекать их в революционную организацию. А раз вспыхнуло-бы восстание в одной местности, мы надеялись, что оно, подобно пламени, распространится и охватит всю Россию. Будучи сторонниками бунтовской программы, мы защищали и доказывали ее справедливость всеми способами. Но главным образом на помощь призывали историю, наглядно научавшую, как росли и развивались революционные движения. А история нас учила, что революции не происходили сразу, а почти всегда начинались с отдель-

ных, незначительных бунтов, только постепенно переходивших в общие восстания. В этом росте и более или менее постепенном развитии движения, мы усматривали роковую необходимость, которой ни обойти, ни избежать было решительно невозможно, так как она являлась результатом закона общего развития всей органической жизни. Подобно тому, как путем упражнения развиваются силы и способности отдельного организма, так и весь народ, рассуждали мы, подготовляется к революции только путем упражнения своих революционных чувств и способностей. „Кто любит народ — тот водит его под пушки“, сказал кто-то из известных революционеров, и мы придерживались этого взгляда...

„Однако, определенной практической программы мы все-таки не выработали, да и не могли выработать... Большинство „бунтарей“, признававших в теории бунтовскую программу, потом, когда двинулись в народ, на практике, своей деятельностью нисколько не отличались от „пропагандистов“, и подобно им занимались распространением революционных брошюр в народе, быть может лишь с тою разницею, что делали это с бо̀льшим жаром и с меньшей осмотрительностью, чем „пропагандисты“. В этом виде и проявилась деятельность на Волге кружков Ковалика и Войнаральского. Однако были такие — и между прочим мы принадлежали к их числу — которые не имели в виду заниматься распространением революционных книг среди народа и для которых, поэтому, вопрос о практической деятельности стоял совершенно открытым и нерешенным. Мы считали необходимым сначала ознакомиться с условиями народной жизни, присмотреться к местным обычаям, нравам, мировоззрениям и затем уже, на основании реальных данных, выработать практическую программу“.

Прежде всего принялись за изучение ремесла, в данном случае сапожного.

„Всякий день утром являлись в нашу мастерскую обучаться ремеслу Аксельрод и два брата Левенталя. Мы обыкновенно усаживались с утра-же за работу и принимались шить, а одновременно с тем вели беседы на самые разнообразные темы, начиная с женского вопроса и воспитания детей и оканчивая революцией. Более всего, конечно, мы рассуждали о деятельности среди народа. Исходной точкой наших разговоров часто служила бакунинская книга: „Государственность и Анархия“ и особенно помещенное в конце ее „прибавление А“, в котором Бакунин говорит специально о России и призывает русскую

молодежь идти в народ для организации бунтов. Необходимость идти в народ более или менее всеми сознавалась; всякий чувствовал живую потребность что-то делать в народе; но на самую эту деятельность смотрели розно и об этом очень много спорили“.

Когда пришлось закрыть мастерскую вследствие ожидаемой однодневной переписи в Киеве, весною 1874 г. решились „попробовать свои силы на практике“.

„В „коммуне“ поднялась необыкновенная суета! начались сборы к путешествию в народ.

„Если „киевских чайковцев“ можно было упрекнуть в медленности, то „коммуна“ страдала противоположным пороком — крайней поспешностью. Тотчас-же мы отправились на толкучий рынок, закупили там поношенные шапки, зипуны, полушубки, так как время стояло еще холодное. И когда с этой стороны все было готово, написали четырехмесячные паспорта, приложили к ним печати собственного изделия, оделись и, перекинувши мешки через плечи, пошли на вокзал. С вечерним поездом мы уже ехали в Жмеринку. Нас было пять человек“.

На дороге пришлось немедленно испытать „все преимущества непривилегированного положения“. Затем профессию „сапожников“ пришлось заменить профессиею „красильщиков“. В Жмеринке-же отпал один из пяти пионеров. Первые столкновения с „администрацией“ были довольно благоприятны: даже из-за грубой ошибки в подделанном паспорте „красильщиков“ не задержали. Работы не оказывалось, но это не мешало „главному делу“, именно „расспросам“ и началу пропаганды.

„Расспросы свои мы сводили к тому, чтобы узнать, были ли в данной местности восстания, когда они были и что послужило поводом. Мы шли по самым населенным местностям Подольской и Киевской губерний; пройдено было по пути множество деревень, и сведения, собранные нами, правда, по специальным вопросам, годились для кое-каких обобщений. Так, из разговоров оказалось, что крестьянские движения происходили главным образом в конце 50-х и начале 60-х годов, т. е. в период до и тотчас после освобождения крестьян и что приблизительно с половины 60-х годов волнения стали происходить реже, а к 70-м годам их почти совсем уже не было. Этому чрезвычайно важному обстоятельству мы не придали тогда ровно никакого значения; мы, так сказать, пропустили его мимо глаз, благодаря предвзятому взгляду, укоренившемуся еще в шестидесятых годах среди

русских революционеров и исповедуемому равным образом и нами, а именно, что народ готов к восстанию всякую минуту. Слепая вера в близость русской революции мешала нам сознать, что народ наш далеко не так революционно настроен, как нам того хотелось. Другое явление, бросавшееся в глаза, было повсеместное желание крестьян подушного передела земли, и на это явление мы обратили самое серьезное внимание. *Передел земли* являлся исходной точкой при выработке всех наших последующих практических программ. В этом желании народа, показывавшем его отрицательное отношение к личной поземельной собственности, мы усматривали, с одной стороны, социалистический идеал будущего, с другой — во имя этого идеала, надеялись вызвать народное восстание.

„По мнению крестьян *передел земли* должен был совершиться соразмерно количеству людей всех званий и сословий без различия. „И мужику, и пану, и попу, и жиду, и цыгану — всем поровну“, объяснял мне один крестьянин Киевской губернии... Вблизи местечка Корсунь, Киевской губ., двое крестьян меня расспрашивали, не известно ли мне, зачем меряют землю в Полтавской губ. возле Чигирин-Дубровы. „Вы много ходите повсюду, может что-нибудь слыхали: не собираются-ли делить землю?“ В другом месте меня спрашивали более определенно: „Правда-ли, что в Черниговской губернии уже наехали землемеры и делят землю?“..

„Мы проходили верст до двадцати в день, останавливались на ночлеги по деревням. Крестьяне крайне неохотно пускали нас к себе на ночь, так как наша сильно поношенная, почти оборванная одежда явно возбуждала у них подозрение. Надо сознаться, что этого мы менее всего ожидали, когда отправлялись в наше путешествие под видом рабочих. Мы знали о недоверчивом отношении крестьян ко всем, носящим панский, т. е. европейский костюм, и полагали, что чем беднее одежду наденем на себя, тем с большим доверием станут они относиться к нам. И в этом ошиблись. Всюду они встречали нас подозрительно и до того неохотно давали пристанище, видимо боясь, чтобы мы не украли чего-нибудь, что розыски ночлегов сделались скоро для нас истинным наказанием. Случалось обойти десяток изб и всюду получить отказы. Не одну ночь проводили мы под открытым небом. Между тем время стояло дождливое, и не раз, бывало, ночью вскакивал я на ноги, дрожа всем телом от холода и сырости. Раз или два довелось спать прямо под дождем, и мы насквозь промокли.

„Медленно подвигаясь на восток, мы прислушивались к тому, что говорили крестьяне и собирали сведения о бунтах, происходивших в шестидесятых годах. После целого ряда дней ходьбы, добрались мы, наконец, до местечка Корсунь, Киевской губернии, и здесь решили остановиться“.

Здесь отпал от группы, по болезни, и второй пионер.

„Сведения, собираемые нами о корсунском восстании, все более и более нас убеждали, что это было на Украине одно из самых крупных восстаний последнего времени. А так как в свежих воспоминаниях, сохранившихся в народной памяти об этом бунте, и живых рассказах о нем, мы видели революционные традиции, то поэтому находили, что было-бы весьма полезно устроить в Корсуни поселение или революционный притон“.

Для этой цели одному из остальных пришлось ехать в Киев, хлопотать о деньгах. Другой ушел по какому-то специальному делу. Надоело сидеть в Корсуни в одиночестве и последнему. Опыт „похода“ оказался неудачным.

Из той же „Киевской коммуны“ мы имеем другие, очень интересные сведения уже о прямой *пропаганде* среди южных крестьян и рабочих, которую вели наиболее способные к этому делу личности. В „Воспоминаниях пропагандистки“ („Община“ № 6 — 7; 25 и след.; № 8 — 9; 9 и след.) Брешковская пишет о своем пребывании в народе в продолжении $3^1/_2$ месяцев следующее [1]):

„За эти $3^1/_2$ месяца я побывала в трех южных губерниях. Язык малорусский мне был плохо известен, и потому я выдавала себя за уроженку великороссийской губ. и одевалась не по хохлацки, а как русская женщина. Под речь народа я не подделывалась, а только иногда употребляла чисто народные выражения. Почти везде была известна за грамотную и бывалую женщину...

„Я говорила с крестьянами, как человек самостоятельный и уверенный в том, что говорит. Часто говорила горячо и настойчиво и

[1]) В „Общине“ № 6 — 7 на стр. 25 высказано очень определенно, что пропагандистский поход Брешковской относится к лету 1873; но лица, видевшие близко ее деятельность за эти годы, утверждают мне, что это — опечатка, и что дело идет о 1874 г., что и само по себе вероятнее.

ни разу не слышала со стороны мужчин, с которыми почти исключительно и вела деловые разговоры, замечания, что, вот, мол, баба взялась не за свое дело и вмешивается не туда, куда следует. Напротив, за весьма редкими исключениями, крестьяне, в особенности пожилые, говорили и слушали меня охотно, и, когда я подтверждала свои слова печатным словом, то окончательно складывали оружие. Обыкновенно я приступала почти сразу к сути вопроса, о котором шла речь... Ни разу также не случилось так, чтобы крестьяне заподозрили меня в действительности моего происхождения и моей принадлежности к их сословию. Они не обращали никакого внимания на то, что мои босые ноги были белы, руки сравнительно нежны, что силы у меня было очень мало, и я иногда не могла пронести 2-х ведер на коромысле, а таскала руками по одному ведру и то с большим усилием; что вставала позднее их и у печи обращалась неумело. Правда, что я не являлась ни разу в качестве простой работницы или батрачки, занималась ремеслами — крашением, шитьем, вышиванием; в других же местах, где приходилось оставаться не долго, два-три дня, и по дороге, я выдавала себя за разносщицу полотен, а так как при мне их не было, то ссылалась на то, что поджидаю товарищей с изделиями или иду за получкой товара на известную станцию. Но во всех случаях я сохраняла одну и ту же внешность и нигде моя особа не вызывала подозрений... Раз человек ведет себя скромно и честно по отношению к крестьянам, говорит с ними по душе и живет таким-же мужиком, как и они, то последние или ничего в нем не заметят, или-же, если что и заметят, то объяснят как-нибудь в пользу своего нового знакомого. Так, по крайней мере, было со мною и еще с 2 — 3 лицами, положение которых в народе мне было *близко* известно. Только женщины, как более консервативный элемент, подмечали иногда пустяшные особенности и не утерпевали, чтобы не сделать замечания“.

О своей пропаганде в „большом местечке“, где население работает преимущественно на заводах, „пропагандистка“ говорит („Общ.“ № 6 — 7; 27 и след.):

„Здесь я стала знакомиться с теми из крестьян, которые отличались или смышленностью, или духом протеста. Знакомства эти завязывались не на работе, потому что я не нанималась ни на заводы, ни на какие другие работы, но в качестве швеи и красильщицы имела доступ в любую хату; а по вечерам фабричные собирались

группами на улице и охотно принимали в свое общество новую личность.

„Особенно усердно слушали крестьяне, когда говорилось об отрицательной стороне их жизни. Им было приятно, что есть человек, который не только понимает их горе, сочувствует им, но и указывает, поясняет причины их бедственного положения. Они даже шли дальше и сознавали сами, что могли бы несколько помочь беде, если бы единодушно отказались от заводских работ и требовали бы общей прибавки платы, но тут же решали, что стачка состояться не может...

„Приходилось, значит, искать более глубоких причин и указывать на более радикальные меры. — Тут-то особенно резко сказывались те черты, которые мешают людям сознательно браться за общее дело, боясь рисковать собою за блага, пользоваться которыми придется лишь детям их, а не то и внукам; страх оставлять известное настоящее для неизвестного будущего, а главное — недоверие к собственным силам и к единодушию народа. Все эти черты всплывали тут же.

„Некоторое единодушие и энергия проявлялись в их среде тогда только, когда дело шло об интересах, касающихся их „общества“. Так при мне возник вопрос об общественном магазине, принадлежавшем заводским рабочим и расхищенном властями до последнего зерна. Начались у крестьян сходки, толки, довольно шумные прения; нашлись мужики, которые взялись заявить начальству о понесенном ими ущербе и настойчиво обращались к властям, от которых зависело вознаграждение общества за убытки. Но когда на все свои заявления крестьяне получили уклончивые ответы от директора завода, от мирового посредника и, наконец, от исправника, к которому они решились обратиться, перебывав у всех своих ближайших начальников, когда, наконец, им и совсем отказали в удовлетворении их просьбы, крестьяне еще более вознегодовали и возроптали, но на этом дело и кончилось.

„Между тем жители этого местечка считались на далеком расстоянии в окружности людьми наиболее самостоятельными и умеющими постоять за свои интересы“.

Здесь она приводит пример „соседа“ Ивана „мужика умного, сравнительно развитого, при том трезвого и доброго семьянина“.

И он сильно увлекался разговором о том

„почему на свете творятся такие вопиющие несправедливости и насколько человек должен сносить их безропотно? Долго я говорила с ним о том, что и как должны делать угнетенные, чтобы избавиться от врагов своих, и он слушал с большим вниманием, почти не возражая“.

Иван увлекся и чтением „грамоток“, и других приглашал слушать их, однако как только дело дошло до вопроса, к кому можно обратиться, чтобы „поговорить не опасаясь“, то он видимо испугался и прекратил разговор о „народном деле“.

„Пропагандистка“ приводит и другие примеры подобного же рода, где ей пришлось сознаться, что она „приняла прекрасный призрак за действительность“ (стр. 29). Однако говорит далее:

„Хорошее воспоминание оставил во мне 80-тилетний старик, с которым я постоянно виделась. Он сам когда-то участвовал в народном движении в Самарской губ.; жестоко был истязаем за протест против всевозможных насилий со стороны помещика и властей и до сих пор сохранил свежесть чувств к народному делу. Случилось так, что при первой-же моей с ним встрече я говорила ему вполне откровенно, так сказать на чистоту, и, когда через неделю снова увидела его, он обратился ко мне с такими словами: „Я тебя сразу узнал, что ты за человек; *умное* слово ты мне сказала, еще когда мы в первый раз увиделись“. Под *умным словом* он разумел самое радикальное отношение к делу. С этим дедом я жила в большой дружбе...

„Впоследствии, когда я была арестована и для расследования дела меня привозили в это местечко, то ни один крестьянин не показал против меня. Признали они, что я действительно проживала у них, занималась своим ремеслом, но никаких книг они у меня не видели и никаких „особенных“ разговоров не слыхали от меня. То-же самое заявили крестьяне и в предыдущем селе“.

В другой губернии она делает те-же наблюдения („Общ.“ № 8-9; 9):

„Сидя на базаре, где-нибудь под навесом, я вступала в разговор при первой возможности, и беседа, начатая по поводу ли надувательства торговцев и т. п., быстро переходила на положение народа, который буквально *везде*, где мне приходилось говорить с ним, жаловался на увеличивающуюся бедность и дороговизну, на непосильные поборы, на самое нахальное притеснение со стороны начальства. Начальство и господа виновны в бедственном положении народа,

в этом каждый мужик уверен непоколебимо: но как избавиться от этих бичей, даже возможно ли избавиться, вопросы не только нерешенные, но почти нигде не поднятые. Когда же их возбуждают другие (я это говорю как по собственному опыту, так и по опыту лиц, деятельность которых мне близко известна), то приходится слышать все почти одно и то же заключение: „оно бы очень хорошо, если бы весь народ разом встал; тогда, конечно, начальству и господам пришлось бы уступить. Но сперва сговориться надо, и пусть кто-нибудь начнет, а мы не отстанем“. Почти каждый говорил, что надо „бумагу“ *по всем* деревням разослать, что „бумаге“ верить будут, потому что всякий понимает, что если написано или напечатано, значит — не пустяки, „не из своей головы выдумано“. Некоторые приглашали в свои деревни, чтобы потолковать о народном деле с хозяевами и почитать „грамоты, если таковые имеются.

„На юге России (я не знаю, как в других местах) народ далеко не привязан к верховой власти. Все традиции его находятся в антагонизме с нею; но дело в том, что традиции эти более и более сглаживаются из памяти народа, вытесняются современными интересами“.

Очень интересны и указания Брешковской на попытку пропаганды между штундистами („Общ.“ № 8-9; 10 и след.), которая очень ясно показывает радикальные препятствия в сближении современных социалистов-революционеров с религиозными сектантами, особенно же когда дело идет о их вожаках. „Пропагандистка“ очень метко указала на внешние явления, в которых встречается аналогия. („Общ.“ № 8-9; 11):

„Я увидела большую аналогию в отношениях людей, основанных на духовном родстве, на родстве мыслей и верований. Как в социально-революционных кружках с радостью встречают каждого, в ком чают найти теперь или со временем поборника излюбленной идеи, так точно и в религиозных сектах единомышленники спешат с приветом к каждому, в ком замечают способность или желание усвоить их понятия или верования“.

Но затем выдвигается у сектантов „монашеский отпечаток на всех“, безусловное подчинение мысли членов — мысли „вожака“, наклонность ссылаться во всем на тексты и на людей.

Любопытны по обдуманности и по лучшей организации были явления того же рода в южной группе, образование которой указано выше (стр. 42) и в которой главными деятелями были Феликс Волховской, Ланганс и др., группе, под влиянием которой развивался и Желябов с 1874 г. Ланганс пишет об осени 1873 г.:

Общими силами было приступлено к составлению устава, которым бы определялись как основные черты нашей организации, так и цели, к которым она должна стремиться. По предложению Феликса кружок получил название „кружка инициативы“ и по мысли предлагавшего должен был помогать образованию на Юге подобных же организаций, по имеющих целью непосредственную деятельность в народе, доставлять всеми зависящими средствами людям, желающим поселиться в народе с целью пропаганды и раздачи социалистических брошюр, к тому возможность и указывать пути. Словом, по мысли Феликса, кружок должен был, главным образом, направить свои усилия на агитацию и пропаганду в интеллигенции, снабжать желающих работать в народе книгами и другими пособиями, и только часть своих сил должен был он посвящать непосредственной деятельности в народе. Насколько помню, к этому же мнению склонялись Дм. Желтоновский и Солом. Чудновский; остальные же члены, находя, что на первых порах придется по необходимости ограничиться главным образом деятельностью в интеллигенции, признавали, что деятельность в народе должна быть признана нашей главною задачею; в виду этого цель и задачи организации были несколько изменены, и деятельность среди городских рабочих и крестьян была признана важнейшею. В это время кружок наш увеличился приемом Павла Стенюшкина, Виктора Костюрина и Анны Разумовской (жены Дм. Желтоновского). Еженедельные собрания всех членов были признаны обязательными, но, по предложению или заявлению каждого из членов, могло быть собрано во всякое время и экстренное собрание...

„На дальнейших собраниях было постановлено, что все дела должны решаться не большинством, а по единогласному решению, во избежание могущего произойти раскола и недовольства неудовлетворенного меньшинства. По этому поводу происходили оживленные прения. Феликс, Чудновский, Желтоновский, А. С. и я находили, что давление всей организации на личность каждого отдельного члена в некоторых случаях необходимо, но в виду представленных возражений мы уступили, порешив сообща, что, в случае серьезного разногласия (принципиального) по какому-либо важному вопросу, выход меньшинства из организации обязателен и понятен. Для более успешного ведения дел найдено было нужным ограничить деятельность каждого члена известным районом“,

и это разделение работ было здесь ведено гораздо тщательнее, чем в других кружках.

„Знакомства с рабочими завязывались обыкновенно в чайных, трактирах, которые, главным образом по субботам и воскресеньям, посещались почти исключительно плотниками, каменщиками, штукатурами, приходящими в Одессу в громаднейшем количестве из центральной России (губ. Орловской, Калужской, Рязанской и др.; в 73 и 74 гг. таких рабочих в Одессе было тысяч 80. В Одессе они собирались в артели, имевшие иногда своего хозяина-подрядчика, нанимавшего их от себя за известную поденную плату, иногда же (значительно реже) артель подобного хозяина не имела и нанималась в полном своем составе; такие артели получали, понятно, больше. Завязав знакомство с некоторыми, мы предлагали им себя в учителя грамоты. Предложение обыкновенно принималось весьма охотно, и таким путем мы входили в артель. Первые начали заниматься в артелях Андрей Франжоли, Ал. Ск. и Виктор Костюрин; каждый из них имел свою артель человек в 30-40. Занятия в артелях происходили ежедневно по вечерам и начинались с обучения грамоте. Совместно с этим читались и раздавались на руки и цензурные народные книжки, шли рассуждения и толкования по поводу прочитанного. От цензурных постепенно переходили к запрещенным. Месяц спустя число артелей увеличилось, одною обзавелся я, другою Голиков. Таким образом в самое короткое время мы познакомились с пятью артелями, насчитывавшими в общей сложности более 200 человек рабочих. Признавалось, что занятие и пропаганда в артелях полезнее и удобнее пропаганды в среде местного заводского населения, во первых, потому, что заводское население, испорченное городскою жизнью, не сознающее своей связи с крестьянством, не так восприимчиво к пропаганде социализма; во вторых, имелось в виду, что артельные рабочие, возвращающиеся часто домой в Россию, пристав к социализму, станут разносить недовольство существующим социальным строем и проповедь лучшего будущего по всему лицу земли русской; через них же с удобством распространялись по России социалистические брошюры.

„В таком положении были дела, когда нас снова посетил Чарушин на возвратном пути из Крыма. Наш кружок вступил в федеративные отношения с петербургским и московским кружками, также и с киевским, составившими вместе одну организацию. Члены не только местного кружка, но все организации не должны были иметь друг от друга каких-либо тайн; полнейшая прямота, искренность и доверие во взаимных отношениях были признаны необходимыми в интересах всего дела, так как умышленное утаивание от кого-либо части дела имело бы в результате неверное представление последним целого и этим значительно умаляло бы его полезность, как деятеля. *Общность кассы* и *свободный переход члена* из одной группы (федеративной единицы) в другую в интересах дела — вот те положения, которыми определились дальнейшие отношения групп друг к другу. Фамилии и характеристики лиц, вошедших в организацию, сообщались обязательно всем, точно также, как о вступлении нового члена давалось знать всей организации, при чем спрашивалось, не имеется ли чего-либо против принятия такого-то. Имея в виду обязательность полного доверия во всем, что касается общей деятельности, каждый член был крайне осторожен, можно сказать придирчив, когда ему приходилось давать свое согласие на прием нового члена; это принесло ту громадную пользу, что при разгроме организации не оказалось *ни одного* человека, который по слабости или по другим причинам начал бы откровенничать; действительное ядро организации 74-го года так и не было раскрыто, кое-что было раскрыто людьми, более или менее прикасавшимися к ней.

„Занятия в артелях шли удачно; не говоря уже о громадном количестве цензурных и нецензурных народных брошюр, проникших в артели, нам совершенно незнакомые, скоро выискалось несколько выдающихся рабочих, которых мы приглашали к себе на квартиру, знакомя их с подобными же людьми других артелей. Таких рабочих оказалось человек 8-10, и с ними занятия и беседы велись отдельно. Предполагалось образовать из них отдельный кружок, в который из членов организации входили бы только лица, занимавшиеся в артелях.

„В таком положении были дела в конце 73 года и в первый месяц 74 года, когда, по предложению некоторых членов, был введен в кружок Андрей Желябов, бывший студент Новороссийского университета. Знакомство с ним велось уже давно, все члены были с ним знакомы, поддерживая с ним деловые сношения, но не вводился он вполне

потому, что некоторым членам не удалось еще с ним ознакомиться. В среде одесского студенчества Андрей Желябов пользовался уважением и потому мог быть весьма полезным своим влиянием на него; вступивши в кружок, он начал заниматься в рабочей артели“.

На ход дел кружка оказало влияние увеличение его Макаревичами (Анной и Петром) [1]), прибывшими из Цюриха и принесшими в Россию тот элемент партийной борьбы, который в Швейцарии вызывал полемику сторонников „Вперед!“ и бакунистов. Лангане пишет:

„Нужно заметить, что в конце 1873-го года анархизм не пользовался еще особенным сочувствием среди революционной молодежи; были, правда, в Питере кружки чисто анархического направления, но ни петербургский, ни московский, ни киевский, ни наш одесский кружок не входили с ними в тесные сношения, боясь, что, со вступлением их, основы выработанной нами организации пострадают. Разумеется, отчуждение это основано было, главным образом, на недоразумении, но была в нем и доля истины. Дело в том, что анархические кружки в Питере, как нам передавал Чайковский, посетивший нас в декабре 73-го года, слишком поверхностно, легко относились к людям, с которыми они вступали в сношения, вследствие чего к ним попали люди, с точки зрения наших питерских друзей не вполне надежные, что могло-бы, разумеется, сильно вредить целому, отношение-же такое к лицам оправдывалось тем, что члены анархической организации признавали возможным иметь друг от друга некоторые деловые тайны, чем опасность ненадежного члена ослаблялась. Но так как во всякую „тайну“, в особенности в те блаженные времена, было довольно легко проникнуть всякому близко стоящему к делу человеку, то посему ни питерцы, ни мы не могли индифферентно отнестись к этой особенности их организации. Кроме этого разногласия, было еще и другое. В то достопамятное время, которое

---

[1]) С этой Анной Макаревич — тогда еще Аней Розенштейн — мне приходилось толковать еще в Цюрихе 1873 г. о математике, но она была уже тогда ревностной анархисткой. Впоследствии она сделалась очень известной в Италии под именем Кулешовой; была арестована в 1877 году в Париже за основание интернациональной секции; арестована позже во Флоренции, и председательствовала на последнем заседании цюрихского международного рабочего конгресса в 1893 г. — В начале января 1895 газеты сообщали, что Кулешова осуждена в Италии, как социалистка, на 3 месяца тюрьмы.

можно было-бы назвать временем постановки теоретических вопросов и решения их путем чистого разума, мы не могли согласиться в теории. Они, Анна и Петр, заявляли, что отрицают всякое государство, всякую власть, откуда-бы она ни исходила, чем-бы ни руководилась, каким-бы целям ни служила; мы-же полагали в то время, что власть, как всякое сильное орудие, может служить и счастью человеческому, и угнетению, и что вся механика в том и заключается, чтобы *создать условия*, при которых злоупотребление властью стало-бы невозможным. Теперь, разумеется, никто из нас не придал-бы этому разногласию особенного значения, ибо пропагандист-анархист и пропагандист-государственник, попав в народ и начав в нем свою деятельность, походили друг на друга, как одно куриное яйцо на другое... В то время анархические брошюры, вроде „Государственность и Анархия“ и другие, не были еще особенно в ходу, и потому с идеей анархизма еще не совсем освоились; рождалась масса недоразумений, тем более, что сами толкователи этой идеи из русской молодежи сами еще путались то в лесах государственности, то в пампасах анархии. Словом, трудно было столковаться.

„Идея анархии усвоивалась, однако, все более и более: многое из того, что прежде считалось безусловно верным, пошатнулось; люди стали терпимее относиться к теоретическому разногласию. В самом нашем кружке появилось разномыслие. Раньше других пристали к анархизму Андрей Франжоли и Александр Костюрин. Дольше других выступали противниками его Феликс Волховской, Дм. Желтоновский, А. С. и я. Непосредственным результатом этого разномыслия было то, что вопрос о принятии Ани и Петра затягивался. Наконец они были приняты единогласно.

„В первое время образования кружка мы получали заграничные издания через питерцев, имевших свой путь через границу, или киевцев; с увеличением потребности в книгах этот путь, как медленный и много стоящий, оказался неудобным, а потому Чудновскому было поручено устроить новый путь через Австрию, что и было им выполнено с успехом; с того времени мы могли получать книги непосредственно через Волочиск“.

„Я уже упоминал, кажется, раньше, что жизнь и пропаганда в среде крестьянства, при самом образовании нашего кружка, признавались нами самыми целесообразными; теперь, когда мы усилились приемом новых членов, часть сил можно было посвятить пропаганде

в крестьянстве. К сожалению тогда, да и теперь еще, чувствовался сильный пробел в народной малорусской литературе: не было ни одной брошюрки, которая-бы ясно и в свойственной народу форме передала народу основные положения социализма; вот почему Феликс принялся за составление подобной брошюрки на малорусском языке. „Правдиве слово хлибороба до землякив“ (так называлась эта брошюрка) в прекрасной, чисто народной форме знакомила народ с социализмом.

Приезд в Одессу Чайковского с известием о погроме петербургского кружка его приятелей побудил одесситов сделать попытку пропаганды среди крестьян, пропаганды, к которой они давно стремились и готовились. Отправился в деревню и Лангапс.

„Я привез с собою много цензурных и нецензурных книг на русском и малорусском языке, взяв с собою тоже писанную брошюрку Феликса, желая испытать впечатление, производимое ею на крестьянина, и тем определить ее достоинство, как средства в деле пропаганды. Занятия в школе имели для нас второстепенное значение; мы не думали проводить свои идеи путем школы, а потому забота наша о школе ограничивалась лишь добросовестным ведением ее, дабы не уронить себя в глазах крестьян, а напротив заслужить их доверие и уважение. После школьных занятий, по вечерам, собирались к нам в школу наши приятели крестьяне; велась непринужденная беседа, толковалось обо всем: о своих сельских делах, о выдающихся чем-либо сходах или решениях волостного суда, о писаре, старшине и их делах, о попах и их отношениях к пастве, о религии, сельском хозяйстве, налогах и взимании их (по малорусски *здирствах*), о кабаках и кабатчиках, о становых и розгах, о панах и недостатке земли у крестьянства — словом толки шли самые разнообразные. Иногда в пояснение чего-либо или с целью доставить посетителям эстетическое удовольствие прочитывалась какая-либо подходящая малорусская или русская книжка, Шевченко и друг.; случалось частенько, что и евангелие приходилось цитировать. Эти собрания происходили, можно сказать, оффициально: о них знал и поп, и писарь, и староста; но были собрания и другого рода, происходившие также почти ежедневно после собраний оффициальных. На них, оставались только некоторые, уходившие вместе со всеми, но затем возвращавшиеся. Таких человек было четверо — все отцы семейств, люди умные, с прекрасными душевными качествами. Один из них, отдавшийся всецело делу социализма, был до того втечение 8-ми лет искусным

*

и сведущим по священному писанию начетником. Он сдался с большим трудом; ежедневно вызывал он нас на новые и новые споры, но в конце концов положил оружие и вполне искренно и сознательно пристал к социализму. Другой, в высшей степени мягкая, поэтическая натура, пользовался большим уважением сельчан честностью характера. Свободно-составлявшиеся артели рыболовов по Днепру выбирали его своим атаманом. Остальные двое, будучи тоже людьми очень хорошими, заслонялись несколько этими двумя, поддаваясь невольно обаянию этих двух натур. Нужно заметить, что религия играла не последнюю роль в наших беседах и спорах с селянами; мы вскоре убедились, что невозможно избегать споров по религиозным вопросам, в особенности с людьми из крестьян, выдающимися своими способностями и привычкою мыслить. Социализм — не политическая или экономическая программа, в роде программ либеральных и радикальных; социализм — целое философское учение, целое миросозерцание, охватывающее всего человека, со всеми проявлениями его природы. В данном случае оно столкнулось с другим миросозерцанием — теологическим. Разминуться — значило-бы не вести борьбы; остановиться на почве своего миросозерцания — значило затягивать победу в далекое будущее и оставаться почти всегда непонятым. Самым благоразумным казалось, поэтому, побеждать теологическое мировоззрение его-же оружием, т.-е., держась евангелия и толкуя его известным образом доказывать нелепость и безнравственность православия и писаний православных законоучителей. В нашем распоряжении был, разумеется, кроме того, целый арсенал доказательств юридических, исторических, экономических. Разбив, таким образом, окончательно в человеке его веру в то, что он всю жизнь считал неподлежащим сомнению, нам становилось легко знакомить его с новым миросозерцанием. Из этих четырех крестьян вместе с нами, мною и Н. М., вскорости образовался кружок, поставивший себе целью пропаганду в селе и распространение социалистических брошюр в селе и окресностях; вместе с тем продолжались занятия с ними по русской истории (из до-петровской истории по книге „Древняя Русь“, новую — рассказывали устно). Я имел удовольствие проверить сильное впечатление, производимое на крестьян брошюрой Феликса: все оставались от нее в восторге, приводили от себя все новых и новых слушателей. Пришлось переписать ее в двух-трех экземплярах. По просьбе наших приятелей крестьян, находивших, что при первом знакомстве

малороссов с социалистами необходимо им показать, что социализм не противоречит многим выдающимся местам евангелия, я написал там же небольшую брошюрку, придерживаясь слога евангелия, в которой доказывая негодность существующего социального строя и излагая требования социализма, подтверждал эти доказательства местами из евангелия. Брошюрка нашим приятелям понравилась и была написана в двух экземплярах“.

Лангансу пришлось уехать из места, где он начал действовать.

„Прожив недели две в Одессе, я снова ее покинул, начав вместе с Н. М. пешее странствие по Херсонской губ. с целью „опроститься“, как тогда говорилось, ознакомиться несколько с жизнью населения и узнать быт и положение сельского бондаря. Как водится, котомка с социалистическими брошюрами играла свою роль, хотя и второстепенную. В скитаниях прошел месяц; оказалось, что ломки особенной вовсе и не нужно, что малорусский крестьянин вовсе не так мелочен и придирчив, чтобы ставить человеку в строку отступление от тех обычаев и той морали, с которыми он сам сжился. Это нас сильно ободрило. Мы порешили устроить свою бондарную мастерскую“.

Для этого выбрано было село Попельнастое, по удобству своего положения в местности, где сходятся 4 губернии [1]).

Для характеристики времени и людей, им выработанных, было бы очень важно остановиться несколько подробнее над деятельностью агитаторов, бывших как бы центрами движения так сказать стихийного и вовсе не организованного правильно; но это, конечно, невозможно в предполагаемом здесь очерке. Мы ограничимся упоминанием о двух из них, личное влияние которых в этот период было особенно крупно, именно о Войнаральском и Ковалике.

Порфирий Иванович Войнаральский, вследствие беспорядков в Московском университете, был выслан под надзор полиции в Архангельскую губернию. Возвращенный оттуда в 1873 году в Пензенскую губернию, он был вскоре избран мировым судьею. В октябре того же

[1]) На этом моменте останавливается сохранившийся кусок воспоминаний Ланганса.

года он поехал в Петербург, где вошел в сношения с тамошним революционным кружком. С этих пор начинается его неутомимая агитационная деятельность. Он доставляет Кравчинскому документы для жизни под другим именем. Рогачев состоит у него письмоводителем. В феврале 1874 года он сближается с московским кружком Аносова и Фроленко, решается основать столярную (позже и башмачную) мастерскую в Москве. Когда выбор его в мировые судьи не утвержден Сенатом, он переселяется в Москву, оставив в Пензе Рогачева и пригласив туда Судзиловскую продавщицею в заведенную лавку. В мастерской Войнаральского была повешена на стене сумка, заключавшая 400 — 500 рублей, „каковыми деньгами каждый из посещавших мастерскую мог пользоваться безотчетно“. В мае 1874 г. открывается в Саратове башмачная мастерская Пэлькенена. Вслед за закрытием только-что упомянутой мастерской на Бутырках, начинается под влиянием Войнаральского „печатание запрещенных и революционных книг“ в типографии Мышкина. Вслед за тем Войнаральский — в Самарской губернии, где думает устроить брошюровальню для того, что печатается у Мышкина, проходит с Селивановым чрез Самарский, Бугурусланский и Бузулукский уезды; вербует по пути несколько семинаристов в Самаре, где, под его влиянием, скоро возникает новый кружок и революционная агентура. Из обвинительного акта по процессу 193 можно проследить далее неутомимую и самоотверженную деятельность Войнаральского. Он является то в Москве, то в Пензе, то в Саратове, то в Тамбове. Он посылает в разные местности пропагандистов. Когда начинаются обширные аресты и особенно в мастерской Пэлькенена, он, ожидая и сам ареста, пробует перевести свое состояние, пожертвованное им на революционное дело, на товарищей, выдавая им векселя. Устроив две революционных агентуры, он приискивает еще на постоялом дворе приют для революционеров, приезжающих в Самару. В шифрованных письмах (впоследствии захваченных полициею и расшифрованных) он пишет от 25 июня 1874 г.:

„Тут (в Самаре) есть еще много годного для дела элемента — фельдшера, мещане, мастеровые и пришлые из Симбирской губ. плотники. С последними было несколько чтений. Они просят книг для рассылки по домам; просят сходить туда, дают письма, указывают лучших людей и места; в книгах недостаток; пошлите в Саратов кого-нибудь“. От 2 июля: „Здесь дела идут великолепно, но книг страшный недостаток; я уже писал об этом... Плотники посылают меня на родину, Корсунск. уезда (указали места и лиц). Завтра еду туда; возвращусь опять сюда.... Нельзя ли кого прислать с книгами?“ От 21 июля: „Обыски прошли благополучно: паники нет; дела идут хорошо (недостаток лишь в деньгах). В Сызранском и Корсунском уезде я ходил: настроение отличное. Завел и укрепил два наших пункта.... В книгах страшный недостаток и от крестьян большой на них запрос“.

По возвращении из этого путешествия, Войнаральский отправляется с Надеждой Юргенсон в Ставропольский уезд. Немедленно там оказывается кружок учительниц, акушерок, учителей и т. п., который волнуется, узнав,

„что существуют лица, желающие установить равенство между людьми; что у них есть своя типография, почта; что через два года они произведут переворот“.

И этот кружок входит в сношения с самарским центром. Войнаральский и Юргенсон, во время пропаганды крестьянам в селе Васильевке (Грязнуха тож) и в деревне Куликовке, были задержаны 21 июля сельским старостою. Под арестом, охраняемый крестьянами, Войнаральский писал товарищам:

„Сейчас меня арестовали. Убедительно прошу... все мои деньги употребить на народное дело... Это мое последнее завещание. Работайте же энергичнее по нашему делу. Друг Порфирий“.

На этот раз агитаторам удалось ускользнуть: приставленная крестьянская стража разбрелась, и арестованные скрылись, но ненадолго. Через три дня, 24 июля, они были снова арестованы в Самаре.

Для характеристики Ковалика и его деятельности воспользуемся тем, что пишет о нем Дебагорий-Мокриевич в своих „Воспоминаниях“ (стр. 53 и след.):

„Сергей Филиппович Ковалик, если не ошибаюсь, в 1870 году, а может годом раньше, выдержал экзамен при киевском университете на степень кандидата математических наук и одно время думал получить кафедру по математике в одном из высших учебных заведений Петербурга; но, увлекшись другими идеями и целями, он оставил навсегда свою научно-математическую карьеру. В 1872 году в Мглинском уезде Черниговской губ. его выбрали мировым судьей, а потом он был даже председателем съезда мировых судей. В этот период

времени он близко познакомился с Екатериной Брешковской (родители ее были помещиками Мглинского уезда), принимавшей тогда горячее участие в делах местнаго земства. Попытка Ковалика работать на легальной почве окончилась, однако, неудачей, так как избрание не было утверждено в Петербурге. Принужденный оставить город Мглин, он после этого окончательно отдался революционной агитации. Подобно ему, и Брешковская скоро устранилась от участия в делах земства и занялась мыслью устроить земледельческую колонию... в России. Но так как при русских политических порядках подобная затея была, очевидно, неосуществима, то уже к концу 73 года Брешковская отказалась от нее и тоже всецело посвятила себя революционной деятельности.

„Ковалик обладал блестящими способностями, и мне редко приходилось встречать кого-либо другого, кто, как он, умел с таким искусством заинтересовать всякого своей беседой и с такой быстротой входить в умственные интересы собеседника. В нашем кружке, среди близко знавших его товарищей, он пользовался репутацией весьма умного человека, и в этом, конечно, не было ничего удивительного. Но удивительно было то, что подобную репутацию он заслужил решительно всюду, куда ни появлялся.... На самом деле гибкость его ума была изумительна. С необыкновенной легкостью приспособлялся он к собеседнику и, ставши на его точку зрения, не возражал прямо, а делал только вставки и пояснения, неминуемо, однако, приводившие к выводу, какой был желателен ему. Его спор всегда был оригинален и, как бы ни был горяч, редко сопровождался шумом и гамом, как это бывало у других...

„В 1874 году Сергей Ковалик имел не более 26-ти лет. Он был несколько выше среднего роста. На толстой шее, составлявшей одну прямую линию со спиною, что придавало весьма характерный вид всей его крепкой фигуре, посажена была голова с необыкновенно большим, выпуклым лбом. Матово-бледное лицо с скудной растительностью плохо гармонировало с его сильным корпусом, а небольшие голубые глаза не выражали той неутомимой энергии, какой он обладал на самом деле“.

По данным „Обвинительного акта“ процесса 193, Ковалик, после того, как его не утвердили в должности мирового судьи, поехал в Петербург, сошелся там с лицами кружка Лермонтова и образовал третий петербургский кружок, к которому тогда уже принадлежали

Каблиц и Иван Чернышев. В конце 1873 г. Ковалик уехал заграницу, был в Цюрихе и вошел в тесные сношения с тамошними бакунистами; вернувшись же в Петербург в феврале или марте 1874 г. и зная, что полиция его разыскивает, принял фамилию Лукашевича[1]). Тогда же произошло отделение от его кружка Каблица и Ив. Чернышева, составивших зерно „вспышкопускателей“, кружка, выработавшего уже тогда более террористические стремления и к которому временно принадлежала Брешковская, со „специальными целями“, о которых она говорит в „Воспоминаниях пропагандистки“ („Община“ № 6-7, стр. 26 и № 8-9, стр. 9). Кружок Ковалика под его влиянием выработал, по показаниям Рабиновича, план стройной организации анархических кружков, с общим шифром для сношений и с определенным планом деятельности, впрочем сходным с тем, который находился и в других кружках:

„проникать под видом рабочих в народную среду, соединять между собою отдельные недовольные личности из народа и при удобном случае вызвать возмущение“.

Кружок Ковалика находился с самого начала в тесных сношениях с многими лицами кружков Лермонтова, Воронцова и Чайковцев, и часто действовал вместе с ними. Он имел своих представителей на общих собраниях петербургских кружков (в отсутствие Ковалика — Паевскаго, позже Артамонова). Последний оставался его представителем и после мая 1874 г., когда все остальные двинулись в народ на пропаганду.

В феврале 1874 Ковалик приезжает в Киев и приобретает немедленно там значительное влияние. Дебагорий-Мокриевич говорит (56):

„С приездом Ковалика в Киев, я часто приходил из артели и целые вечера проводил в „коммуне“, где он тогда остановился и куда сходились и другие киевские радикалы. То было необыкновенно оживленное время“.

Вслед за тем в марте или в апреле он едет в Харьков специально для основания там нового кружка. Там, впрочем, почва была уже подготовлена. Группа студентов и их приятелей добывала „Вперед!“, известие о появлении которого в Петербурге до них дошло. Теперь Ковалик привез им литературу бакунистов. Одна

[1]) О другом пропагандисте, действительно так называвшемся, упомянуто в других местах.

пропагандистка основала в то-же время немногочисленный кружок, слившийся потом с таганрогским. Но кружок, устроенный Коваликом, сделался, очевидно, очень скоро господствующим вследствие его личного влияния.

„Уехавши в феврале или марте из Киева в Петербург, он группирует там вокруг себя несколько человек и вместе с ними отправляется в мае 74 года на Волгу для деятельности в народе. По пути, однако, останавливается в Москве и здесь ведет агитацию среди студентов Петровской Земледельческой Академии. Из Москвы едет в Ярославль, чтобы попытаться организовать кружки среди ярославских лицеистов. Из Ярославля отправляется по порядку: в Кострому, Нижний Новгород, Казань, — беря адреса от одних к другим и всюду призывая молодежь идти в народ для революционной деятельности".

На Волге Ковалик работает вместе с Войнаральским и с Рогачевым. Он получает из Саратова письма (Паевскаго) о том, что „дела в Саратове очень хороши. Местные туземные силы соединяются в организацию.... Семинаристы.... сельские учителя и гимназисты вошли в один кружок (разъехались) и оставили при агентуре своих представителей. Есть несколько ночлегов и один притон в горах... Организация страдает недостатком денег и не имеет вовсе сношений с городскими рабочими".

В июле Ковалик был задержан в Самаре.

Следовало-бы остановится на Мышкине, типография которого была одним из самых могучих агентов агитации печатным словом. Но он выступил во весь рост еще и как деятель другого рода, при смелой до дерзости попытке освобождения Чернышевского в 1875 году, особенно же на процессе 193-х, когда будущий ренегат должен был обрисовать его следующими чертами („Consp." 181 и след.):

„Этот Мышкин был, без малейшего преувеличения, великий оратор в зародыше. Он обладал всеми качествами таковаго: могучим и гибким голосом, способным столь-же хорошо выражать все оттенки чувства, как и греметь небесным громом. Он обладал той замечательною ловкостью, которая заставляет выслушивать оратора, несмотря на тысячи перерывов. Он великолепно развивал всякую мысль. Сравнительно с ним наши юридические знаменитости не имели особенного значения.... Это была благородная и оригинальная личность. С первого взгляда бросался в глаза его громадный лоб, широкий и высокий, занимавший столько же места, как и все остальное его лицо. Его умные черные глаза выражали энергию почти дикую. Когда он говорил, он магнетизировал слушателя. Даже его враги не чувствовали себя способными освободится от этих странных чар".

Следовало бы говорить о Рогачеве, как одном из самых энергичных и самых симпатичных пропагандистов, о котором документ о „неразысканных" (см. „Вп." № 2; 42) говорил:

„При задержании Рогачева необходимо принять меры предосторожности против его побега в виду его громадной силы".

Желательно бы остановиться на Иванчине-Писареве, имение которого, село Потапово Ярославской губернии, было одно время центром агитации на берегах Волги (см. Обвин. акт по делу 193 и „Вп." № 4; 107 и след.) и который дал подпольной литературе этого периода одно из самых удачных ее произведений в эстетическом отношении. Жаль не упомянуть о „Липочке (Олимпиаде Григорьевне) Алексеевой, красавице и певице", как вспоминает о ней один из пропагандистов. Обвинительный акт по делу 193-х говорит о ней:
„квартира Алексеевой скоро обратилась в сборный пункт для деятелей пропаганды".

В этом московском центре встречались между собою представители северных и южных кружков, чтобы оттуда идти на дальнейшую пропаганду или устраиваться в мастерских.

Вообще по словам „Обвинительного акта":
„революционная пропаганда шла по двум главным направлениям: юго-западному и восточному. Первое направление выразилось в возникновении кружков: харьковского, киевского, одесского и таганрогского с их разветвлениями, а второе — в кружках, образовавшихся в Москве, Нижнем-Новгороде, Пензе, Самаре, Саратове и т. д."

Выше было уже сказано о южном кружке, но желательно было-бы остановиться долее на личности Феликса Волховского, который был привлечен еще по делу Нечаева, и о котором „Вперед!", сообщая о его аресте („Вп." III, А. 274), говорил, что его
„уже в третий раз правительство преследует и ломает с 1869 г. и все жалеет, что не изломало совсем".

Для размеров территории, в которой шла пропаганда, полезно было бы указать на кружок Таганрогский [1]), Нижегородский и др. [2]). Но это невозможно и приходится для большинства деятелей предложить читателю обратиться к Обвинительному акту по делу 193-х. Здесь достаточно упомянуть, что в „Докладе прокурора Жихарева“ за № 101 (обыкновенно называемом „Запиской гр. Палена“, напечатанной в Лондоне („Вп.“ № 15) и в Женеве и заключающей изложение результатов движения и арестов — как понимало эти результаты русское правительство в лице Слезкина и Жихарева) — было сказано („Вп.“ № 15; 462):

„Деятели революционной пропаганды... к концу 1874 г. успевают покрыть как-бы сетью революционных кружков и отдельных агентов большую половину России. Дознаниями раскрыта пропаганда в 37 губерниях...

„Всех привлеченных ныне в качестве обвиняемых к дознанию, произведенному в этих губерниях—770, из них 612 мужчин, женщин—158. Под стражею — 265, на свободе с принятием против них других мер — 452, неразысканных — 53. Дознания показали, что многие лица не молодые, отцы и матери семейств, обеспеченные и материальными средствами и более или менее почтенным общественным положением, не только не противодействовали, а напротив нередко оказывали им видимое сочувствие, помощь и поддержку“.

При этом приводятся примеры „богатого землевладельца“ и „мирового судьи“, „жены жандармского полковника“, которая

„не только не отклоняла сына своего от участия в деле, а напротив того помогала ему советами и сведениями“,

профессора Ярославского лицея, председателя Губернской Управы, который

„в выборе лиц на земские должности советовался с сильно скомпрометированным студентом... и без его рекомендации не давал места...

[1]) Будущего ренегата и сотрудника „Нового Времени“ Исаака Павловского, тогда писавшего: „Верю глубоко в наше святое дело.... Тут свирепствует опричнина: она сама себя сжирает в своем неистовстве“.

[2]) В „Подпольной России“ можно найти портреты некоторых крупных деятелей этого периода (хотя там большею частью помещены „революционные профили“ тех, которые позже участвовали в народовольческом движении): Стефановича, Клеменца, Кропоткина. — Упомяну здесь общее замечание Бохановской, что „бунтари“ и „якобинцы“ впоследствии почти целиком перешли в „Народную Волю“.

Весьма богатая и уже пожилая женщина Софья Субботина, которая не только лично вела революционную пропаганду среди ближайшего крестьянства, но склонила к тому-же свою воспитанницу Шатилову и дочерей даже несовершеннолетних посылала доканчивать образование в Цюрих... Дочери действительных тайных советников Наталья Армфельд, Варвара Батюшкова и Софья Перовская, дочь генерал-майора Софья Лешерн-фон-Герцфельд и многие другие шли в народ, занимались полевыми поденными работами, спали вместе с мужиками, товарищами по работе, и за все эти поступки, повидимому, не только не встречали порицания со стороны некоторых своих родственников и знакомых, а, напротив, сочувствие и одобрение...

„И таких примеров много. Примеры эти без сомнения должны служить подтверждением того убеждения, что успехи пропагандистов не столько зависели от их собственных усилий и деятельности, сколько от той легкости, с которой учения их проникали в различные слои общества и от того сочувствия, которое там встречали... Устраивались сходки, библиотеки, кассы. Достаточно-подготовленные фабричные и мастеровые снабжались книгами, деньгами и отправлялись на родину, где должны были подготовлять народ к восстанию, донося об успехах пропаганды своим учителям и организаторам. Самое время для открытого восстания было намечено...

„Быстрые успехи пропаганды должны быть приписаны как тому, что деятельность агитаторов не встречает довольно сильного и громкого порицания со стороны общества, которое, не отдавая себе вполне ясного отчета в значении и целях этих преступных стремлений, до сих пор относилось к ним с апатией, равнодушием, иногда даже с сочувствием, — так в особенности и тому, что молодежь, составляющая главный контингент лиц, занимающихся пропагандой, не находит отпора пагубным и разрушительным учениям в той среде, где она растет и развивается“.

За несколько лет уже до этого стихийного движения в народ начались действия правительства против оппозиционных элементов в обществе, недовольство которого переходом от реформ к реакции оно не знать не могло. Не упоминая здесь о преследованиях печати и либералов (крайне умеренных), земств и дум, мы остановимся лишь

на мерах, которые имели значение для агитаторов в народе. В мае 1871 г. передано было жандармскому ведомству производство дознаний по политическим делам, а шефу жандармов и министру юстиции предоставлено право решать подобные дела административно. В июле 1872 издан закон о назначении особых судов над политическими преступниками, что шло в достаточной мере в разрез с прославленною судебною реформою Александра II, которой не было тогда еще 10 лет. В сентябре 1873 г. арестовали Любавского, вступившего в кружок чайковцев в начале лета и так испуганного арестом, по словам Тихомирова („Consp. et pol.“ 123), что он немедленно повинился в своих „преступлениях“ (из которых чуть-ли не самым важным было то, что он „имел в виду“ пожертвовать для „дела“ 7000 рублей) и выдал людей, с которыми был в сношениях (между прочим Волховского — по указанию „Вп.“ III, А, 274 — и Тихомирова по его собственному свидетельству: „Consp. et pol.“). Это обратило внимание правительства на существование кружка чайковцев и на их сношения с Москвою, с Одессою и т. под. В ноябре была арестована Перовская, одна из основательниц кружка, но, по ходатайству отца, была выпущена на поруки и отправлена в ссылку в Крым. В декабре арестованы Ярцев и Румянцев той-же группы. К январю 1874 (по свидетельству Шишко) кружок потерял уже многих своих членов (между прочим Синегуба, Тихомирова, Чарушина, Куприянова, Кропоткина, Леонида Попова, Ободовскую и др.). Арестован был и Низовкин, показания которого (вместе с показаниями Рабиновича — арестованного в марте 1874 и Гольденберга — в позднейшем периоде) доставили самый богатый материал следователям и прокурорам и повели к аресту самого значительного числа лиц. В январе-же арестовали Лермонтова. В марте 1874 г. сделан донос на Иванчина-Писарева. Дебагорий-Мокриевич рассказывает об этом времени следующее („Восп.“ 92 и след.):

„Широкие преследования революционеров в 1874 году подняты были сначала на Волге, а затем они распространились по всей России. Первый обыск сделан был 31-го мая в Саратове, в мастерской, организованной Войнаральским, и этот обыск послужил началом быстро следовавших один за другим обысков и арестов по другим городам. А именно, шесть дней спустя был произведен обыск в Москве, в типографии Мышкина. По счастью, в этот раз сам Мышкин не был пойман и ему удалось бежать за границу. После этого произошли

аресты в июле месяце в городе Николаевске, Самарской губ., где находился в качестве фельдшера при земской больнице Судзиловский. Во время ареста, Речицкий — приятель Судзиловского и бывший член нашего американского кружка — застрелился; а Судзиловскому посчастливилось скрыться и потом бежать за границу. Со всяким новым обыском и арестом, жандармы открывали все новых и новых „злоумышленников“. Особенно энергичные поиски велись за Ковaликом, Рогачевым и Войнаральским, окончившиеся тем, что 12-го июля Ковалик был арестован в Самаре, а двенадцать дней спустя — в той-же Самаре — пойман был и Войнаральский. Рогачев скрылся, уйдя вниз по Волге в качестве бурлака. Начались повсеместные аресты.

„Почти одновременно с этими событиями, происходившими на Волге, начались преследования в Черниговской губернии среди сельских учителей по доносу одного из учителей-же, некоего Трудницкого“.

На юге искали особенно Брешковскую.

„Началась травля по ее следам, и в сентябре месяце она была настигнута жандармами возле города Тульчина, Подольской губ., где была арестована и откуда перевезена была в Киевский Тюремный Замок. Брешковская отказалась объявить свое имя и долгое время была известна властям только под вымышленным названием Феклы Косой... Со всех сторон, откуда ни доходили к нам сведения, мы слышали тоже лишь об арестах, да розысках. Аресты были в Петербурге, Москве, Одессе, Самаре, Саратове... Казалось, мы не знали такого пункта в России, где-бы не было тогда арестов“.

Автор „Подпольной России“ пишет (16):

„Аресты быстро следовали за арестами. По заявлению правительственного циркуляра тридцать семь губерний были „заражены“ пропагандой. Никто не знает точно числа арестованных; в одном так называемом деле „193-х“, тянувшемся четыре года, оно достигло, по данным официальной статистики, тысячи четырехсот“.

По одной корреспонденции из Петербурга в „Dziennikie Polskiem“ (см. „Вп.“ III, А, 308) к ноябрю 1874 года вне Петербурга в России было арестовано около 1600 человек.

Правительство считало, что ему удалось вырвать с корнем революционную пропаганду, и с гордостью писало в заключении обвинительного акта процесса 193-х:

„Таким образом большинство революционных деятелей, ушедших в народ весною 1874 г., было задержано к осени того же года“.

Между тем, еще в самом начале 1875 г. „Вперед!“ печатал документ, заключавший имена и приметы 53 человек „привлеченных к дознанию, но еще неразысканных“ („Вп.“ № 2; 42 и след.).

Когда печатался „Обв. акт“, то процесс 50 мог-бы уже показать правительству, что дело не остановилось; когда-же тактика революционеров изменилась, едва-ли оно могло похвалиться успехом. Если в некоторых письмах, сохранившихся от того времени (преимущественно в „Обв. акте“), виден упадок духа, то в других можно отметить как-бы усиление решимости продолжать борьбу, отыскивая для нее новые средства. Так в августе 1874 г. пишут из Москвы „господам нижегородцам“ между прочим следующее:

„Погромы происходят на всем пространстве матушки России, но наше дело, в лице своих сторонников, нисколько не падает. Напротив, можно сказать, что всякий удар, отнимая у нас известное число товарищей, приносит в то же время новых, если не тут-же, то в другом месте. Нас изрядно стеснили в Москве; здесь теперь ужасная бедность в квартирах, большой недостаток в адресах. Но за то в провинции наши дела идут довольно утешительно. Везде наших слушают и принимают с большим сочувствием; книги расходятся с успехом и производят хорошее впечатление... Но наша партия все-таки страдает неорганизованностью... Нужно, чтобы каждый приобрел какое-либо ремесло или определенное занятие, и затем расселиться всем на таком пространстве, чтобы была возможность легко сноситься между собою... и затем твердо укрепиться каждому на своем месте... Таким образом весь этот район в течение одного или двух лет можно довести до значительного градуса революционности и потом из него черпать силу для других местностей... Я, лично, вполне сочувствую этому плану, но не имея пока места для усовершенствования в ремесле, отправлюсь в образе офени шляться и искать счастья; думаю съездить в Питер и оттуда пройти всю Россию матушку с севера на юг... Не знаю как в Питере, а здесь все люди разъехались, так что к вам послать отсюда для житья некого... Оставаться-же в Нижнем, по нашему мнению, вам не след... Денег теперь в Москве нет, но каждый день ждем из Питера, и немедленно по получении будет вам выслана сумма“.

Правительству пришлось издавать закон „о преступных сообществах“, учреждать временные генерал-губернаторства с очень широкими правами, наконец пришлось императору, как-бы признавая свое бесси-

лие, обращаться к обществу (в рескрипте на имя Д. А. Толстого) со словами:

„Дело народного образования в духе религии и нравственности есть дело столь великое и священное, что поддержанию и упрочению его в сем истинно благом направлении должно служить не одно только духовенство, но и все просвещеннейшие люди страны. Российскому дворянству, всегда служившему примером доблести и преданности гражданскому долгу, по преимуществу предложить о сем попечение. Я призываю верное Мое дворянство стать на страже народной школы. Да поможет оно правительству бдительным наблюдением на месте к ограждению оной от тлетворных и пагубных влияний“.

Только-что было указано, что аресты по делу пропаганды в народе начались уже осенью 1873 года, следовательно не малая доля обвиняемых по этому процессу просидела в разных тюрьмах до четырех лет. Мы не имеем возможности здесь остановиться даже вкратце на той обстановке, в которой находились заключенные[1]. Автор „Подпольной России“ пишет по этому поводу:

„Стоит только припомнить, что за время предварительного следствия по делу „193-х“, которое тянулось четыре года, число самоубийств, случаев умопомешательства и смерти между политическими заключенными достигло громадной цифры 75“.

Приводим из „Календаря Народной Воли“ 1883 г., стр. 149 и след. список замученных в тюрьмах и ссылке за 1875—78 года.

1875 год.

1) Коробов (рабочий) в Литовском замке (самоубийство); 2) Крутиков (повесился) в Харьковской тюрьме; 3) Леонтьев в Моск. тюремн. замке 3 марта (зарезался); 4) А. Чиков в СПб. тюрьме 30 марта 5) И. Львов в Ник. госпит. в СПб. 2 июня (чахотка); 6) В. Богомолов в Д. Предв. закл. СПб. 30 октября; 7) Ан. Ласточкин в Петропавл. кр. 8) Чернышев в СПб. через несколько недель по выпуске из тюрьмы (чахотка).

---

[1]) Для этого см. „Вперед!“ №№ 7, 10, 13, 19, 24, 44, 45, 48 и мартирологи; также v, А. 59 и след. У Тихомирова: „Conspirateurs et policiers“ 110 и след., 129 и след., 150.

1876 год.

9) И. А. Худяков в Иркутск. доме умалишенн. 19 сент; 10) Дм. Ив. Гамов в Харьковской центральной тюрьме (голодный тиф); 11) П. И. Добровольский в Петропавл. крепости; 12) Васил. Махаев (в Орле, через несколько дней по выпуске на поруки (чахотка); 13) Сергей Степанович Носков в Москве, через несколько дней по выпуске на поруки (бугорчатка).

1877 год.

14) Устюжанинов в СПб. через несколько дней по выпуске на поруки (чахотка); 15) П. Трудковский в Доме Предв. закл. 12 мая; 16) Кротонов в Д. Предв. з.; 17) Тетельман в СПб. через несколько дней по выпуске на поруки.

1878 год.

18) К. И. Гриневич в Шенкурске 11 июня; 19) Б. Каминская; 20) Феоф. Никандр. Лермонтов в Лит. замке (чахотка); 21) Подлевский в Ник. госп. 22 февр.; 22) М. Д. Субботина в Новоузенске 6 февр.; 23) Мих. Куприанов в Петропавл. креп.; 24) Ан. Сердюков в Твери, через два месяца после ссылки (самоубийство)".

В № 30 от 1 апреля 1875 г. „Вперед!" сообщал имена 6 человек, „сошедших с ума в заключении", лично известных корреспонденту журнала.

Относительно настроения духа тех, которые продолжали действовать в то время, когда разгром был во всей силе, интересна переписка между друзьями, хотя и очень случайная, отрывочная, но отражающая это настроение (преимущественно сохранившаяся в „Обв. акте") В этой переписке можно проследить, как люди, очень решительные для себя, при возрастании опасности становятся боязливыми для близких; как в развитых семьях выступает конфликт между гуманитарными традициями и фатальными требованиями революции; как встреча с известным пропагандистом, переход новой, более или менее крупной, личности в ряды революционеров, или прочтение нового продукта подпольной прессы дает энергический толчок молодежи.

Здесь сын пишет матери о необходимости „не только сближаться с народом", но „идти в него и слиться с ним"; на возражение ее против „насильственного переворота" указывает, что нет насилия в „стремлении выбиться из-под гнета", и ссылается на евангельский „меч". Там, друзья, группирующиеся около М. Н. Веревочкиной, посылают ей целый град советов „осторожности", деятельности менее опасной при ее слабом здоровьи, вместе с нею радуются ее успехам и унывают при ее неудачах пропаганды среди крестьян (где ее однажды принимают за „колдунью"). Аронзон передает свой разговор с Клеменсом, идущим на пропаганду и с печалью сообщающим, что везде „слушать-то слушают, но сами слышанного не распространяют; разговоры остаются разговорами; глубоко в грудь они не западают". Молодой человек, только что прочитавший „хорошую книгу Бакунина", сообщает о новом стороннике партии, что он

„поступил в столярную мастерскую с тою хорошею целью, чтобы теснее слиться с рабочими, жить их жизнью, ненавидеть их ненавистью и пропагандировать принципы социальной революции. В такого человека просто подло кинуть грязью уже по одному тому, что он из паразита делается производительным работником, который на себе испытает всю гнетущую всезагребающую лапу правительства и приобретет вследствие этого сильнейшую ненависть к этой лапе, потому что презирает всякий официальный пост, всякий непроизводительный труд, как вредные симптомы „государственности".

Всего чаще встречаются жалобы на неплодотворную деятельность, на необходимость „развивать личности", собирать средства и, вообще, подготовлять то, на что шли сначала, не видя необходимости этого подготовления.

Довольно характерны для периода массовых арестов, допросов и отношений представителей власти к допрашиваемым следующие свидетельства одного из процесса 193, нам лично сообщенные, о его допросе и о том, как он при этом пропагандировал жандармов и прокуроров.

„По приходе в Калугу, 8-го мая 1874 года был арестован. В первый и последний раз в жизни занимался „пропагандой": во 1-х в остроге, где я содержался на общем положении и проводил целые дни с арестантами, во 2-х на дознании: обращал, не без успеха, на путь истины жандармского полковника и товарища прокурора. Недели

через три у меня сделалась нервная горячка, а жандармский полковник Баранов умер от разрыва сердца. Хороший был человек, царство ему небесное.

„Чтоже я буду делать, говорил беднягa, ведь я об вас в Петербург донес. Если я вас выпущу, я сам погибну, а у меня жена, дети“.

„Тогда я прекратил свои филиппики и утешал его.

„С Александром Михайловичем Симоновым, товарищем прокурора, велся разговор и спорили, как в Питере на сходках“.

Социалистическая агитация и движение в народ не могли не вызывать волнений и в других сферах, волнений, впрочем, чуждых социалистических принципов. Волновалась студенческая молодежь и в Военно-Медицинской академии и в Технологическом и Горном институтах и в университете (см. „Вп.“ № 1, № 3 № 24; 152). Волновались крестьяне в Логишине, в Мозырском уезде, в Кобринском уезде; протестовало 700 рабочих мастерской варшавской железной дороги (см. „Вп.“ № 1; 21); в Чигиринском уезде волнения крестьян, недовольство которых проявлялось уже в 1870 г., получили в 1875 г. уже очень серьезный характер, чтобы позже доставить почву для революционной агитации совершенно особого характера (см. для 1875 г. „Вп.“ № 15; 466 и след. № 26; 47 и след).

Эти волнения, как только-что было сказано, возникали, собственно, помимо социалистической агитации, однако социалисты-революционеры в конце 1874 года старались ими воспользоваться. И это, повидимому, им удалось в некоторой мере для движения в среде интеллигенции. По крайней мере „землеволец“ пишет по этому поводу:

„В Медико-Хирургической академии студенты были недовольны некоторыми профессорами, особенно проф. Ционом. На первой его лекции произошла демонстрация. Второй курс был немедленно закрыт. Некоторые зачинщики этой демонстрации были арестованы. Это произвело сенсацию между студентами. Пропагандисты решили этим воспользоваться для своих целей. Последовало несколько демонстраций, уже уличных, перед квартирой начальника академии: требовали освобождения товарищей и удаления профессора Циона. Ответом на это были опять аресты и суд над студентами, с участием одного из

членов военно-медицинского департамента и члена третьего отделения (кажется К). Социалисты настаивали на необходимости прекратить лекции на всех курсах. Лекции были прекращены. В студенческой библиотеке происходили непрерывные и многочисленные сходки. Речь уже шла не об одних академических интересах. Предложили привлечь к этому движению учащуюся молодежь всех высших учебных заведений Петебурга и выставить требования *общестуденческие*: право сходок, самосуда, кассы и проч. И беспорядки охватили почти все учебные заведения: Петербургский университет, Технологический и Горный институты. Этого и нужно было. В эту возбужденную восприимчивую среду брошена масса жгучих мыслей. Постановка студенческих вопросов изменялась в ширь и в глубь. Сходки стали принимать характер революционных клубов. Особенно большую услугу в этом оказывала медицинская студенческая библиотека. Находясь в бесконтрольном заведывании студентов, библиотека вскоре сделалась очагом, из которого то и дело распространялись всякого рода неудовольствия. Социалисты [1]) завоевали себе тогда прочную почву во всех учебных заведениях. *Общий* дух времени, страстная пропаганда, призывающая к новой жизни, преследования правительства — все это придавало социалистам какое-то обаяние, и влияние их было тогда громадное. Не было ни одного дела, ни одного требования студенческого, в защиту которых не выступали-бы первые социалисты. Весьма благоприятным обстоятельством для пропаганды 1874 г. было громадное скопление учащейся молодежи в Петербурге. Медико-Хирургическая академия и Технологический институт, если не ошибаюсь, открыли свои двери всем воспитанникам классических гимназий, не получившим аттестата зрелости. Женские медицинские и другие курсы были уже тогда открыты. Оставалось только, следовательно, пропагандировать и вербовать. И то и другое шло успешно. Можно было уже тогда без преувеличения сказать, что социалисты могли смотреть без страха и опасений на судьбу своего учения: дело их было почти обеспечено на многие годы, в среде молодежи, по крайней мере. Впрочем, не одной только учащейся молодежью ограничивалась пропагандистская деятельность. Значительные завоевания были сделаны за эти два года (1874—75) в среде городских рабочих. В это именно время было, собственно, заложено основание социалистическим рабочим группам. Пропаганда

[1]) Они тогда были более известны под общим именем „радикалов“.

между рабочими велась очень энергично, то целыми *кружками*, то отдельно стоящими лицами. Но главное течение социалистической пропаганды шло непрерывно в народ — в *крестьянскую* массу“.

Усиленные преследования вызывали воздействие революционеров, и это проявлялось в организации бегств, из которых некоторые удавались, тогда как другие оставались лишь в форме неудачных попыток. С 1875 года к этому стали прибавляться демонстрации, вооруженные сопротивления, наконец казни шпионов.

В рассматриваемом здесь периоде бежали, упомянутые уже выше, Соколов из Красного Яра 12 авг. 1872 года, Герман Лопатин из Иркутска в 1873 г., Ткачев из Великих Лук в 1874. Кроме того в 1874 г. Ивановский бежал из части в Москве. В 1875 г. были неудачные попытки бежать Серякова и Дьякова из Петропавловской крепости, а также Ковалика и Войнаральского из петербургского Дома предварительного заключения, при чем они спустились из окна пятого этажа. В 1876 г. бежал Черкезов из Томска и С. Лури из-под стражи в Киеве. Особенно интересно бегство П. А. Кропоткина из Николаевского военного госпиталя в Петербурге 29 июня 1876 г., при чем его увезли товарищи на глазах у часовых на заранее заготовленной пролетке [1]. В 1877 году произошли семь побегов: Гиераклитов вышел из тюрьмы переодетый городовым, а Костюрин бежал из одесской тюрьмы во время прогулки, сбил с ног часового ударом кистеня и сел на пролетку; стража не решилась задержать его, когда кучер грозил ей револьвером. Из многочисленных бегств и неудачных попыток к бегству (всего числом 29) особенно интересны, кроме упомянутых уже, следующие: Перовская бежала из-под стражи во время пути в ссылку: она совершенно спокойно переступила через жандарма, спавшего у двери комнаты вокзала, где ее стерегли, прождала некоторое время в роще и затем уехала в Петербург с первым ночным поездом без билета, прикинувшись бестолковою деревенскою бабою [2]. Кац и Преферанский обогнули северную Норвегию на английском судне, которое увезло их из Мезени. Пресняков (впоследствии повешенный) отбит у конвойных на пути от допроса в тюрьму.

[1]) См. подробное описание в „Подпольной России“ 103 и сл.

[2]) См. в „Календаре Нар. Воли“ стр. 61 и след.

Стефанович, Дейч и Бохановский под видом смены часовых выведены из тюрьмы ночью товарищем, поступившим для этого в тюремные ключники [1]). Но подобная же попытка увести из харьковской тюрьмы Фомина двумя приятелями, переодетыми жандармами, не удалась, точно так же, как попытка освободить Войнаральского вооруженным нападением на конвоировавших его жандармов при отправке в центральную тюрьму.

В 1875 г. в Москве при аресте Цициaнова было оказано первое вооруженное сопротивление. В апреле 1876 г. при похоронах Чернышева (см. „Вп.“ №№ 32—36 и 39) произошла первая публичная демонстрация агитационной молодежи [2]). В сентябре того же года казнен первый шпион, Тавлеев. Это были знамения наступления новой эпохи.

В предшествующую эпоху самою важною почвою борьбы против правительства была зала судебных заседаний. Процесс Нечаева подготовлял эпоху народников-пропагандистов, показав, какой великолепный материал для агитации политических страстей и для уяснения социальных и политических идей может доставить смелая речь подсудимых и речь умного адвоката. Публичность политических процессов была неосторожно дарована недовольной стране капризом самодержца. Ее вслед за тем поторопились сперва ограничить, потом и совсем отменить. Но, пока, она оказалась для пропагандистов-народников рассматриваемой эпохи самой лучшей кафедрой для уяснения русской невежественной и полусонной публике, что такое социализм в его общественных и нравственных идеалах, и какую сокровищницу самоотверженного служения идее хранит в себе это самое невежественное и полусонное общество в своей молодой интеллигенции.

Первым в этом ряду фактов социалистической и народнической пропаганды, доставленных русскому социализму самим правитель-

[1]) См. „Вестник Народной Воли“ № 3, стр. 112 и след.

[2]) „Земледелец“ говорит о ней, что ее „по ее характеру следовало бы скорее отнести к следующему периоду революционного движения“, и что „это была *первая* публичная демонстрация социалистов (и, пожалуй, всего общества, так как *все* ей сочувствовали) против правительственных безобразий“.

ством, был процесс долгушинцев, приговор по которому произнесен 5 мая 1875 г. и которым издатели „Вперед!“ немедленно воспользовались для подробного разбора положения социалистов-народников перед судом.

Здесь, с одной стороны, приходилось указать на факты юридически-бесспорные, которые обличали натяжки обвинения и партизность судей. С другой же, выступала на вид социальная подкладка дела, именно борьба императорского абсолютизма против русской интеллигенции, идущей на помощь забитому народу; невозможность для адвокатов не высказать, хотя-бы очень осторожно, что эти подсудимые, собственно обвиняемые лишь в раздаче нескольких печатных листков, суть представители в России мирового движения, которого отрицать нельзя и которое грозит всему наличному общественному строю; наконец, полная бесполезность для тех же адвокатов отстаивать своих клиентов на почве юридических уверток, так как судей обязали осудить их, однако возможность действовать для этого на общественное мнение, выставив на вид нравственное величие борцов за великие идеи и за благо народа.

„Вперед!“ говорил, между прочим („Вп.“, III A. 187 и след.):

„Бесспорные факты таковы: около половины сентября 1873 года арестовано несколько человек, из которых одни устроили тайную типографию и отпечатали несколько брошюр, другие стали распространять эти брошюры или просто передали другим для прочтения единственный экземпляр, о котором доказано, что он у них находился. Следствием засвидетельствовано распространение нескольких десятков экземпляров. Ни следствие, ни обвинение не могли доказать ни попытки вызвать бунт против правительства, ни даже употребить какие-либо насильственные меры для социалистических реформ, о которых говорится в изданных брошюрах“.

Но мы видели выше (стр. 38), каково было содержание одной из этих брошюр, призывавшей к „движению в народ“.

В другой брошюре, носящей название „Русскому народу“, и которой „придан несколько религиозный характер“, говорится от имени самого народа.

„Она требует от имени крестьян, во первых, уничтожения оброков; во вторых, „всеобщего осмотра и передела всей земли крестьянской, помещичьей и казенной, для того, чтобы распределить ее между всеми по справедливости, чтобы всякому досталось, сколько нужно“; в третьих — уничтожения рекрутчины и заменения ее „вольным обучением в школах, и только чтобы во время войны собиралось войско“; в четвертых — хороших школ; в пятых — уничтожения паспортов. „Наконец последнее и самое важное наше требование — пишут авторы брошюры — мы не хотим, чтобы с нас собирали сколько угодно и тратили все куда хотят... Но наше правительство должно делать расходы с общего нашего согласия и отдавать народу во всем самый подробный отчет... Мы не хотим, чтобы всеми делами заправляли дворяне; нам не нужно чиновников... А хотим мы, чтобы управлял сам народ через своих выборных; чтобы правительство состояло не из одних дворян только, как теперь, а из людей, избранных самим народом.

„Ежели бы все эти требования наши исполнились, то, клянемся, не стало бы таких безобразных порядков, какие теперь у нас имеются. Не будет ни угнетателей, ни угнетенных; не будет неученых, темных и бедных людей, а будем мы все счастливы“. Для достижения этой цели предлагается „столковаться и согласиться, чтобы действовать дружно, согласно, а не брести врозь... Когда мы все согласимся, тогда будем мы так сильны, что сильнее нас никого не будет“.

Автор статьи „Процесс“ во „Вперед!“ пытался доказать, что требования, выставленные в этих брошюрах, были бы в Европе признаны самыми умеренными, при социалистической агитации там в первой половине 70-х годов; что „юридическая почва обвинения была еще менее прочна“; что

„Правительствующий Сенат, в лице своих юридических и сословных представителей, совершил ряд самых наглых нарушений формального юридического порядка“;

что в этом суде

„мы имеем пред собою *охранителей государства*, полагающих, что перед ними стоят *его враги*“;

что обвинитель сам бесцеремонно высказывал основу обвинения, именно обстоятельство, что первые люди обвинялись в том,

„что пошли в народ, хотели непосредственно иметь дело с народом“;

что адвокатам почти поневоле пришлось сделаться перед публикою пропагандистами распространения и значения в Западной Европе социалистических идей и организаций; но что при этом защита, оставаясь на почве юридических тонкостей, не поняла единственной точки зрения, на которой речи ее могли иметь полезное для обвиняемых действие на общество.

Возмущаясь против этого приема, „Вперед!“ указывал в будущем необходимость для подсудимых не прибегать к адвокатам, не пытаться (понапрасну) оправдывать юридически *себя*, но выступать на суде обвинителями строя общественного, против которого восстают социалисты, и строя государственного абсолютического, против которого русская интеллигенция давно уже протестует. Там было сказано („Вп.“ III, А. 227 и след.):

„Обвиняемые здесь не Долгушин, Дмоховский, Панин, Плотников, Гамов... Обвинена здесь вся та доля русской молодежи, которая решилась „идти в народ“, чтобы помочь ему в его все растущих бедствиях, в его все ухудшающемся положении; чтобы разъяснить ему истинные причины его положения; чтобы указать ему его силу, его право, его обязанность изменить существующий порядок вещей. Обвинено каждое ее слово, сочувственное народу; обвинено каждое ее действие на помощь народу. Правительство заявило, что оно смотрит, как на своего врага, на всякого, кто пойдет в народ с целью социального изменения, с проповедью пробуждения народной мысли; как бы ни была осторожна и умеренна в своих задачах эта деятельность, как бы ни была она ограничена в своих результатах. Правительство доказало, что оно найдет для подобных обвинений и осуждений между высшими юридическими сановниками достаточный персонал лакеев и палачей. Оно доказало, что оно найдет для подобных юридических фарсов достаточно либеральных адвокатов, чтобы поддерживать внешнюю иллюзию легальности процесса; чтобы говорить блестящие речи с полным сознанием, что эти речи не могут иметь никакого практического значения; чтобы нравственно унизить подсудимых, которых судьи-палачи будут казнить юридически.

„Дело совершенно просто и ясно. Всякий идущий в народ, со словом ли сочувствия, с уяснением ли обыденных явлений общественной жизни, с мирною-ли теориею ассоциации, с энергическою ли проповедью революции, будет одинаково изломан назначенными для того орудиями юридической неправды, затоптан в грязь собственным либеральным защитником. Дилемма стоит определенно: *или* откажитесь от *всякой* деятельности среди народа, *или* готовьтесь подвергнуться высшему возможному наказанию за всякое ваше действие в этом направлении...

„При настоящем положении дел, при тех приемах, к которым прибегает правительство, действуя против пропагандистов в народе, *выгоднее* для самого дела пропаганды ставить революционную задачу

как можно прямее и резче, так как более осторожной постановкой ее никого спасти уже нельзя“.

Что касается до размеров пропаганды в тот ранний момент революционнаго движения, к которому относится деятельность долгушинцев, то, рядом с крайнею недостаточностью *юридических* доказательств ее обширности (о чем сказано выше), внимательные наблюдатели отметили лишь следующий факт: из 240 экземпляров прокламации, имевшихся у распространителей, взято или представлено было лишь 10. Остальные понесли в разные кружки интеллигенции и народа проповедь первого русского социалистического печатного станка (см. „Вп.“ Ш. А. 240).

О влиянии процесса долгушинцев на революционную молодежь „землеволец“ пишет:

„Долгушинское дело — первый политический процесс этого периода, разбиравшийся летом 74-го года, — произвело сильное впечатление на молодежь. Суровый приговор суда, судьба ее товарищей только поощряли ее следовать по этому пути. Ведь она давно готова была на все! Но ряды ее сильно поредели, надо их, стало быть, во что бы то ни стало пополнить. Но откуда набирать новые силы? Конечно, из среды учащейся молодежи, главным образом. И рассеянные по всей России пропагандисты снова собрались осенью того же года „к шатрам“ своим в университетские и другие города. Снова открылись сходки, более многочисленные и бурные, чем в прошлом году. И пропаганда социалистических идей посреди учащейся молодежи стала распространяться с поразительной скоростью“.

За процессом долгушинцев скоро последовали другие.

Первый же из них, именно процесс Дьякова и Серякова (17 апр. 1875 г.), показал уже некоторый прогресс в понимании положения подсудимых. „Вперед!“ писал об этом деле („Вп.“ № 15; 451 и след.):

„Мы посылаем радостный привет в темницу двум незнакомым нам братьям, Дьякову и Серякову, которые сумели вынести из суда и следствия чистым свое знамя, наше общее знамя. Они, как видно из обвинительного акта, прямо заявили, что целью их деятельности была социальная революция; они решились не обращаться к помощи адвокатов; решились не отвечать на судебном следствии... Трудно судить, насколько они поступили правильно, отказавшись от речей на суде и следовательно от возможности публично провозгласить

начала социальной революции, которым служили, как начала единственно обязательные для всякого любящего народ русский. Вероятно, они заранее знали, и знали наверное, что им *этого* говорить *не дозволят*.... Во всяком случае, при отсутствии более подробных сведений, мы теперь же заносим на наши страницы, что Дьяков и Серяков были *первые обвиненные социалисты*, которые не дозволяли защитникам бросить пятна на знамя социализма, открыто признали себя приверженцами социальной революции и спокойно пошли под удары судей-палачей, как на ожиданную случайность социально-революционной борьбы".

11 сентября осужден Донецкий, арестованный вблизи границы в ноябре 1873 г. с пачкою прокламаций, был засажен в централку Харьковской губ., где он сошел с ума и оттуда был вывезен сумасшедшим в Сибирь в 1881 году („Восп." 39 и 46). В деле Александры Бутовской (январь 1875 г. см. „Вп." № 43), Евг. Семяновского (октябрь 1876 г. см. „Вп." V, А, 1 и след.), Альбова (декабрь 1876 г. см. „Вп.„ V, А, 26 и след.), в деле о пропаганде в селе Мураевне Рязанской губернии (июнь 1876 г. см. „Вп." V, А, 86 и след.) и в некоторых других присутствующие на суде и читатели отчетов о процессах в газетах не могли не быть поражены одновременно и малою доказательностью фактов, которые вызывали осуждение, и малым размером того, что становилось в преступление, и строгостью приговоров. Так, например, таксатор Альбов был приговорен к ссылке на поселение по обвинению в разбрасывании книг по дороге — что противоречило всем показаниям свидетелей и не было даже поддержано прокурором — и в том, что он крестьянскому мальчику дал какую-то книжку с просьбою никому не давать и возвратить, обещая, если понравится, дать еще другую, хотя этой книжки налицо не было, а свидетель не помнит ее названия, так как нашел ее неинтересною. Еще возмутительнее было решение по делу Бутовской: она была приговорена к 4 годам каторги за то, что дала читать одному рабочему два листка запрещенных агитационных изданий. Знаменательны были лишь факты, что в это время по некоторым процессам, — в первый раз по делу Осипова и Абраменкова (май 1876) — русские рабочие явились главными обвиняемыми по политическим делам; что другие процессы происходили при закрытых дверях по обвинению в „оскорблении величества" (наприм. процесс Горбачева в сентябре 1876; упомянуто во „Вп." № 43; 635;

что еще другие указывали на пропаганду в войсках (как процесс Евг. Семяновского и дело унтер-офицера Гобста в сентябре 1877, по которому приведен документ во „Вп." V, А, 186 и след.).

Самым характерным годом в этом отношении был 1877-й, когда одни вслед за другими пред публикою развернулись закулисные основания демонстрации на Казанской площади, процесс 50, южно-русскаго союза рабочих, наконец процесс 193. Но здесь уже смешивались явления двух совершенно различных слоев русского движения. Процесс 193, точно так же, как выстрел Засулич, принадлежали сполна новой начинающейся эпохе с резкими формами борьбы, с задачами боевой организации и с подчеркиванием политической задачи социализма. Демонстрация на Казанской площади, как явление переходное, вызвала самые разнообразные оценки, в которых отражались столкновения прежней эпохи самоотверженной пропаганды идей с пренебрежением к условиям боевой организации, и новой эпохи, когда вопрос о том, как парализовать силы опасного врага, стал на первое место в заботах революционеров[1]).

Процесс южно-русского союза рабочих обнаружил для сознательных революционеров, какие слабые элементы рабочей организации может доставить строй нынешнего общества русским социалистам, в противоположность того, что существовало и существует на Западе. Сообщаем об этом деле следующие данные из „Вперед!" („Вп." V, А, 141 и след.) и из обвинительного акта, там же помещенного. „Вперед" пишет:

„С 23 по 28 мая нынешнего года в особом присутствии сената слушалось дело о 15 лицах, более или менее прикосновенных к образовавшемуся на юге России обществу „Южно-Российского Рабочего Союза". В ряду других социалистических процессов, которыми так богат был нынешний год, этот процесс занимает особенно выдающееся положение и заслуживает самого серьезного внимания, как потому, что почти все обвиняемые — за исключением лишь Заславского и Рыбицкого, столь противоположных друг другу по их роли в процессе, — принадлежат к среде рабочих, так еще более потому, что процесс этот касается попытки самостоятельной организации для революционных целей рабочих сил на юге России, организации,

---

[1]) Для „Казанской" демонстрации см. *Е. Серебряков*: „Общество Земля и Воля" в „Материалах" XI (вып. 4) стр. 15 и сл.

естественно и исторически выросшей на почве местных интересов рабочего класса"...

„В течении последних годов в Одессе образовался кружок рабочих, группировавшихся около Евгения Заславского, содержавшего типографию, дававшую ему естественный предлог для сближения с рабочими. В начале этот кружок разве только по одному своему составу отличался от многих других тогдашних кружков „самообразования", которых было так много среди русской молодой интеллигенции. Он не шел далее образования кассы „вспомоществования", кружковой библиотеки, популярных лекций и пр. Но мало по малу, под влиянием обстоятельств и духа времени этот кружок принимал все более и более радикальный оттенок и превратился, наконец, в чисто революционную организацию, расширив свою деятельность далеко за пределы прежнего тесного кружка".

Одним из первых дел кружка было учреждение ссудо-сберегательной кассы для рабочих. Одним из членов кружка, италианским подданным Сквери, был составлен этот устав. При следствии Сквери показал:

„Заславский нашел, что этот устав не годится, и переделал его сначала в „устав братской кассы одесских рабочих", в котором говорилось о борьбе рабочих с привилегированными классами и с жизненными обстоятельствами, а затем окончательно в „устав Южно-Российского союза рабочих"...

По показанию другого свидетеля, Заславский говорил, что

„Необходимо учредить общество, которое действовало-бы против правительства, а ссудо-сберегательную кассу обратить в кассу этого общества, при чем кто-то заметил, что того, кто изменит обществу, можно будет убить".

По словам обвинительного акта,

„В этом „уставе Южно-Российского союза рабочих" говорится между прочим, что рабочие, сознавая, что установившийся ныне относительно рабочих порядок не соответствует истинным требованиям справедливости; что рабочие могут достигнуть признания своих прав только путем насильственного переворота, который уничтожит всякие привилегии и преимущества, — рабочие южно-русского края соединяются в один союз, поставляя себе целью: а) пропаганду идеи освобождения рабочих из под гнета капитала и привилегированных классов; б) объединение рабочих южно-российского края и в) для будущей

борьбы с установившимся экономическим и политическим порядком. О кассе союза говорится, что суммы ее предназначаются для пропаганды идеи освобождения рабочих, впоследствии же и для борьбы за эту идею. В 4-м пункте излагается правило союза: „один за всех и все за одного"; по 5-му пункту член союза, проговорившийся о существовании последнего постороннему лицу или не исполняющий в точности своих обязанностей, считается изменником; 6-й пункт требует от каждого члена готовности на всякую жертву, какая окажется необходимою для спасения союза. Остальные за тем пункты заключают в себе правила относительно взносов, порядка расходования сумм, о кассире, кружках и депутатах. В уставе говорится еще, что союз разделяется на общества, которых теперь два: Одесское и Ростовское".

Последние слова показывают, что организация рабочих не ограничивалась Одессою, и, действительно, она распространилась на целый ряд южных городов. Во „Вперед!" далее сказано:

Деятельность „союза" шла успешно до тех пор, пока в среде его господствовала та тактичность и осторожность, которой особенно отличался Заславский. К сожалению, многие из членов союза были более его нетерпеливы; эти горячие головы стремились ускорить дело, расширить поскорее организацию, стали действовать опрометчиво и неосторожно; к организации приблизили людей мало знакомых и вполне недостойных. Результатом этого было то, что одесская жандармерия напала на след и успела запастись уликами против многих из наиболее деятельных членов организации. В конце 1875 г. и начале 1876 года было арестовано в Одессе и других южно-русских городах более 70 человек, почти исключительно принадлежавших рабочему классу. Многие из арестованных были выпущены на свободу за неимением против них никаких улик. Другие купили себе свободу изменою товарищам и „чистосердечным раскаянием". К числу этих последних нужно причислить *Тавлеева*, нашедшего достойную награду за измену товарищам, в ночь на 6 сентября 1876 г., когда он был неизвестно кем убит на одном из загородных гуляний в Одессе. *Курганский*, другой изменник товарищам, не был пощажен сенатом даже за свое „раскаяние" и вместо обещанной щедрыми на посулы жандармами „кровавой платы" за погубленных товарищей был осужден наравне с другими. Из числа всех заподозренных одесскими жандармами лиц только 15 были преданы суду, после 17 месячного предварительного заключения.

Утверждали, что Евгений Заславский под влиянием неблагоприятных условий тюремного заключения сделался душевно-больным. Но, вероятно, врачи больницы св. Николая в Петербурге, куда был помещен на некоторое время Заславский, не нашли возможным дать о его здоровьи такое заключение, которое избавило бы Заславского от осуждений и дальнейшего продолжения его мучений.

„Приговором 28 мая были осуждены: Заславский, Рыбицкий и Кравченко за основание тайного общества, за принадлежность к нему и за противоправительственную пропаганду к каторге, Заславский на *десять лет*, а Рыбицкий и Кравченко на *пять лет*; Наумов, Силенко, Ляхович, Сквери и Мрачковский за принадлежность к тайному обществу и пропаганду — к ссылке в Сибирь на поселение; Лущенко, Короленко и Курганский, признанные виновными только в принадлежности к тайному обществу, приговорены к заключению в арестантские роты: первый на два года, а последние на один год. Наконец, Тараненко, Соколов, Наддачин и Волощук приговорены к трехмесячному тюремному заключению, первые три — за „имение“ у себя недозволенных сочинений, а последний — за „недонесение“.

Наконец процесс 50 был самым определенным и выпуклым выражением того, чем было и чем хотело быть русское народничество, развертывая знамя социализма пред русскою интеллигенцию и перед русским народом, при полном сознании задач социализма, но в стране, где борьба за эти задачи, за отсутствием даже самой элементарной организации рабочей партии, должна была идти не во имя классовых интересов, а во имя горячей любви к созидаемому царству справедливости.

Мы и остановимся преимущественно на этом последнем процессе.

Разгром социалистов-пропагандистов, двинувшихся в народ в 1873 и особенно 1874 г., уже совершился, когда в Москве явилась группа бывших цюрихских студенток, большею частью наборщиц „Вперед!“ в 1873 г. [1]), с целью продолжать это самое дело. К этому кружку

[1]) В брошюре „София Иларионовна Бардина“ (Genève 1883) стр. 11 (при цитатах обозначено: „Бард.“) ошибочно названа эта группа „Бремершлюссельскою коммуною“. Бремершлюссель в Цюрихе был главным центром тамошних бакунистов, как сказано выше (см. стр. 61 и след.). Группу Бардиной и ее приятельниц обыкновенно называли „Фричами“, кажется по фамилии хозяйки дома, где жила большая часть лиц этой группы.

прилил очень скоро еще новый, мужской элемент из обломков старых кружков. И вот по словам обвинительного акта („Проц. 50“) образовалось

„тайное организованное сообщество, задавшееся целью ниспровержения существующего порядка управления и водворения анархических начал в русском обществе. Это сообщество состояло первоначально из одного кружка лиц и существовало в Москве. Создалось оно под руководством и непосредственным влиянием лиц, оставивших Россию, переселившихся за границу, преимущественно в Швейцарию и возвратившихся обратно в отечество с единственной целью заняться пропагандой революционных идей среди рабочего класса империи. Таковы обвиняемые: Зданович, Кардашев, Чекоидзе, Джабадари, князь Цицианов Бардина, Фигнер, Топоркова, Александрова и сестры Субботины“.

Обвинительный акт по делу 193 говорит о деятельности Софьи Субботиной (матери трех осужденных по процессу 50-ти и попечительницы школы в селе Беломестном [1]), что она очень резко выражалась относительно религии и властей,

„говорила о деспотизме в России, о несправедливости в судах и сочувственно относилась к Нечаеву, называя его невинным мучеником; в разговорах с крестьянами Субботина проводила мысль, что с них берут слишком большие подати, которые затем тратятся непроизводительно правительством, говорила крестьянам, что „царь берет с вас подати и солдат, а вы как овцы, и деньги даете, и в солдаты идете; — скоро все будут равны, купцы и господа будут мужиками...; что обидно платить правительству такие большие деньги“

и вызывала к „войне против царя“.

Автор брошюры о „Софье Илар. Бардиной“ говорит о деятельности кружка следующее (Бард.):

„В огне быстро мужают бойцы. Цюрихские мечтательницы и идеалистки в жгучей атмосфере родины в несколько месяцев превращаются в выдержанных, стойких, искусных заговорщиц. Они вырабатывают широкий и стройный план активной организации — первый серьезный план в этом роде в последний фазис движения, так как предыдущие тайные общества этого периода, так наз. „долгушинцы“ и „чайковцы“ не вышли из аморфного состояния кружков. — Они осуществляют с большим успехом первую часть своей программы,

[1]) О ней см. выше, стр. 205.

заводя пропагандистские кружки в четырех рабочих центрах, так как по плану организаций — вполне рациональному и практичному — надлежало образовать сперва революционные кадры из городских рабочих, более доступных пропаганде, чтобы потом вместе с ними двинуться в деревни...

„Известно, что почти все женщины будущего процесса пятидесяти: обе сестры Любатович, Фигнер, Хоржевская, Каминская, а также и Бардина, разместились по фабрикам в качестве простых работниц, так как в пылу увлечения народничеством считалось чуть не изменою занять привилегированное положение, хотя бы самое скромное, избавлявшее от необходимости „делить с народом его страдания“. — Условия, при которых приходилось вести свою пропаганду этим подвижницам, были по истине ужасны. Девушки, привыкшие к барской обстановке, к чистоте и комфорту, должны были работать буквально по 15-часов в день, при отвратительной пище, состоявшей из ломтя плохо выпеченного хлеба и жидкой болтушки с мочалами вместо говядины, чем кормят своих рабочих московские фабричные тузы в роде братьев Носовых, Лазаревых и др. Каминская, так та совсем не могла есть этой пищи и довольствовалась тем, что обгрызала хлебные корки“.

И в некрологах Марии Субботиной и Бетти Каминской (см. „Общ.“ № 6—7; 10 и след.; № 8 — 9; 7 и след.) можно прочесть, как тяжело было иной из них,

„маленькой, худенькой и слабосильной девушке, смотревшей совершенно ребенком“,

работать на тряпичной или суконной фабрике, таскать двух-пудовые тюки по крутой лестнице, стоя на ногах по 14 часов, употребляя все возможные хитрости для того, чтобы вести хотя-бы кое-какую пропаганду, имея слишком часто случай впадать в уныние от неудачи и лишь очень изредка испытывая те „минуты торжества, минуты упоительного счастья“, когда, несмотря на все препятствия, той или другой из них удавалось составить небольшой кружок рабочих.

Автор биографии Бардиной продолжает:

„Рабочие выпускались на свободу только раз в неделю и потому ночевать приходилось на фабрике-же в общих спальнях, где каждой работнице отводилось узенькое место на палатях, расположенных в несколько ярусов, очень тесно, так что зимою при закрытых окнах голова кружилась от духоты и вони. Постелью служил грязный сенник и такая-же подушка, разумеется без всяких признаков белья. Количество же паразитов — было таково, что все углы и щели просто кишели ими, а по ночам они расползались по всем направлениям, грызли тело, падали с потолка на голову, так что в первые дни от нервного раздражения невозможно было уснуть всю ночь, несмотря на смертельную усталость.

„И все это выносилось для того, чтобы после пятнадцати часов бессмысленного и отупляющего „чесания“ чего-нибудь, перебирания вонючих тряпок и т. под., иметь возможность раза два-три в неделю поговорить в течение десяти минут с засыпающим от усталости рабочим о народе и его страданиях, о тяжести податей, о кровопийстве кулаков и чиновников...

„И однако-же даже при таких невозможных условиях всем московским пропагандисткам, в том числе и наименее искусным, удалось кое-что сделать, что самым убедительным образом доказывает, конечно, не разумность или применимость этого пути, а крайнюю восприимчивость русских крестьян и фабричных к социалистической пропаганде и возможность самого широкого ее развития при иных условиях“.

Бардиной удалось даже пробраться на мужскую половину помещения рабочих к одному из семейных, женою которого была ее соседка по станку, и там начались систематические чтения „Четырех братьев“ и тому подобной литературы. Дело шло, повидимому, успешно, но чрез какой-либо месяц англичанин, управляющий фабрикою, застал ее за чтением, сначала прогнал ее, а за тем, во второй раз, отобрал книги. Ей пришлось оставить фабрику, переселиться на „конспиративную квартиру“, где скоро последовали донос и арест Бардиной и Каминской 4 апреля 1875 г.

Вследствие этого первого разгрома, по указанию „Обвинительного акта“ („Пр. 50“ 68):

„Оставшиеся на свободе члены общества перенесли свою практическую деятельность в губернии, разбились на отдельные кружки, называемые в программе „общинами“ и основали в Москве центральное управление общинами под именем администрации. Обнаруженное дознанием преступное сообщество имело свой устав, точно исполняемый всеми отдельными членами, и кассу, имевшую в своем распоряжении капитал почти в десять тысяч рублей. Отдельные общины образовались преимущественно в больших городах: Киеве, Туле, Одессе, Иванове-Вознесенске — где имеются фабрики и заводы с зна-

чительным количеством рабочих и мастеровых. Эти отдельные общины имели назначение вести непосредственно дело пропаганды революционных идей, общая-же связь между общинами и сношение с другими революционными общинами поддерживались управлением, „администрациею“ преступного сообщества. Преступная пропаганда — „работа“, как говорят обвиняемые, — лежала главным образом на членах общин, именуемых „рабочими“. Члены общины, исполнявшие обязанности рабочих, нанимались на фабрики, заводы и в мастерския под видом простолюдинов и, стараясь не отличаться ни по наружности, ни по по образу жизни, костюму и привычкам от других рабочих, входили в сношение с последними, заводили с ними знакомства, старались узнавать образ мыслей, понятия и убеждения каждого отдельного лица. Затем, сообразно особенностям и индивидуальным способностям того или другого фабричного или мастерового, начинали действовать в смысле революционном, заводя прежде всего речь о трудности жизни рабочего, о недостаточной оплате его труда, эксплуатации его со стороны фабрикантов и о возможности улучшения положения рабочих. Заинтересовав слушателей с этой стороны, пропагандисты переходили к указанию средств, которыми можно, по их мнению, достигнуть улучшения быта рабочих. При этом рабочим толковалось, что земля принадлежит простому классу народа и должна быть разделена между всеми по ровну [1]); что фабричный труд должен приносить пользу только одним рабочим и что для этого необходимо уничтожить власти, помещиков, купцов, фабрикантов и всех зажиточных крестьян. Объяснение подобного рода оканчивалось прямым воззванием к уничтожению существующего порядка путем вооруженного восстания всей массы народа противу правительства и царя. Словесная пропаганда революционных идей поддерживалась книжками преступного содержания которые в значительном количестве раздавались рабочим, читались и толковались им пропагандистами в вышеуказанном направлении.

„Обязанности „администрации“, ясно очерченные в программе революционной деятельности, приложенной к дознанию, выполнялись членами, входившими в ее состав, вполне согласно с этой программой и заключались в снабжении пропагандистов всем необходимым: —

---

[1]) Это было, само собою разумеется, еще раз весьма обычное смешение старинных теорий *дележа* земли с социалистическим *владением ею сообща*. Невежество или преднамеренная ложь. — П. Л.

адресами, книгами, деньгами, бельем, одеждой, фальшивыми паспортами, в устройстве квартир, в передвижении членов, „рабочих“, из одной местности в другую, в сношениях и организации побегов арестованных членов общества“.

В рядах членов общества оказалось не малое число не только городских рабочих, но и крестьян, между прочим Петр Алексеев.

Вот эта-то группа явилась перед судом 21 февраля 1877 и, в речах Бардиной, Здановича, Алексеева, Агапова, формулировала свои задачи.

Речь Бардиной имела характер принципиальный. О ней „Вперед!“ писал („Вп.“ V, 150 и след.):

„Речь Бардиной представляет в сжатой форме полную программу социалистической партии. В коротких, но резких и ясных выражениях она высказала, чего должны добиваться русские социалисты и каким путям должны они следовать.

„Не „отрицание собственности“ провозглашают социалисты, говорила она, а, напротив, „защиту собственности“, т. е. обеспечение „права рабочего на полный продукт труда“.

„Не „разврат“ и „отрицание семьи“ вносят социалисты в свою программу, а наоборот, они стремятся ввести нравственный элемент в отношения между мужчиной и женщиной, они стараются освободить женщину от гнета, который гонит ее в проституцию, и уничтожить тот порядок, который ведет за собою временную или пожизненную продажу женщиною своего тела.

„Не „подрывания государства“ добиваются социалисты, а „обеспечения лучшего общественного строя“ на развалинах современного государства, которое не может быть „разрушено“ горстью идеалистов, но которое рушится, потому что „само в себе носит зародыш разрушения“...

„Не поголовную резню всех богатых и знатных проповедует социализм, а „уничтожение привилегий, обусловливающих разделение людей на классы, — на имущих и неимущих“...

„Не „анархии“, под которой разумеют „беспорядок и произвол“, желают социалисты, а желают они такого общественного строя, где могли-бы утвердиться „гармония и порядок во всех общественных отношениях“...

„Социалисты „стремятся ко всеобщему счастью и равенству по стольку, по скольку это зависит от общественных условий“...

„Они стремятся достигнуть этого путем „насильственной революции лишь потому, что она, к сожалению, при нынешних условиях, есть „неизбежное зло“...

„Задача современных социалистов не заключается вовсе в возбуждении бунта или резни, а в том, чтобы подготовить в народе достаточные силы для произведения неизбежной революции и достаточное понимание современных условий для лучшего устройства будущих социальных отношений.

„Эта задача может быть достигнута не „возбуждением народа к бунту“, а „внесением в сознание народа идеалов лучшего общественного строя и уяснением тех идеалов, которые коренятся в нем бессознательно“.

Эту речь Heldenmädchen (по выражению Vorwärts и „Arbeiter-Wochen Chronik“) заключила следующими словами:

„Как-бы там ни было, и какова-бы ни была моя участь, я, господа судьи, не прошу у вас милосердия и не желаю его. Преследуйте нас, как хотите, но я глубоко убеждена, что такое широкое движение, продолжающееся уже несколько лет сряду и вызванное, очевидно, самим духом времени, не может быть остановлено никакими репрессивными мерами... Оно может быть, пожалуй, подавлено на некоторое время, но тем с большей силой оно возродится снова, как это всегда бывает после всякой реакции подобного рода; — и так будет продолжаться до тех пор, пока наши идеи не восторжествуют. Я убеждена еще в том, что наступит день, когда даже наше сонное и ленивое общество проснется и стыдно ему станет, что оно так долго позволяло безнаказанно топтать себя ногами, вырывать у себя своих братьев, сестер и дочерей и губить их за одну только свободную исповедь своих убеждений! И тогда оно отомстит за нашу гибель... Преследуйте нас, — за вами пока материальная сила, господа; но за нами сила нравственная, сила исторического прогресса, сила идеи, а идеи, — увы! увы! — на штыки не улавливаются!“...

Зданович раздвинул горизонт оценки русского революционного движения, указывая на его связь с движением всемирным и с историею России. Он говорил („Вп.“ V, А. 42 и след.):

„У нас очень распространено мнение, что Россия резко отличается от западной Европы, что мы идем и должны идти по иному, своеобразному, пути. В этом мнении много правды, но им слишком часто злоупотребляют. Не надо забывать, что наука не знает национальности, что цивилизация и человеческие идеи международны. Конечно, идеалы человечества перерабатываются сообразно условиям исторической жизни народов, так что, оставаясь по существу общими для всех народов, они, т. е. идеалы, в подробностях приспособляются к условиям страны. Но изучение европейской цивилизации показало, что России вовсе не расчет выделять себя из семьи европейских народов, что, напротив, она обязана связать свою судьбу с судьбою Запада и вместе с тем работать для достижения лучших условий существования.

„Экономические основы народной жизни везде одинаковы. Как там на Западе, так и в России существует, с одной стороны, маленькая группа, назовем ее хоть группою привилегированных, с другой — масса, большинство, обреченное на безъисходные страдания. Не мало великих умов, не мало благородных сердец работало над разрешением социального вопроса. Социализм стар, как сам мир. Только формы и средства разрешения вопроса в различные исторические периоды не одинаковы. В последнее время, когда так называемый естественный ход событий получил полное развитие, когда темные стороны современной цивилизации высказались ясно, ярко, социализм стал на практическую почву, создал свою самостоятельную партию. С каждым днем силы народной партии растут; чем дальше, тем страшнее становится пропасть, отделяющая сытое, праздное меньшинство от голодного, ограбленного большинства. Одна из характерных сторон современного европейского рабочего движения заключается в том, что народы сознали солидарность своих интересов, одинаковость своего положения и подали друг другу руку для общей борьбы, так что новейшая постановка социального вопроса делит человечество не на национальности, а на притесняемых и притесняющих; мерилом группировки человеческих обществ является не территория, не язык и племенные особенности, а экономическое начало, положенное в основу народной жизни. Экономический строй везде одинаков. Спрашиваю я вас, можно-ли с этой точки зрения выделить Россию из рабочего движения?... Конечно, у каждой страны свои особенности, но главная жилка экономического вопроса абсолютно везде одинакова и поэтому-то возможна общая постановка социального вопроса для всех народов, не исключая и России. Вот почему мы видим, что развитие социализма, как идеи, шло в России почти параллельно развитию его на Западе... Русская молодежь, выработав социалистические убеждения, естественно должна была проводить их в жизнь. Первые-же ее шаги в этом на-

правлении мирного решения вопроса были неудачны... С одной стороны прогресс социальных учений на Западе, с другой домашние русские условия переработали социализм русской молодежи, социализм мирный, государственный в революционный. Она, молодежь, решилась, несмотря на все опасности, идти к цели путем революционным, и современное движение по преимуществу социально-революционное. Оно не есть явление случайное, переходящее, оно охватило почти всю молодежь, все живые ее силы. Оно не могло не коснуться и меня. Я пошел по той-же дороге, работал по мере сил и возможности для великой задачи народного освобождения и работал-бы до сих пор, еслиб не был арестован.

„Но что же такое народное освобождение, в чем оно заключается? Оно заключается в том, чтобы народный труд не эксплуатировался под каким бы то ни было видом, чтобы народное сознание не затемнялось предрассудками невежества, порождением безъисходной нищеты, и чтоб нравственность народа не падала, что неизбежно при убийственной обстановке народной жизни. Достигнуть этого возможно при полнейшей самостоятельности и автономии общин, владеющих землею и всеми орудиями производства сообща, при свободе труда и обязательности его для каждого индивидуума. Вот мои стремления. Средством для их осуществления по моему служит: ввести в народ сознание солидарности своих интересов, осмыслить народное недовольство, соединить разрозненные силы и сообща добиваться более справедливых условий существования. Что положение народа невыносимо, что недовольство его велико — это факт, не подлежащий сомнению. Но надо воспользоваться этим фактом не для бесплодных единичных вспышек и бунтов, а для более серьезного, прочного решения вопроса... В настоящее время молодая сила, не успевшая погрязнуть в тину практической жизни, абсолютно не понимает, как можно не работать в интересах народа, как можно сидеть сложа руки, или опасаться последствий своих честных стремлений. Самоотверженность сделалась явлением обыкновенным; создалась, так сказать, социалистическая атмосфера, именно такие условия, которые предвещают успех современному движению.

„Помимо причин, указанных выше, т. е. того, что в русском народе живет идея социализма, равенства, выразившаяся в общинном землевладении, помимо самопожертвования и преданности своим убеждениям русской молодежи, будущее настоящего движения обеспечено

еще общими историческими условиями. История развития элементов русской жизни многим разнится от истории развития западной Европы. Там мы видим сильно развитую политическую жизнь, множество партий всяких оттенков, борьбу интересов различных общественных груп. Ничего подобного в России не существует, и на это есть своя историческая причина. Образование партий там было неизбежно: нарождались известные интересы, идеи, которые группировали людей в одну тесную, организованную партию. Борьба началась там с испокон веков и шла таким путем: сперва создавались интересы общественные, сословные, а потом они получали уже стройную систему, обращались в теорию. Каждая из европейских партий стояла в свое время впереди движения, представляла собою прогрессивную силу, была обладательницей передовой мысли. Ни одна партия не может иметь будущего, если она не способна жертвовать личностями для общих интересов; ни одна партия не может быть живою, сильною партией, если члены ее не вложили всю душу в дело свое. Помимо этого партия бывала сильна и представляла передовую мысль до тех пор, пока не отделяла своих интересов от интересов народа. Между тем в России никакой жизни, никакой борьбы наблюдать нельзя. Начало русской истории повидимому заключало в себе элементы развития политической жизни. Но вот наступила татарщина, все заглохло. В этой тишине, во время этого народного сна, работала одна сила — сила монархическая. Со времени свержения татарского ига все интересы олицетворяются в государственной власти, все взоры обращены к ней. Дворянство теряет всякое самостоятельное значение, члены этого сословия — слуги и холопы царские. Буржуазии нет. Народная партия и народная свобода, уцелевшие от татарского погрома, были уничтожены государственною властью. Великий Новгород и Псков пали. Партий не могло быть...

„Я хотел этим указанием на исторические факты установить то положение, что в России немыслимо образование партий, так сказать привилегированных, сословных. Они упустили удобную историческую минуту. Я хотел указать на всю законность социально-революционного движения и на то в особенности, что одна народная партия имеет будущее, как потому, что представляет интересы большинства, так и потому, что она одна стоит на высоте развития передовых идей нашего времени. Она сильна, сильна единством, чистотой своих принципов, самоотверженностью своих членов. Победа ее несомненна.

Первые жертвы, гибель многих ее членов, еще более придают ей силы и нравственного достоинства. Я глубоко верю в победу народа, в торжество социальной революции".

Речи Алексеева и Агапова представляли ту важную особенность, что они произнесены людьми из народа. По словам „Вперед!" („Вп." V, А, 30 прим.).

„Алексеев — простой рабочий из крестьян Смоленской губернии, Сычевского уезда, деревни Новинской, не получивший образования ни в одном из учебных заведений, но упорным самостоятельным трудом достигший весьма серьезного развития и начитанности". Его речь сказана 10 марта 1877 года вместо защиты. На предложение судей Петру Алексееву выбрать себе защитника он отвечал: „Что мне защищаться?! Какой смысл имеет защита, когда всякому известно, что в подобных процессах приговор суда бывает составлен заранее, так что весь этот суд есть не более, как комедия: защищайся не защищайся — все равно! Я отказываюсь от защиты".

О речи Алексеева то-же издание говорит („Вп." V, 155 и след.):

„Алексеев ярко обрисовал причины, влекущие русский рабочий народ на революционную дорогу. Целым рядом положений он показал, что русский рабочий человек, как был крепостным, как был рабом, так и остался рабом и крепостным. Работая невероятное число часов, он не имеет возможности даже добыть себе черствого куска для пропитания. Он не может удовлетворить самым насущным своим потребностям; он задавлен трудом; он не имеет свободной минуты для удовлетворения высшим человеческим потребностям; он лишен всяких средств для образования, как для себя, так и для детей своих, и даже с трудом добытая грамотность дает ему возможность пользоваться лишь жалкой „литературой", специально фабрикованной для отуманивания, отупления, развращения народа; с ним обращаются не как с человеком, а как со скотом; не допускается даже мысли о том, что рабочий может иметь высшие потребности, может стремиться „не походить на животное"; малейший признак человеческого достоинства, ничтожнейший протест его против обиды и притеснения заглушаются розгами, тюрьмами, каторгой. „Неужели, восклицает он, мы, работники, ко всему этому настолько глухи, слепы, немы и глупы!" „Неужели мы не видим, куда девается наш труд!" „Неужели мы можем питать против капиталистов какое-либо чувство, кроме ненависти!" Нет, отвечает он сам, „мы с малолетства закаляемся терпеть *до*

поры!" Единственный выход для русского рабочего это — восстание против притеснителей. Не страшат его казни, мучения, каторга. Он с малолетства уже приговорен к пожизненной каторжной работе, при естественных условиях жизни, мало чем отличающихся от искусственных „научных" условий содержания в каторжных тюрьмах. Все старания притеснителей задавить в нем протест будут тщетны, и, не смотря на все усилия охранителей порядка, настанет наконец время, когда „подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!"...

„В конце своей речи Алексеев, от имени русского рабочего люда, обращается с горячим словом к русской интеллигентной молодежи, которая „одна подала свой голос на все слышанные крестьянские стоны", „которая одна братски протянула рабочим руку".

Агапов, тоже рабочий, свою краткую речь заключил следующими словами („Вп." V, А, 170):

„Я много думал о средствах улучшения быта рабочих и наконец сделался пропагандистом. Цель моей пропаганды заключалась в том, чтобы подготовить рабочих к социальной революции, без которой им, по моему мнению, никогда не добиться *существенного* улучшения своего положения. Я не раскаиваюсь в своих поступках; я твердо убежден в том, что не сделал ничего дурного, а только исполнил свой долг, долг всякого честного рабочего, искренно, всей душой преданного интересам своих бедных замученных собратий! Более сказать я ничего не имею".

Процесс „50 москвовок", происходивший еще при достаточном участии публики, произвел на общество громадное впечатление. Сонное и трусливое общество сознало, что оно в состоянии выработать нравственных героев и героинь, готовых жить и страдать за свое убеждение, при том не как за фанатическое верование, а как за продуманное и ясно понятое учение. Судьбы этих пионерок русского социализма были различны. Одни пережили трудные годы заключения и ссылки и получили возможность отдохнуть при лучших условиях личной жизни, хотя находились и находятся постоянно под опасностью новых преследований. Другие добыли (даже не один раз) свободу смелостью и энергиею. Третьи, измученные тюрьмою, умерли, призывая в предсмертной галлюцинации дорогих им подруг: „Лидию и Ольгу". Были и такие, которые решились положить конец своей жизни, уже ненужной, по их мнению, для дела, которому они посвя-

более или менее платонически или даже равнодушно к делу социалистической проповеди, которая, собственно, и вызвала революционное движение молодежи, хлынувшей в народ. Это основное принципиальное противоположение фракций не было далеко таковым, чтобы не допускать их сближения и соглашения, а следовательно, и организации революционной партии, общей для всех фракций, нашедших общую почву действия. Подготовители социальной революции должны были на фактах увидеть, что подготовлять приходится интеллигенцию и массы не только к восприятию социалистических идей, но также к политическому перевороту, так как данные для последнего в значительной мере отсутствовали в традициях русского общества, и этот переворот, в своем подготовлении, требовал организации не только проповеднической, но и боевой; при этом не в народных массах, а в интеллигенции приходилось искать элементов подготовляющей боевой организации. Бунтари, надеявшиеся вызвать немедленную революцию „к весне“ или „к осени“ [1]), должны были еще скорее убедиться, что бунты и народные восстания, имеющие некоторые шансы успеха, неизбежно приходится „подготовлять“; теоретические анархисты принуждены были сознаться, что революционную партию, как все прежние и будущие боевые партии мира, следует *организовать*, следовательно подчинять дисциплине, оставляя на дальнейшую эпоху торжества над врагами полную самостоятельность деятельности групп в партии и убежденной личности в группе. Якобинскую иллюзию в ее наиболее чистой форме разрушить было труднее. Здесь именно причина того обстоятельства, что, начиная с эпохи чисто-народнической пропаганды, через все последующие фазисы „Земли и Воли“, „Народной Воли“ и современных попыток выработки программ — новых или старых подновленных — продолжала и продолжает существовать проповедь более или менее чистого якобинства. Оно выступало и выступает иногда в форме требования *прямо устранить* социалистические задачи; иногда как проповедь *временного* оставления их в стороне; иногда как *скрытая* социалистическая тактика, выставляющая на вид лишь политические задачи; влияние якобинизма можно признать и в теории *разделения двух моментов* революционной деятельности, при чем *сначала* надо разрушить абсолютизм, а *потом уже* озаботиться о социальной рево-

[1]) См. выше, стр. 181 и след.

люции. Ничто не мешало якобинцам последних трех оттенков признавать социалистические принципы и становиться под социалистическое знамя.

И так, с основной принципиальной точки зрения, не было препятствий к сближению полемизирующих фракций и к уступкам, которые могли повести к общей организации. Раздоры в заграничной литературе, а отчасти в кружках народников-пропагандистов, шли преимущественно на почве второстепенных пунктов или на почве личного раздражения, и подобные же мотивы легко заметить в полемике двух социалистических фракций против „набатчиков“.

„Бакунисты“ и „впередовцы“ в печати и в кружках в России спорили преимущественно о роли знания в революции, при чем, как было сказано выше, спор был вызван недоразумением. И в статьях самого Бакунина, и в наиболее обдуманных работах его сторонников можно найти прямые указания на пользу или даже на необходимость для русского революционера социологических знаний и ознакомления с народным бытом, с народными потребностями в России. Но и „Вперед!“ во всех изданиях, появлявшихся под его фирмою, требовал от революционера умственного упражнения и знания лишь в той мере, в какой это упражнение и это знание могли служить целям социальной революции. Как только в ряды бунтарей стало проникать сознание, что не обойтись без некоторого *подготовления* к бунту и себя — агитатора — и народа — предмета агитации, — так вопрос о пользе знания и споры, сюда относящиеся, сами собою заглохли.

Но в период, о котором идет приемущественно речь в этой статье, именно этот пункт вызвал самые оживленные и ожесточенные прения. Об этом спорили в библиотечной зале в Цюрюхе, на Выборгской стороне в Петербурге, в Киевской коммуне. Редакции „Вперед!“ приходилось посвятить этому две большие статьи (I, 217 — 246 и III, 153 — 187) в непериодическом его издании и несколько раз возвращаться к тому-же вопросу в двухнедельной газете в (наприм. № 14: Социалистическая и буржуазная наука“ стр. 417 и след.). „Вперед!“ выражался весьма определенно об ученых индифферентистах („Вп.“ I, 241):

„Это, действительно, с точки зрения нравственности, люди далеко не передовые, потому что какой-же человек, нравственно развитой, способен работать в своей лаборотории, когда его соотечественники режутся на улицах в бесконечном ряде переворотов, ни один из которых не может выработать прочного общественного строя?“

В среде-же революционной молодежи было распространено мнение, „что в самом приобретении знаний заключается нечто развращающее, что русская молодежь может увлечься наслаждением этого умственного пира, в кабинетном эгоистическом наслаждении ученых специалистов забыть о своем долге идти на помощь народу, забыть о практической стороне деятельности, для которой она обратилась к знанию; путь к революции через обширную область знания может сделаться в ее глазах сам для себя целью, и вместо поколения революционеров мы получим поколение филистеров, книгоедов, для которых познание будет само по себе идеалом, ученый диспут будет самой интересной битвой, заменение одной книжной теории другою — самой прогрессивной революцией“.

И вот в редакцию „Вперед!“ приходили письма раздраженных народников. В этих письмах, во имя „фактов жизни, реальных потребностей и свойств натуры нашего юношества“, во имя того, что „современное знание“ есть „монополизированная сила“, статьи редакции по этому предмету признавались „прямо вредными“. В этих письмах авторы их отказывались не только от точки зрения, учившей „накоплять знания“, но и от требований „развивать критическую мысль“. В них с отвращением говорилось, что статьи „Вперед!“ содействуют тому, что в русской молодежи „начал слагаться идеал вполне цивилизованного ученого пропагандиста идей отщепенства“ (см. „Письмо из Петербурга“, „Вп.“ III, 147 — 153). Ходила в Цюрихе легенда, будто на одном из петербургских собраний молодых социалистов было предложено или даже вотировано сожжение редакционной статьи „Знание и революция“ и будто-бы это предложение принадлежало одной из самых деятельных и симпатичных народниц того времени.

Гораздо существеннее приходится признать полемику об элементе государственности, в которой все три фракции были заинтересованы, но в которой роли одной из них значительно изменились в продолжении рассматриваемого здесь промежутка времени. „Вперед!“, при своем появлении, почерпнул весь свой персонал (кроме главного

редактора) из рядов бывших анархистов [1]) и лишь личные раздоры (доходившие до voies de fait) этого персонала с тогдашним персоналом руководителей бакунистов, война Forsthaus'а с Bremerschlüssel'ем, дали редакции возможность с самого начала заявить, что она будет беспристрастно отдавать отчет о фактах заграничной борьбы марксистов с бакунистами, и позволили ей провести последовательно эту тактику беспристрастия в своих изданиях. Что касается принципиальных статей, в них близость точек зрения обеих социалистических фракций была такова, что многие из этих статей могли бы быть одинаково удобно приписаны как той, так и другой [2]). Внимательный читатель мог бы лишь заметить, что „Вперед!“ с самого начала — и чем далее, тем более — напирал на важность „организации“ — следовательно дисциплины — не вступая, впрочем, ни в какую полемику с „анархистами“ по этому предмету. Однако самой редакции „Вперед!“ пришлось сознаться, при перемене главного редактора („Вп.“ № 48; 789), что она заслужила „может быть, справедливое обвинение“ в том, что долго не касалась практических вопросов о „политике партий“, о „их организации“ и т. под.; что на это были „свои причины“ (именно, это было нежелание усилить и подчеркнуть раздор между социалистическими группами по этим вопросам). В России, именно в кружках наиболее близких в теории „подготовления“ революции путем расширения „знания“, проявлялись наиболее практические попытки организации. Выше было указано, что киевские „чайковцы“ отличались своею осторожностью в привлечении членов; что одесский кружок Волховского из всех кружков того периода наиболее вырабатывал задачу организации и в то же время выказал наиболее сопротивления неудержимо-распространявшемуся влиянию „анархистов“; что, наконец, кружок, выставивший личности процесса 50-ти, большинство которых находилось в Цюрихе в тесной связи с редакцией

[1]) Мне памятен случай, когда в одном разговоре в Цюрихе один из самых влиятельных сторонников „Вперед!“ в России серьезно говорил в присутствии своих товарищей: „Мы все анархисты!“

[2]) В записке „землевольца“ как бы отожествляется разделение двух „течений“ бакунистов и подготовителей с принципиальным противоположением „анархии“ и государственности“. Но это едва-ли точно, так как, насколько известно, не только в литературе „впередовцев“ принцип государственности не встречал особой защиты, но и личности, наиболее влиятельные в их группах, были всего скорее федералисты, а не централисты.

„Вперед!", прямо уже поставил вопрос об организации во главе практических задач своей деятельности. Однако, до появления „Набата" не являлось необходимости уяснить отношение между требованиями революционной организации и принципиальною точкою исхода „анархизма".

С выходом брошюры Ткачева „Задача революционной пропаганды в России" и с появлением „Набата" эта неопределенность делалась уже едва ли дозволительною. „Набат" самым решительным образом ставил, вместе с преобладанием — или даже исключительным господством — политических задач над экономическими, отрицание самых начал анархизма, противополагая государственные приемы и особенности революционной борьбы и революционных идеалов социалистическим принципам. Приходилось разобраться в этой полемике как раз в ту минуту, когда личное раздражение между фракциями, особенно в лице их представителей в литературной полемике, достигло своего максимума. Тогда, в брошюре к „Русской социально-революционной молодежи", в единственном выпуске тома IV непериодического „Вперед!" („Государственный элемент в будущем обществе") и в нескольких передовых статьях газеты редакция „Вперед!" выставила теорию „необходимого", но все „уменьшающегося минимума" государственной власти в разные эпохи, с „возможностью" для него „дойти до нуля" лишь тогда, когда социалистическая „солидарность общего труда в свободных союзах охватит все общество". Во имя требования доведения до минимума государственного элемента в социалистическом движении подвергалась резкой критике теория „Набата". Эта теоретическая постройка, в своем изложении, была в значительной степени окрашена существовавшим раздражением, на которое было только что указано, и не могла не вызвать недовольства в разных сферах социализма.

В России признание „необходимого в каждую данную минуту общественной жизни минимума государственной власти" вызвало неудовольствие не только в рядах бакунистов, но и во многих впередовцах, оставшихся в теории при принципах анархизма, несмотря на свое признание требований организации. Это, отчасти, повело к изменению редакции „Вперед!", а затем и к прекращению этого издания, о чем будет сказано ниже. Если бы последнее продолжало существовать, то чрез очень недолгое время эта теория минимума власти, необходимого при всякой революционной организации, вероятно, нашла бы себе поддержку в фактах самого русского движения.

Однако же, в 1874—76 годах раздражение „бунтарей" против „подготовителей", особенно в заграничных публикациях, не имело оснований уменьшиться, так как представители последнего направления выступили до некоторой степени и агрессивно против анархии. Они не только заявляли в печати („Вп." № 48) и в речах пред судом („Вп." V, 151) необходимость „организации революционных сил", высказываясь не за „подрыв государства" и не за „анархию", а за „обеспечение лучшего общественного строя" и за „гармонию и порядок во всех общественных отношениях". Они, в то же самое время, указывали („Вп." IV, 15), что из рядов бакунистов вырабатывались параллельно и политическая программа „альянсистов", пытавшихся „организовать самую энергическую власть в среде современного социализма", и самые крайние анархические секции Швейцарии и Бельгии, при чем последние при формулировке своих задач тем не менее не могли не внести „элемент обязывающей и принудительной власти в построение будущего общества" и даже прямо высказывались:

„Рабочие, ... государство должно принадлежать нам".

Может быть наиболее раздражительным поступком в этом отношении была весьма нетактичная формулировка извещения о смерти Бакунина („Вп." № 36; 402), в котором было сказано между прочим: „он слишком часто был окружен людьми, его недостойными и компрометировавшими его своей близостью".

Эта неосторожность, вызванная раздражением полемики той эпохи, имела бы, вероятно, гораздо более вредное влияние, если бы в июле 1876 г., когда появились эти строки, положение дел в России было то же, что в 1874. Тогда значение заграничной русской революционной литературы было уже потому велико, что пропаганда помощью печатных листков была одним из самых распространенных приемов революционной деятельности, следовательно и на все частности ее проявления обращали большое внимание, особенно вследствие борьбы фракций. Но в 1876 г. упомянутое значение быстро ослабело, вследствие изменяющегося характера движения в России. И специально-народническая пропаганда с целью народного восстания, как единственной формы переворота, и анархизм самостоятельных групп отживали свое время, а потому и вопрос о характере той или другой фракции не вызывал уже особенного внимания.

Еще раздражительнее была полемика пропагандистов социальных идей с представителями якобинизма, для которых эти идеи были весьма второстепенным делом, если даже не ненужною роскошью в России.

В ответной брошюре Ткачеву редактора „Вперед!“ заключались очень резкие нападки на личность представителя якобинизма („Р. Мол.“, 6); на его сочувствие „диктатуре“ (41), хотя бы революционной; на его стремление возбудить „животные страсти“ у строителей царства справедливости (см. „Р. Мол.“ 44 и выше стр. 147); на его систематическое распределение в революционном деле ролей между „заговорщиками, агитаторами и пропагандистами“. Этому противополагалось указание на неизбежную связь „пропаганды, агитации и организации“ в этом деле и на важность в настоящую эпоху для революции социалистических принципов, которые одни внесли определенность в революционные задачи („Р. Мол.“, 32, 37, 53).

С другой стороны „Набат“ признавал („Ор.“ 65) „подготовителей“ или, по его выражению, „теоретиков выжидания“ более вредными, чем „сознательных реакционеров“. Однако, позже, „Набат“ настаивал не только на возможность, но даже на необходимость „набатчикам“ и „социалистам“ войти в общую революционную организацию („Организация социально-революционной партии“ в „Ор.“ 88 и след.).

Когда появился в 1876 г. „Государственный элемент в будущем обществе“, носивший на себе следы изменившегося настроения в революционной молодежи в России, „Набат“ подверг его (номера 1876 и 1877 годов) строгой критике, с насмешкой подчеркнул разницу, обнаруженную во „Вперед!“ за два протекшие года, намекая на то, что будто точка зрения „Набата“ восторжествовала и у его противников (особенно см. примеч. в конце № 1—2 за 1877 г.). Дело было в том, что социалистическое движение как в России, так и за границею для своего торжества требовало новых, еще не пройденных фазисов „подготовления“ (т.-е. того самого принципа, за который особенно стояла редакция „Вперед!“). В России успех социалистической проповеди приходилось подготовлять отвоеванием ей юридической свободы; за границею рабочее государство без территории нуждалось в подготовлении укреплением национальной организации социалистов в разных странах [1]).

[1]) Социалистическое движение в России, как в Европе, подвергаясь эволюции под влиянием событий, принуждало к сделкам с реальными явлениями; иногда вносившими модификации и в принципиальные, повидимому положения. В этом отношении строгие критики направления „Вперед!“ могли бы сделать его редакции более важный на первый взгляд укор, опираясь на ход истории социализма в последующие годы. „Вперед!“ видел в международном рабочем государстве без территории социалистический идеал Интернационала и потому относил к *отклонениям* от этого идеала как образование *национальных* социалистических партий, стремящихся овладеть законодательной властью в *существующих* политических организмах, так и борьбу социалистов в союзе с буржуазными радикалами, в одном случае, за всеобщее право голосования, в другом — за национальное обособление, и т. под. Именно во „Вперед!“ можно было прочесть следующее („Вп.“ IV, 2):

„Международная Ассоциация рабочих должна быть... государством особого рода, именно *государством без территории*, с центральной властью Генерального совета, с разветвлениями, ему подчиненными, в федеральных советах, в местных советах, в центральных органах союзов однородных ремесл, распространенных па разные страны, наконец в элементарных социальных клеточках нового строя, в секциях. Этой грандиозной идее всемирного политического союза пролетариата с крепкой организацией явилась оппозиция с разных сторон.

„Во-первых, частью извне Интернационала, частью внутри его, деятельно пропагандировалась идея всенародного законодательства для всенародных целей в пределах *существующих* политических национальностей, на почве *существующей* государственности; это вело к образованию различных рабочих партий в нынешних государствах, партий, из которых одни — в государствах с более демократическою конституцией (как в Америке, в Швейцарии, во Франции) прямо стремились захватить законодательство *нынешних* государств в свои руки, отодвигая на второй план „рабочее государство без территории“; другие — в государстве, где не существовало всеобщего права голосования, употребляли все свои силы на политическую агитацию для получения этого права, опять-таки отодвигая на второй план агитацию в пользу международного союза пролетариата для повсеместной борьбы против его врагов соединенными силами“.

Насколько в этом и во всех других подобных исторических условиях первую роль играла задача о надлежащем подготовлении к историческому делу, настолько и в русском движении все очевиднее и настоятельнее становился вопрос о подготовлении в России социального переворота, во-первых, путем усвоения участниками движения знания и понимания условий деятельности в России, во-вторых, путем организации революционной партии. Все остальные ошибки и уступки случайным обстоятельствам, увлечения раздорами и т. под. теряли важность перед *этою* задачею; вредными явлениями были особенно те, которые мешали ее удачному решению.

Вследствие этого, в эту переходную эпоху, приходится обратить внимание на две группы явлений, из которых одни, при данных условиях, можно признать нормальными и здоровыми симптомами кризиса, пережитого около 1875—78 гг. русскою социалистическою интеллигенциею; другие же приходится отметить как патологические.

Но в этом случае редакция „Вперед!“ как бы оказалась неправою, не угадав ближайшей будущей истории. То, что она признавала „отклонением“, сделалось, в действительности, нормальным явлением. С той эпохи, когда Генеральный совет Интернационала, перенесенный в 1872 г. в Сев. Америку, закрыл в 1876 г. свои заседания (см. „Вп.“ № 48; 811 и след.), и до самого последнего времени задачею организованных рабочих всех стран сделалась самостоятельная национальная организация их в каждой стране, на основании той самой програмы, которую выставил Генеральный Совет Интернационала при его основании, и достижение политического господства в каждой стране.

С первого взгляда, действительно, можно бы признать это историческое явление противоположным идеалу, выставленному во „Вперед!“. Однако, может быть, дозволительно сказать, что в этом случае обнаружилась в самой ошибке писавшего предыдущие строки необходимость лишь строже и шире приложить в данном случае тот самый принцип „подготовления“ всякого крупного общественного переворота, который был выставлен на первое место изданием, о котором идет речь. Классовое сознание рабочих разных стран в 1864—74 гг. и условия их организации были достаточно развиты, чтобы выработать *идею* „государства без территории“, охватывающего трудящееся население всего цивилизованного мира, и чтобы наметить его рациональные формы. Но это самое сознание и эта самая организация не доросли еще до того, чтобы обойтись без некоторых „подготовляющих“ процессов: необходимо было скрепить союз рабочих на почве национальной культуры; необходимо было упражнять их в солидарной деятельности на почве местных политических вопросов, избирательной борьбы и т. под. „Рабочее государство без территории“ осталось международным идеалом рабочего социализма; „этот идеал, скрепленный основными статутами союзов рабочих всех стран, выступал в большей части случаев, как регулятор при национальных или чисто политических увлечениях; но надлежащее осуществление этого идеала в жизни требовало еще подготовления, которому и посвящали свою деятельность руководители движения, начиная с 1876 г., постоянно восставая на международных конгрессах (наприм. на парижском 1889 г.) против возобновления старого Интернационала 1864—76 годов; против этого возобновления восставали не по принципу, а по недостаточной „подготовке“ национальных рабочих организаций и юридических условий в разных государствах для его осуществления в жизни.

К первой группе прежде всего можно отнести указанное уже мимоходом выше сближение групп различных програм и уменьшение раздражения в их отношениях между собою. Так, в конце 1876 года в одной из корреспонденций, полученных из России редакцией „Вперед!“, было сказано („Вп.“ № 48; 783):

„В среде искренних революционеров в настоящее время становится все меньше как мирных пропагандистов, мечтающих о бескровной социальной революции, так и чистокровных бунтовщиков, рассматривающих революционное дело с точки зрения одного кулачного права. Не существует какой-нибудь демаркационной линии между этими фракциями и той сектаторской исключительности, какова была два-три года тому назад. Каждая группа, считая свою деятельность наиболее целесообразной, признает в то же время большее или меньшее значение и за деятельностью других групп. По крайней мере, уже весьма редко партиозность в революционной среде доходит до такой степени, чтобы целая фракция считала другую фракцию безусловно враждебною себе и чтобы ничего не могло быть между ними общего; напротив того, делая взаимные услуги, они стараются организоваться на началах солидарности, устраивая общие учреждения и вообще стараясь иметь возможно больше точек соприкосновения“.

По сведениям, сообщенным из других источников, в России происходило в это время не сближение партий, а просто исчезание старых групп, которые сами собою ослабевали и распадались, потому что на очереди были другие задачи.

Во всяком случае, к попыткам сближения, значение которых теперь оценить уже довольно трудно, приходится отнести следующие факты, лично известные пишущему это.—Весною 1875 г. в Лондон явился один из самых крупных и искусных организаторов тех „чайковцев“ и других из них развившихся групп, которые всего далее до тех пор держались от „подготовления“. Он привез план общей деятельности с „вперед овцами“ как этих групп, так и нового кружка „москвок“ (будущего проц. 50), уже гораздо более близких к „вперед овцам“. Этот план был принят с большим сочувствием, был обсуждаем и установлен в подробностях самым приятельским образом. Зная уважение и внимание, которым пользовалось это лицо в России, редакция „Вперед!“ была уверена, что для возможности общей федеративной деятельности с разделением труда между группами представлялась прочная почва и прощалась с посетителем с полными надеждами.

Однако эти надежды не оправдались. В России, в кружках, предлагавших сторонникам „Вперед!" общий план действия, оказались элементы, оппозиционные этому союзу или склонные исказить его характер, и всякая дальнейшая работа в этом направлении прекратилась. — Едва стоит упоминать о другой мимолетной попытке подобного рода, попытке, имевшей почти комический характер, именно о приезде в ту же лондонскую редакцию лица, выдававшего себя за представителя якобинцев в России. Он предлагал устроить за-границею съезд представителей всех революционных русских групп и принять на этом съезде (*эмигрантов в большинстве случаев*) решения относительно революционной тактики, которые были бы *обязательными* для всех групп в России. Вне этого плана он обращался к сторонникам „Вперед!" с просьбою по крайней мере „не мешать" им, русским якобинцам, действовать по своему в России, где, утверждал он, их находится до 100.000. Само собою разумеется, что план диктатуры съезда *эмигрантов* для революционной тактики *в России* был отвергнут даже без серьезного обсуждения [1]). Относительно же второго пункта редакция ответила, что если „якобинцев" в России так много, то „социалисты-подготовители" им нисколько мешать не в состоянии, так как сторонников этой программы гораздо менее [2]).

Подобное этим попыткам сближения явление представляло и уменьшение резкости в полемике. Примеры тому представляет полемика редакции „Вперед!" с некоторыми ее корреспондентами. Так один из них видел важное препятствие для тактики „пропагандистов-подготовителей" в том обстоятельстве, что русский народ проникнут будто бы „монархическим" миросозерцанием („Вп." № 31: „К вопросу об условиях революции в России" и передовая статья: „Народное миросозерцание и социальная революция"), а другой склонялся к якобинским взглядам и слишком резко противопоставлял революционно-

[1]) Редакции „Вперед!" пришлось тем не менее разбирать и опровергать подобный же проект, предложенный одним из ее корреспондентов (см. „Вп." № 34; 316 и след., 337).

[2]) Этот посетитель с оригинальными предложениями и просьбами — то самое лицо, о котором говорилось выше в примечании к стр. 155.

педагогическую роль интеллигенции более пассивной роли народа („Вп." № 34: „Насущные практические вопросы" и передовая статья: „Роль народа и роль интеллигенции").

Трудно также не признать стремления к сближению между направлениями разных фракций в литературе той группы, которая издала „Сытые и Голодные", „Работник" и „Общину" [1]).

Этот период более спокойного отношения к раздражающим и аффективным элементам движения и большей критики приемов, перед этим употреблявшихся, представлялся большинству наблюдателей как эпоха „затишья", о которой новая редакция „Вперед!" говорила в 1877 г. (см. „Вп." V, 129 и след.):

„Вслед за лихорадочною деятельностью, охватившею с 1873 году русскую революционную молодежь, в течение нынешнего 1877 года наступило внешнее затишье. Кипучая заграничная литература, еще недавно насчитывавшая по нескольку одновременно выходящих в Лондоне и Швейцарии органов и выпускавшая в свет десятки тысяч книг, брошюр, памфлетов и пр., теперь почти замерла. Внутри России тоже замечается некоторое внешнее спокойствие. Не слышно теперь о массовых движениях университетской молодежи „в народ", в роде того движения, которое столь неожиданно поразило русское общество в лето 1874 г., когда сотни, если не тысячи, молодых людей и женщин вдруг побросали профессорские схоластические тетрадки, покинули усыпляющие аудитории и, запасшись только что вышедшими революционными книжками, направились на пропаганду социальной революции в деревни и на фабрики. Затихли среди этой молодежи прежние горячие споры о „знании", о „пропаганде и агитации", о „необходимости превращения в простого рабочего", о „федеративной и централистической организации" и пр., и пр. Приумолкли толки сонного провинциального общества о многочисленных арестах в среде университетской молодежи и в среде рабочих. Ослабело, если не приостановилось, дикое и бестактное „избиение младенцев" — преследование гимназистов и гимназисток, и, если и теперь продолжаются

[1]) Особенно на статьи Аксельрода и Стефановича в „Общине" (№ 8,—9) было уже указано в главе 4, стр. 158 и след.

прежние преследования социалистов и аресты за какую-нибудь книжку, то ни по количеству задерживаемых лиц, ни по серьезности обвинений против них, ни по огульности этих внутренних забалканских походов эти аресты не могут идти в сравнение с прежде бывшими".

Но в эпоху этого „затишья" шла более обдуманная организационная работа. Это было время, когда А. Дм. Михайлов, по свидетельству его автобиографических заметок („На Р." № 3; 16 и след.), возвратившись летом 1876 г. в Петербург „уже социалистом-революционером", входил в организацию нового кружка, о котором он (там же) говорит:

„В теории выдвигалось новое народническое направление, чрезвычайно мне сочувственное, на практике строилась организация, соответствовавшая моим мечтам... Все мои помыслы были сосредоточены на расширении практической выработки и развитии организации"...

Приходилось вести „самую упорную борьбу против широкой русской натуры", переносить не мало неприятностей и насмешек.

„Но все-таки, в конце концов, сама практика заставила признать громадную важность для дела наших указаний, казавшихся иногда мелкими. Мы также упорно боролись за принципы полной кружковой обязательности, дисциплины и некоторой централизованности. Это теперь всеми признанные истины, но тогда за это в своем же кружке могли глаза выцарапать, клеймить якобинцами, генералами, диктаторами и проч. И опять таки сама жизнь поддержала нас — эти принципы восторжествовали...

„В 1877 году весной почти весь кружок народников, местным своим составом вместе с десятками связанных с ними людей, двинулся в народ, так как там, в организации народных вожаков и местных экономических протестов, были все его надежды. В Самаре, Саратове, Царицыне, Астрахани, на Урале, в Ростове, на Кубани, вообще на юго-восточных окраинах образовался ряд поселений; но центр был Саратов".

Это были те „троглодиты", из которых выросли две последовательные организации, игравшие уже историческую роль как таковые, именно организация „Земли и Воли"[1]) и затем „Народной Воли".

---

[1]) Для этого см. в предыдущей книжке: *Е. Серебряков*: „Общество Земля и Воля". — О „пропагандистах" см. Alph. Thun: „Geschichte der Revolutionären Bewegung in Russland" (1883 г.), 121 и след.

Среди этих же народников-троглодитов, поставивших себе главною задачею правильную организацию умелых и сдержанных конспираторов в среде народа, выработались и личности, способные дать этой организации необходимое орудие для непосредственного действия на русское общество: типографию, способную просуществовать некоторое время в самой России на зло полиции и отзываться на все вопросы дня немедленно печатным словом. Автор „Подпольной России" пишет об этом („Подп. Р," 127 и след.):

„Потребность в местной подпольной печати, которая-бы могла немедленно отвечать на всякие злобы дня, делалась все более и более настоятельной... Но, казалось, какой-то злой рок тяготел над попытками этого рода: все они оказывались крайне недолговечными... После многочисленных попыток, терпевших одна за другой жестокую неудачу, устройство тайной типографии всеми было признано делом не только трудным, но прямо невозможным, праздной мечтой, ведущей лишь к бесцельной трате денег и гибели лучших сил. Мысль о тайной типографии была отброшена окончательно. Люди „серьезные" просто не хотели больше об этом слушать.

„Нашелся, однако, мечтатель, фантазер, который ни за что не соглашался признать непреложность общепринятого мнения и с жаром доказывал, что даже в самом Петербурге можно устроить типографию, и что он ее устроит, если только его снабдят необходимыми средствами.

„Мечтателя этого звали Аароном Зунделевичем... После многих усилий Зунделевичу удалось побороть недоверие товарищей и получить на свою затею около 4.000 рублей. С этими деньгами он отправился за границу, закупил там и доставил в Петербург все необходимое и, наконец, выучившись набирать сам и преподав это искусство еще четырем из своих друзей, он устроил с ними в 1877 г. в Петербурге тайную типографию, первую, которая была достойна этого имени, так как она правильно работала и выпускала в свет довольно порядочные брошюрки, а впоследствии и газету.

„План Зунделевича был так прост, естествен и умен, что целых четыре года, несмотря на упорнейшие розыски, полиция не могла напасть на след типографии, которая была открыта, благодаря глупой случайности".

На этой правильно-организованной почве положено было основание новому фазису движения, в котором сделался возможен, наконец, и *центральный орган* для русского революционного дела, а бывшие

партизаны бакунизма, связанные лишь общим энтузиазмом, обратились в *революционную армию*, которая, даже при своей малочисленности, оказалась способною временно сыграть крупную историческую роль в русском обществе.

Элемент народнический в этом новом фазисе движения был наследством предыдущей эпохи, хотя идея народничества в среде революционеров и получила некоторое видоизменение. Боевой характер новой организации был элементом более новым. Однако в отдельных явлениях можно было уже заметить его подготовление.

„Бунтари“ и „вспышкопускатели“ рассмотренного здесь периода проповедывали боевой характер движения уже с самого начала, но на деле все они фатально делались более или менее мирными пропагандистами, так как общее течение было в пользу борьбы идейной, а не фактической. Выше было указано (стр. 214 и след.), как начали проявляться более резкие столкновения в форме демонстраций, вооруженного сопротивления, казни шпионов. Росли опасности. Росла жестокость преследований. Росло и раздражение.

Оно стало проявляться и в органах мирного пропагандизма и рассчитанного подготовления. Уже в 1874 году в некоторых корреспонденциях во „Вперед!“ высказывалась („Вп.“ Ш, А, 296)

„злоба, злоба, рассчитанная злоба против этих душителей“.

Когда в конце 1876 г. одною из причин перемены состава редакции было расхождение во взглядах относительно более „боевого“ характера, который советовал придать изданию старый редактор, тем не менее то-же новое общее течение диктовало в последнем томе непериодического „Вперед!“ следующие слова („Вп.“ V, 175 и след.):

„Не место здесь распространяться о том, кто явится исполнителем грозного исторического приговора, кто воссядет на трон развенчанных цезарей, какие новые кумиры воздвигнутся на месте поверженных. Но, пока исторический приговор совершится, доживающие свои дни рыцари печального прошлого продолжают свое пиршество. И на внешних, и на внутренних полях битв жертвы падают все в большем и в большем числе. Эти жертвы громко вопиют о мщении, о мщении за их поруганную честь, за их пролитую кровь, за их погубленную жизнь. Присоединяя свой слабый голос к этому торжественному

призыву, мы заклинаем вас, товарищи, крепче сжать в негодующей руке меч карающий.

„Да, товарищи, мы не только считаем себя в праве, но и признаем себя обязанными призывать вас к мщению, к беспощадному мщению за проливаемую кровь народа, за проливаемую кровь наших товарищей“.

Конечно, редакторы последнего тома „Вперед!“ звали не на „личную месть“. Но они, во первых, вполне признавали

„священным право самозащиты. „Давлению отвечает отпор“; насилию противопоставляют насилие. Единственным критерием тут может быть не принцип, а целесообразность действия“.

Во-вторых, они характеризовали, как „более радикальную мысль“, создание „русской рабочей социалистической партии“ и кончали статью „К злобе дня“ словами:

„Работайте же над созданием этой партии, этой силы! Расширяйте и укрепляйте, создав ее! Мстите, мстите, достойно мстите за народ, за павших, за свои страдания! И помните — нет мести радикальнее той, на которую мы вас зовем“.

Это было последовательно, но разницею этого настроения от того, с которым „строители царства справедливости“ обращались за границею к читателям листков 1873 г., а в России несли в народ евангелие социализма, можно было измерить изменение, внесенное в русское революционное движение событиями.

Русские революционеры переживали кризис в своем развитии, и подобные кризисы едва ли возможны без патологических явлений. Они имели и должны были иметь место при тех условиях, при которых происходило русское революционное движение. Разбору возможных и некоторых действительных патологических явлений этого периода „Вперед!“ посвятил в сентябре 1876 года специальную статью („Вп.“ № 41: „Патологические явления“). Указывая на общественную эпидемию капиталистического общества, в этой статье говорилось далее:

„Но здоровы ли все те, которые оставили или могут оставить центры заразы? все те, которые собираются хоронить старый мир? Они выросли под влиянием эпидемии; они дышали зачумленным воздухом; они с детства жили среди больных и умирающих. Им при-

ходится быть внимательными, так как от *их* здоровья зависит в значительной степени здоровье общества, которое они собираются строить. Если они внесут в него с собою элементы неизлечимой болезни, они рискуют будущностью нескольких поколений. Если они пойдут на свою трудную работу постройки нового, здорового общежития, проникнутые влияниями общественной эпидемии, они падут в бессилии при начале работы и деморализируют своих товарищей. Им приходится смотреть друг за другом: им приходится указывать друг другу симптомы болезни, в них самих гнездящейся".

Затем говорилось о людях,

„которые доработались до отвращения к существующему порядку вещей, но для которых тот личный или общественный идеал, во имя которого проснулось это отвращение, остался в области „бессознательного": они не выносят жизнь, как она есть, но под этим отрицанием не в состоянии разглядеть положительной подкладки; они мучатся своим скептицизмом, пустотою своей жизни, безысходностью в своей деятельности, не сознавая, насколько самые мучения их доказывают, что они оставили далеко за собою настоящий, заправский, скептицизм, которому не из-за чего мучиться; насколько чувство пустоты жизни есть фазис развития мысли, который при здоровой натуре должен привести к наполнению жизни определенными целями, настолько сознание безысходности в действительности есть первая и необходимая посылка для отыскания исхода.

Говорилось и о других, в которых уже

„проснулась решимость бороться с существующим злом. Они даже более или менее ясно поняли, что на них лежит нравственная обязанность этой борьбы во имя их личного развития. Но они вынесли из старого мира слишком много привычек мысли и привычек жизни. Они не могут оторваться от идолов, которым не может быть места в храме рабочего социализма. И не находя этих дорогих им идолов в храме, куда они поступают для служения, они не в состоянии сознать всю глубину и всю ширину начал рабочего социализма, не в состоянии подчинить свои привычные аффекты и привычные мысли этим началам. Они страдают на каждом шагу, потому что разочаровываются на каждом шагу и не могут не разочаровываться. Им хотелось бы разом увидеть в полном цвете общество, устроенное по новым началам, а его приходится подготовлять с трудом, с известной степенью медленности, при условиях кропотливых и некрасивых. Они

ждут, что истина, едва высказанная, разом осветит мир и покорит людей, а рутина жизни, рутина привычек представляет упорное препятствие распространению истины на каждом шагу, и они сознают порою, что и в них эта рутина сильна. Они мечтали о празднестве всеобщего спокойствия, благополучия и братства, а им приходится присутствовать и участвовать в отчаянной борьбе соперничающих интересов, непримиримых врагов, и видеть перед собою в будущем лишь неизбежное, кровавое насилие. Они думали, что строители нового мира будут все святые и герои, а это оказываются весьма обыкновенные люди со многими мелочными слабостями обыкновенной человеческой натуры, с неизгладимыми следами язв всеобщего общественного заражения, и они сами в себе сознают подобные же слабости, подмечают подобные же язвы. Они надеялись идти в бой вместе со старыми друзьями, в среде симпатичных им людей, а неумолимые принципы рабочего социализма повелевают отречься от друзей, которые не могут идти тою-же дорогою, повелевают признать товарищами по делу, братьями в бою людей, с которыми лично у них нет ничего общего.—И вот из рядов деятелей отпадают разочарованные, неспособные идти далее по трудному пути, когда их не манит иллюзия, им дорогая, но которой на этом пути нет места. Вот бросают оружие раздраженные во имя неудовлетворенного аффекта, который они не умеют покорить принципу. Вот изменяют делу фанатики, для которых не существует перспективы между важным и второстепенным, нет примирения с неудовлетворяющею их действительностью во имя высшего принципа, освещающего эту действительность. Отпавшие, раздраженные, изменившие пытаются создать себе новые храмы, где было бы место дорогим им идолам, но скоро история оставляет их разбитыми и уединенными в стороне от движения, позади его, с их жалкими игрушками, которые им так дороги, с их болезненными иллюзиями, осуществление которых невозможно. Они находят себе место в палатах громадного госпиталя, в который гонит всех окружающих господствующее заражение; они валятся в обширную могилу прошлого вместе с тем миром, против которого они собирались бороться".

Эти общие соображения автор статьи иллюстрировал несколькими явлениями последних годов. Но патологические явления этой эпохи и ближайшего следовавшего за тем времени не были исчерпаны этой статьей, хотя многое подходило под только-что упомянутые общие категории.

Одной из форм патологических явлений были в эту эпоху (точно также как не раз и в последующие) упадок духа и безнадежность даже у некоторых очень крупных натур, большею частью в связи с болезненными состояниями. Так в 1878 г., две недели после освобождения от долгого ареста, покончил с собою Ан. В. Сердюков, по словам товарищей („Община“ № 5; 16) под влиянием „неудовлетворенной жажды деятельности“ (как позже было с Бардиной), но, может быть эту печальную решимость приходится отчасти приписать и тому упадку духа, который во многих случаях обнаружился в эту эпоху кризиса.

Другим патологическим явлением было, при ослаблении раздоров между фракциями, появление новых раздоров внутри прежних фракций по самым разнообразным поводам. Конечно, многие факты, сюда относившиеся, имели место в довольно ранние эпохи. Так, Тихомиров еще в первые годы пропагандистского движения отмечает факт („Consp. et pol.“ 63):

„Я чувствовал, что мы — накануне трудного испытания. Прежде всего, чем серьезнее и решительнее была деятельность нашего кружка, тем более в нем возникали раздоры, столкновения противоположных мнений. Могли ли мы долгое время действовать вместе?“

Точно так же позже, в наилучше организованном кружке из эпохи до 1875 г., на подобное же явление указывают последние страницы сохранившихся воспоминаний Ланганса.

„К сожалению в среде товарищей по организации принципиальные раздоры начали принимать очень крупные размеры. Раздоры эти особенно резко проявились на собрании... (которое) кончилось заявлением Феликса Волховского *о выходе его из организации* в виду того, что он принципиально расходится со всеми почти членами во взглядах своих на организацию... Он держался того мнения, что здоровая организация необходимо должна подчинить члена некоторой дисциплине, без которой немыслимо преследование общего плана, невозможно рассчитывать на людей и на их деятельность, а потому силы каждого отдельного члена слабнут, уменьшаются неуверенностью в товарищах по делу и возможностью постоянных перемен в общем плане работы“.

Еще далее пошел разлад в группах, поддерживавших „Вперед!“ работою в редакции и в наборке за границею и распространением изданий в России. Члены наборни были недовольны устранением их от обсуждения дел партии в России и пришли к решению основать в Лон-

доне особую группу лондонского общества издателей „Вперед!“, равноправную с группами в России, чего не хотели допустить группы распространителей изданий в последней. Влиятельные лица этих последних групп расходились с главным редактором, как по своему стремлению монополизировать в руках *своей* фракции распространение изданий в России, так и по своему решению не допускать в организации фракции и в ее программе усиления ее боевого характера, что редактор считал своевременным по общему настроению русской молодежи. Натянутость положения должна была привести к решительным мерам. Назначен был съезд делегатов различных кружков фракции, который и состоялся в Париже в декабре 1876 года. Перед этим разосланы были в группы вопросы, охватывавшие все стороны теории и практики революционого дела, как оно представлялось в эту эпоху.

Последовавшие за съездом обстоятельства сделали невозможным получить достаточно полные сведения, как о числе ответов, полученных на эти вопросы, так и о ходе прений на съезде. На нем присутствовало два делегата из Киева (между прочим Гриневич, впоследствии утонувший), один из Одессы (Попко, о котором см. „С Родины и на Родину“ № 3), один из Петербурга [1]) и два делегата из Лондонского кружка, о равноправном существовании которого был поднят вопрос. Самым интересным элементом съезда были, конечно, отчеты делегатов о ходе социалистической пропаганды и революционной тактики на юге и на севере России. Эти отчеты показали, впрочем, разницу взглядов на тактику партии между лицами, входившими

[1]) Петербург был представлен двумя делегатами; впрочем один из них жил, как эмигрант, уже давно за границею (в это время — в Лондоне, но, по тесным связям с лицами петербургского кружка, не приступил к новому организовавшемуся лондонскому кружку). Существование этого лондонского кружка было основным поводом того, что петербургский кружок, находившийся под безусловным преобладанием одной личности, созвал съезд. Конечно, самостоятельность и равноправность лондонского кружка была отвергнута съездом, что и повело к выходу из партии руководителя технического дела в наборне и большинства наборщиков. Мой выход из редакции был обусловлен не столько этим обстоятельством, сколько тем отношением к редакционной деятельности, которое было высказано в речи петербургского делегата, преобладающее влияние которого в Петербурге и вообще в России мне было хорошо известно. Я назвал его речь „обвинительным актом“ и затем, в двух речах, изложил сперва историю издания „Вперед!“ в его литературной борьбе с препятствиями, и затем тех помех, которые вносили в его деятельность сами его сторонники. Выводя из прений, что

в ее состав. Тогда как в „Вперед!“ и в одной записке указывалось
на политическую агитацию, как на важный элемент деятельности и
говорилось даже о комитетах сопротивления, один киевский делегат
высказывался очень решительно против „возбуждения страстей“ в мо-
лодежи и почти сводил всю подготовительную деятельность на „круж-
ки самообразования“ и на составление учебников для народа. Мне-
ния относительно пропаганды среди интеллигенции очень расходились,
при чем иные считали эту пропаганду совсем лишнею. Отчет о ли-
тературной истории „Вперед!“ приводил фактические свидетельства
тому, что оказалось возможным, начав дело при весьма невыгодных
условиях, создать орган, пользовавшийся некоторым влиянием и за-
воевавший уважение заграничной социалистической прессы, когда
к этому делу был приложен достаточный труд и оно было поддержано
у литературных работников, и у наборщиков тем энтузиазмом и само-
отвержением, которое составляли характеристическую черту движения
этой эпохи в России и за границею. Но отчет о внутренних помехах
этому самому делу обнаруживал в то же время, какие опасности по-
стоянно грозили подобному делу, несмотря на самоотвержение лично-
стей. Внутренний разлад назрел настолько, что первый заграничный
съезд пропагандистов-подготовителей был не только последним, но,
повидимому, произнес политическому значению фракции смертный при-
говор. Изменение персонала наборни можно было, казалось, считать
наименее важным, так как не мало было других наборщиков, столь-же
искусных и самоотверженных; однако нравственное впечатление выхода
нескольких личностей и особенно лица, на котором лежало все техни-
ческое руководство делом, было, может быть, сильнее на русские круж-
ки, чем можно было ожидать. В литературном отношении кризис
прошел совсем благополучно: том V непериодического издания, вышед-

мое руководство изданием не встретило сочувствия и поддержки моих бли-
жайших товарищей, я сложил с себя звание главного редактора, взявшего
на себя полную ответственность за издание, но остался и членом партии,
и сотрудником издания в тех размерах, в каких оно останется верным
программе, высказанной в № 48, в т. IV и в моих ответах на вопросы, по-
ставленные перед съездом. Но мое сотрудничество не понадобилось.

Остальных лиц, присутствовавших на съезде, я не называю, так как
для большинства их мне или неизвестно, насколько сообщение их имен мо-
гло-бы еще им повредить, для некоторых-же, и из самых влиятельных, я
знаю, что им удалось во все годы погрома не подвергаться преследованиям
и они теперь фигурируют в роли мирных и благонамеренных обывателей.

ший под новою редакциею, по литературному достоинству ни в ка-
ком отношении не был ниже прежних изданий фирмы „Вперед!“. Тем
не менее он был *последним* литературным проявлением фракции, у
которой в конце 1876 г. никто не мог оспаривать некоторое значе-
ние. В 1878 г. „подготовители-пропагандисты“, как фракция,
едва-ли существовали. Знамя их было свернуто, но почти ни один
из сторонников этой фракции не выступил и под каким-либо другим
знаменем русских революционных партий. Ее история была кончена [1].

Явились среди революционеров и другие пункты раздора. Среди проповеди гармонического международного социализма стал выступать диссонанс противоположения национальностей. В последнем № „Общины“ статьи Стефановича и Драгоманова („Община“ № 8—9; 17 и след., 49 и след.) подчеркнули разницу социализма „русского“, „великорусского“ и „украинского“. С первого взгляда могли показаться несправедливыми придирками обвинения Драгоманова Стефановичем в том, что „Громада“ первого отодвигает на второй план экономические задачи социализма перед культурными задачами поддержки национальности и недружелюбно относится к русскому социалистическому движению. Драгоманов тогда еще очень явно говорил о „социалистической партии в Украине“, об „идеале федеративного социализма“, о том, что „украинцам необходимо присоединиться к идеям европейского и американского социализма“, об „организации социально-демократической деятельности на нашей Украине“; он причислял себя тогда к той „третьей“, по его классификации, группе украинцев, которые соединяли задачи и украинских „народовцев“, и „интернациональных

[1]) Очень любопытно было-бы иметь более подробные данные об этом быстром распадении и политической смерти фракции, о которой здесь идет речь, но мне эти данные вовсе не известны, а лица, способные знать их, не нашли возможным сообщить мне надлежащие сведения. — Аксельрод в конце 1878 года писал о прекращении издания „Вперед!“ („Общ.“ № 8—9; 26): „Впрочем, и эта редакция должна была в конце концов прекратить свои издания. И это не потому только, что она не удовлетворяла требованиям большинства революционных кружков. В таком случае основали-бы другие органы. Индифферентизм деятельных элементов нашей партии к делу революционной прессы вообще — вот действительная причина падения журнала „Вперед!“.

социалистов“; он даже заслужил от „народовцев“ „Правды“ весьма неприятную для него кличку „великорусского нигилиста-социалиста“. Тогда он еще мог не только привести из „Громады“ цитаты, благоприятные русским социалистам, но с особенным сочувствием говорить о позднейших (1878) проявлениях между ними революционного „темперамента“, о пробах „сопротивления“ и „самообороны“, об „историческом“ поступке Засулич. Однако, люди, обладавшие достаточной чуткостью, могли уже тогда заметить, что совсем иная тактика подразумевалась социалистическими федеративными принципами, обусловливавшими разделение федераций и их тактику по разнице *юридических* условий, существующих для социализма в разных государствах, и драгомановским планом группировки и федерации по *национальностям* (соединяя личности, жившие под конституцией Австро-Венгрии, с теми, которыми правили сатрапы Киева и Полтавы, и отделяя группы социалистов Чигирина от групп Воронежа или Рязани). Эти более чуткие наблюдатели могли заметить, что отношение „Громады“ к подвигам и страданиям людей, боровшихся и страдавших за социалистическое дело в России, было гораздо более похоже на отношение первой к парижской коммуне и к стачкам в Италии, чем к тому признанию дела Перовских и Михайловых *своим* делом, которое украинец Фроленко или еврей Зунделевич вносили в свои личные слово и дело. Эти более чуткие могли между строками „Громады“ и статьи в „Общине“ № 8—9 предвидеть позднейшие слова и действия редактора „Вольного Слова“, исключившего из своего журнала социалистические отзывы Аксельрода о международном конгрессе и с ненавистью относившегося к „темпераменту“, к пробам „самообороны“ и к „историческим поступкам“ деятелей „Народной Воли“. Зародыш позднейших патологических явлений этого рода уже был на-лицо.

Более мимоходным явлением, тем не менее затронувшим такие крупные личности, как А. Михайлов, было допущение в революционную технику орудия религиозной пропаганды. Указано было выше (стр. 195), что некоторые группы (именно одесская) нашли неизбежным, в своей пропаганде в народе, вполне открыто высказывать и доказывать свои антирелигиозные убеждения. Были попытки действовать в среде раскольников, но они решительно отвергались большинством подготовителей пропагандистов и были признаны на опыте несостоятельными (Брешковскою, как мы видели выше, см. стр. 189 и след.). Тем не менее, при ослаблении принципиальной пропаганды,

эта попытка была возобновлена; между прочим, Ал. Михайлов посвятил ей свою замечательную энергию в продолжении некоторого времени в Саратовской губернии. Он пишет (см. „На Р.“ № 3; 23 и след.), что в 1878 г. он

„на зиму окончательно поселился у раскольников в Саратовском уезде. К деятельности среди раскольников я относился чрезвычайно любовно и решился побеждать всякие трудности. Мне пришлось сделаться буквально старовером... Мир раскола пленил меня своею самобытностью, сильным развитием духовных интересов и самостоятельно-народной организацией. Это — могучее государство в государстве чиновничьем. Меня сильно манили тайники народно-общинного духа, область истинно-народной жизни и народного творчества. У меня образовались уже прочные связи. Я мог проникнуть уже и в сибирские тайные скиты, и к астраханским общинам (коммунистам), и к бегунам, и в Преображенское кладбище. Но, увы! пришлось все бросить“.

Автор примечаний к его автобиографии говорит (там-же, 23, прим.) о нем:

„В силу сектантства он глубоко верил; религиозным, в формальном смысле слова, он не был и тогда, но однако имел какую-то особую подкладку в миросозерцании, которая очень приближалась к религии... У него была какая-то идея (смутная для посторонних, потому что он мало говорил об этом, может быть смутная и для него самого), что идеалы социальной революции должны создать людям некоторую новую религию, которая-бы так-же поглощала все существо человека, как это делали старые“.

Уже совершенно определенно за внесение религиозно-метафизического элемента в социалистическую пропаганду, устраняя начало революции и всякой насильственной борьбы (предвосхитив проповедь Л. Н. Толстого), стояла группа так называемых „богочеловеков“, организованная около Маликова. Он выступил в Орле, как основатель новой религии в 1874 г. Тихомиров пишет об этом явлении („Cons. Pol.“ 90 и след.):

„Ходили слухи, что в Орле возникла новая религия. Скоро слухи подтвердились, и один из наших друзей приехал к нам страстным апостолом Маликова.

„Это было событие, событие самое необычное и неожиданное, так как до тех пор это был самый уважаемый, самый любимый из на-

ших предводителей. Теперь он отвергал наши принципы. Догматическая сторона новой религии была изложена весьма неопределенно.

„Она еще не выработалась, говорил он.

„Но тем сильнее была полемика его с революционерами:

— „Человечество возродится любовью и добровольным убеждением... Революционеры! и вы устарели: вы обращаетесь к уму, но забываете чувство. Не ожидайте никакого добра от кровавой войны между людьми: из войны происходит война и снова война — без конца... Опасайтесь насилия, лжи, лицемерия. Все — *люди* и потому врагов не существует".

Во „Вперед!" приходили об этом корреспонденции. Рядом с известием о первом массовом движении в народ энтузиастов революции, призывавших народ к восстанию, приходилось писать („Вп." III, А; 236):

„И в это-то самое время, среди передовой молодежи произошло в высшей степени странное явление, истинную причину которого мы до сих пор объяснить себе не можем, несмотря на многочисленные корреспонденции, по этому поводу полученные. Несколько заметных и талантливых деятелей из числа передовой молодежи отреклись от революционной деятельности во имя мистического учения с проповедью любви ко всем, даже к врагам, даже к притеснителям истины".

И позже, отмечая прекращение этого печального явления в России и переход новых сектантов туда, куда обыкновенно шли в последние века все сектанты Европы, отрывавшиеся от действительной жизни — в Америку — это движение, заключившее тогда уже свой цикл, было характеризовано там-же следующим образом („Вп." № 41; 562 и след.):

„В самый разгар движения русской молодежи в народ с проповедью борьбы на почве экономических интересов, с проповедью разрушения старого общественного строя, под развалинами которого приходилось погребсти врагов народа — в это самое время войско русской социальной революции, едва начавшее формироваться в разбросанных неорганизованных отрядах, было деморализовано раздавшейся в его рядах проповедью новых „богочеловеков", толковавших ему о „божественной сущности", которую приходилось „вскрывать" в себе каждому и которая охватывала своею любовью не только сознательных борцов за народ, но и всех врагов его, жандармов и биржевых спекулянтов, железнодорожных царей и его величество Александра Николаевича. Во всех их могла быть „вскрыта божественная сущность" все они могли войти в мистическое царство любви богочеловеков; и потому насилие, кровавая борьба, агитация, вызывающая рабочего на бой против его эксплуататора — все это была проповедь зла, все это был грех против духа святого. Наука логики должна была умолкнуть пред тем непосредственным созерцанием истины, традиции которого, через Шеллинга и его товарищей, восходили к Якову Бэме, сапожнику-мистику начала XVII века, и даже далее. Снова ум человеческий и жизнь человеческая должны были быть отуманены внесением в общественные теории терминов, так давно мешавших ясному пониманию всего реального мира — „религия", „бог", „божественное начало в человеке", и т. д. и т. д. Снова христианская троица, наделавшая так много хлопот древним соборам, средневековым схоластикам и немецким метафизикам, становилась мистическим истолкованием религии и истории человечества, как во время Крэйцера и самых жалких извращений гегелевской диалектики. Русской молодежи, унаследовавшей скептицизм XVIII века, вышколенной материалистической проповедью Герцена и Чернышевского, в последнее время впитавшей в себя всеми порами позитивизм Конта и философию фатального развития Спенсера — как будто угрожал припадок самой жалкой и отсталой метафизической мистики, и при том в форме, которая должна была побудить молодежь бросить начавшуюся борьбу за народ, начавшуюся агитацию в народе для насильственного завоевания лучшего будущего. — К счастью, припадок оказался очень легким. Русская молодежь осталась в огромном большинстве верна своей традиции и не захотела „вскрывать божественную сущность" в жандармах и биржевиках. Небольшая группа сектаторов ушла тем путем, который был указан выше, в Америку жить для *собственного развития* и погибнуть бесследно для человечества среди новаторов спиритистов, новаторов вегетарианцев, новаторов мормонов и шэкеров, наконец среди обломков всех сект религиозных, полурелигиозных и антирелигиозных, которые отказались от исторической борьбы для самоусладительного прозябания в монастырях новой формации. Чуждые современной борьбе в России, чуждые народу русскому, которому они предоставляли страдать и гибнуть под давлением его эксплуататоров, они вышли из современной истории. В настоящую минуту едва ли стоило-бы упоминать об этом явлении, если бы оно не служило характеристическим примером, насколько восприимчивы в общественной заразе даже самые заметные

деятели... Остра болезнь в обществе и опасна для всех, если она может выхватить из рядов деятелей и столь заметные личности. Истинное понимание социализма требует усиленной работы, если его недостаток может заражать даже немногих из рядов деятелей молодежи такими патологическими припадками".

Еще вреднее, может быть, следует признать для революционного движения попытку волновать крестьян при помощи подложной царской грамоты, имевшую место в Чагиринском уезде на почве упомянутого уже выше (стр. 212 и след.) народного недовольства и вызванных им беспорядков. Едва-ли не приходится в этом случае вполне согласиться с Драгомановым, который, внимательно следя за всеми ошибками „русских" социалистов, признавал („Общ." № 8-9; 55) в подобных „подложных грамотах от царя примирение с тем, с чем следует бороться". Если этот печальный факт не имел гораздо более вредных последствий для русского революционного дела и особенно для нравственного влияния социалистической интеллигенции среди народа — это была уже не заслуга социалистов, позволивших себе прибегнуть к такому приему.

Приходится признать правым того-же внимательного критика „русского" революционного дела и в его отзыве (там же) о другом патологическом явлении той же эпохи, именно относительно „расправы" с Гориновичем, вызвавшей необходимое — и весьма недостаточное — объяснение Дейча („Общ." № 8-9; 16 и след.) и вообще порицание подпольной прессы — за *одним* исключением, о котором сказано выше (стр. 155).

Все эти патологические явления имели своим непосредственным источником неудачу движения 1873—74 годов, которую приходилось признать всем. Рядом с вызванными этою самою неудачею практическими попытками кружка обвиненных по процессу 50 продолжать прежнее дело при лучшей организации кружков „пропагандистов" и „Земли и Воли" выработать новую тактику, — мы встречаем всюду откровенное признание этой неудачи. Редакция „Вперед!" указывала на „ошибки и промахи в деятельности русских социалистов" („Вп." V, 160). Автор „Подпольной России" характеризует движение не только этих, но и следовавших за тем годов словами („Подп. Р.„ 18):

„1876 и 1877 годы были самыми мрачными и тяжелыми для русских социалистов. Движение „в народ" обошлось страшно дорого. Целое поколение было беспощадно скошено деспотизмом, в припадке овладевшего им безумного страха. Тюрьмы были переполнены заключенными. Так как старых не хватало, то строились новые. Но каковы-же были результаты всех этих жертв?.. Они были подавляюще ничтожны в сравнении с громадностью затраченных усилий!"

В августе 1874 года Ободовская (в письме, помещенном в „Обв. акте") относилась к результатам движения в следующих выражениях:

„Тяжело то́, друг, что большинство личностей, несмотря на единичные и серьезные ошибки и провалы, несмотря на множество поучительных для себя фактов, не становятся искренними, прямыми, беспристрасными аналитиками всего происшедшего в этот год; никто почти не сводит серьезно счетов с собою и с тем общим целым в его содержании и формах, которое успело достаточно выразиться и характеризоваться крайне грустно, даже мрачно... Не принимая сама непосредственного участия в попыточной практике, я тем не менее наблюдала и переживала целое в его частностях простых и более сложных, которыми оно разрешалось от поры до времени; из них я составила понятие о тех средствах, которыми располагает теперь народное дело; вижу я, живого нам дела теперь вовсе нет, и даже в живом зародыше... Наши пропагандисты пропорхнули по Руси и нигде не пристроились, потому, вишь, что все местности попадались им неблагодарные; им приходилось отказаться от прежней сладкой надежды, что ничего не делая, живя на чужой счет, ведя праздную жизнь в среде рабочего люда, они могут делать что-нибудь путное... Вот и не выходили они себе ничего с своими особыми несвоевременными требованиями... Тысячи истратили они на свои демократо-туристские странствования; анархисты-же главным образом занимались организацией провинциального юношества для немедленного поднятия революции... Теперь-же народ не знают и a priori решают: писать книжки нужно, а о чем не знают, они думают отдуваться книжками, сочиняемыми ими, которые более мечтают о народе, чем знают его. Запасшись ими, побаловавшись мастерскими один, два месяца, они отправляются на дело. Опять начнется старая песня. Все страшные провалы, кои были до сих пор, не научили, как видно, ничему товарищей наших... Провал прокламационистов; провал с рабочими фабричными

и заводскими; провал с крестьянами Ярославской губернии ничего не указали".

Аксельрод писал в конце 1878 г. („Переходный момент нашей партии" в „Общине" № 8-9; 21 и след.):

„Наше революционное движение проходит теперь критический момент своего развития. Нам приходится переживать самый тяжелый фазис в жизни партий и народов — фазис брожения и дезорганизации, всегда сопровождающих так называемые переходные эпохи. Хаотическое состояние умов, отсутствие ясных и определенных взглядов на основные цели и средства социальной революции, полнейшее отсутствие организации или правильного распределения функций между разными составными элементами нашей партии и постоянного тесного отношения между ними — такова, в самых общих чертах, характеристика современного ее состояния...

„Исходным пунктом революционного движения в России в 1873—74 гг. было стремление осуществить свободную федерацию общин, пользующихся на коллективных основаниях землею и всеми орудиями труда. Единственно рациональным путем, ведущим к осуществлению такого социального порядка, признано было возбуждение народной инициативы и самодеятельности как в борьбе с нынешним строем, так и в деле создания нового порядка на развалинах старого. Пропаганда социалистических идей среди народа и организация его сил для сознательной и единодушной борьбы с его угнетателями — вот что, поэтому, провозглашено было главным делом социалистов в России. Таково было наше знамя в 1873—74 г.

„Прошло уже около 6-ти лет с тех пор, как в России возникло это направление. Можно было ожидать, что за этот промежуток оно окрепнет, полнее и резче обозначится в своем применении к особенностям местных условий жизни в России, войдет в плоть и кровь правильно организованной *народной партии*. На деле вышло однако не то. Элементы последней, правда, уже существуют, но от организации их в партию еще далеко. Мало того; мы сами не сумели организоваться в силу, руководимую определенно и последовательно системой идей, или, точнее, программой, в которой цели и средства не противоречили бы друг другу. Наоборот, мы раздробились на массу кружков под разными наименованиями...

„Наиболее нравственно развитая часть учащейся молодежи берет *исключительно* на свои плечи столь грандиозную задачу, как подготовление рабочих масс к сознательной и организованной борьбе с враждебными им элементами...

„Поставленные среди наиболее *тяжелых* условий для выполнения нашей цели, мы в то же время должны были выступить на борьбу с этими условиями, обладая для этого наименьшим количеством средств. Таким образом мы наперед обречены были на совершение множества промахов и на претерпение ряда неудач. Впрочем, скудость наших знаний и недостаток опытности можно-бы, при более благоприятных обстоятельствах, постепенно пополнить во время практической деятельности. И некоторые из нас так и надеялись, что неизбежные первоначальные ошибки легко будет потом исправить, по мере столкновения с действительностью; что недостаток знаний можно будет затем восполнить, сообразно запросу на них самой жизни. Но железные условия русской жизни разбили и эти надежды".

Стефанович выражался тогда же („Наши задачи в селе", там же 32 и след.):

„Веками отчужденные от простого русского народа, не имея с ним почти ничего общего — мы понесли в его среду идеи социализма. Каждый из нас ожидал встретить в народе такие качества, которые во многих отношениях ставят его на высоту, несравнимую с нашим нравственным уровнем. Пропаганда пронеслась по 37-ми губерниям. Мы шли с самыми широкими надеждами. Нам казалось, что народ готов принять наши учения во всей их научной полноте; нравственные стороны этого народа, который мы так идеализировали, служили нам в том ручательством. Мы верили, что своим появлением в деревне, смелым словом правды и готовностью жертвовать во имя интересов народа не трудно расшевелить в нем мысль и поднять смелость его духа. Таким путем думали мы приблизить осуществление революции настолько, что готовы были по пальцам считать годы, когда она разразится со всей народной мощью и широтой. Вера и энтузиазм придали нашему движению грандиозный, массовой характер.

„К сожалению, мы можем разве с приблизительной точностью сказать, каковы результаты этой небывалой в России по размерам пропаганды в народе. Дезорганизационность движения и способ пропаганды в виде распространения книг и устной проповеди, не могли оставить по себе особенно обильных реальных плодов. Наши идеи *в большинстве случаев*, вероятно, остались в умах крестьянства только в виде подтверждения или санкции тех желаний, какие уже

существовали в нем, вырабатанные его собственной жизнью. Не одному из нас личным опытом пришлось убедиться, что это так".

Совершенно естественно „Набат" в виду *своей* программы действия, подвергал самой строгой критике пропагандистскую деятельность 1873—75 годов.

Главным образом причины этих неудач видели или в неумелой форме пропаганды, или прямо в том, что идейная пропаганда была недостаточным, а то и вовсе негодным орудием для русской революции.

Уже в „Потерянных силах революции" („Вп." II. 236 и след.) высказывалось о пропаганде среди народа:

„Ее трудность лишь в том, чтобы народ *поверил* пропагандисту из „интеллигенции"; чтобы ни признал его не болтуном, не врагом, не хитрым агитатором из эгоистических целей, а *своим* человеком".

В 1875—76 годах, когда тактика „троглодитов", тактика „поселения в народе" сменила прежнюю тактику бродячей пропаганды в народе, последнюю открыто осыпали насмешками (см. „Consp. Pol." XVIII). Другие порицатели шли далее и считали революционную организацию не соответствующею русскому характеру. Автор „Подпольной России" и позже писал (166 и след.):

„Следует заметить, что русские, вообще говоря, всегда были плохими конспираторами. Люди, подобные Софье Перовской и Александру Михайлову, составляют у нас редкое исключение. Широкая русская натура, привычка делать все „миром", тесность личных отношений и, нужно признаться, славянская распущенность — все это трудно мирится с основным конспиративным правилом: говорить о деле только с тем, с кем должно говорить об этом и никогда не с тем, с кем можно об этом говорить, хотя-бы с полной видимой безопасностью. Поэтому революционные тайны обыкновенно хранятся не очень строго и, раз выскользнув из тесного кружка организации, они распространялись с удивительной быстротой по всему радикальному миру".

Еще более сильным аргументом за бесполезность русского революционного движения был недостаток революционных сил. Право революционеров на провозглашение своей программы признавалось безумием, „пока они бессильны" („Вп". III, 10). Отпадали люди, разочарованные будто-бы из-за „отсутствия всяких идеалов" в обществе, из-за его „бессилия", из-за „бессилия личности". Многие пропагандисты-народники находили неудачу неизбежною вследствие того, что интеллигенция собственными силами и не имела никакой возможности совершить социальную революцию. („Вп." № 28; 97 и след.).

„Русский интеллигентный класс, на основании всего своего прошедшего, совершенно бессилен для произведения не только социальной революции, но и какой-либо политической революции серьезного характера. Он, отдельно взятый, не может даже ее подготовить. Всякая революция требует в своих подготовителях и совершителях двух условий: во первых, традиционной привычки солидарного действия; во вторых, не только групп более или менее ясно понимающих революционную задачу, и групп, сочувствующих ее практическим требованиям, но еще реальной связи революционных деятелей с массами, которые если не поднялись-бы сами по инициативе агитаторов, то пошли-бы за предводителями, доверяя их искренней готовности действовать для народного блага... В России оба упомянутые условия безусловно отсутствуют: интеллигентный класс лишен всякой привычки солидарного действия и отделен от народа чуть не двухвековым недоверием.

„При самой подготовке революции в среде самого интеллигентного класса произойдут обыкновенные явления, столько раз повторявшиеся, что их приходится признать нормальными: сначала горячее самоотвержение для народного дела под влиянием нескольких крупных личностей; затем гибель этих личностей; затем уныние и охлаждение большинства; затем примирение его с существующим порядком. Многие будут поддерживать союз революционеров, пока в нем будет присутствовать одушевление, пока он будет крепок несколькими влиятельными личностями; в эпоху-же его распадения, уныния, никто не придет к нему на помощь; лучшие захотят продолжать дело в одиночку, партизанами революции, ругая неспособность и бесхарактерность товарищей, и тем разрывая последнюю силу союза, так как сила всякого революционного союза не в единицах, не в партизанах-героях, а в его связи, в его *коллективном* действии, в его *солидарности*. Не привыкшие ценить солидарности, не находя поддержки ни в своей среде, ни в обществе, лучшие представители социально-революционной мысли будут в каждую минуту готовы или сами отойти совсем в сторону от дела из-за личного самолюбия, из-за неуживчивости с другими, из-за личной фантазии, или поставить товарищей в необходимость разрушить уже образовавшиеся группы

подорвать результаты уже готовой работы. Всякая история русского интеллигентного класса выдвигала для него на первый план *личные* вопросы, придавала даже общественной деятельности его членов *личный* характер; и *личные* вопросы удержат почти неизбежно преобладающее влияние во всякой революционной деятельности, опирающейся преимущественно на силы и на формы жизни интеллигентного класса в России. Он не в *состоянии* создать солидарной революционной организации".

Там-же (№ 20) было указано на „рабские привычки", унаследованные русскою интеллигенциею. И Драгоманов тщательно подчеркивал в ней („Общ." № 8—9; 54)

„несоответствие слов и дела, слабость настойчивости и духа сопротивления начальству и нападения на него".

Наконец в некоторых статьях, полученных редакциею „Вперед!" из России и напечатанных ею с возражениями, высказывается самый безнадежный взгляд на положение дел, взгляд, который редакция журнала, возмущаясь против него, формулировала следующим образом („Народное миросозерцание и социальная революция" в № 31; 196 и след. в ответ на корреспонденцию: „К вопросу об условиях революции в России" в том-же номере):

„Пропаганда *партии*, расширяющая и укрепляющая *партию*, бессмысленна. Но это — *единственное* дело социально-революционной партии, по мнению автора. Если оно невозможно, вредно и бессмысленно, то у партии нет *никакого* дела, сама партия не имеет смысла, само социально-революционное дело невозможно. А так как политические революции уже отвергнуты заранее, то приходится отречься от *всякой* революционной деятельности. Сложите руки, русские социалисты, русские революционеры; смотрите, как народ гибнет, как общество деморализуется, и ждите... спасителей из-за границы. Сложите руки, ждите, или... пустите себе пулю в лоб".

И так, сознание в неподготовленности интеллигенции к революционному делу при условиях, существовавших в 1875—77 годах, было очень распространено. И немедленное обращение к революционной пропаганде социалистических принципов, к вызову восстания в народе, и медленное подготовление настоящих революционеров в России путем личного развития мысли и знаний оказались приемами неудачными и представляющими опасности, устранить которые не было, повидимому, возможности. Вредные привычки были многочисленны. Патологические явления разрастались и обещали новые подобные же явления. Энтузиазм первого „движения в народ" был уже делом прошлого. „Подготовители" сами почти добровольно сходили с политической сцены. На что можно было рассчитывать? Была-ли возможность рассчитывать на что-либо?

Да, можно и должно было рассчитывать на то, что, независимо от иллюзий, которые должны были разлететься, независимо от неподготовленности сеятелей будущего, независимо от сделанных ошибок, которые были неизбежны при данных условиях — исторический процесс должен был сделать свое дело. Семя социальной революции было брошено на русскую почву в той принципиальной форме, в которой оно уже всходило на почве всех передовых народов Европы. Семя политической силы, враждебной абсолютизму, давно уже взрощенное мирными мистиками времен Новикова, декабристами — членами тайных политических союзов по образцу Запада, либеральною литературою, сумевшею делать свое дело даже при Николае I, наконец проповедью Герцена и Чернышевского, это семя, столько раз побитое градом административных гонений и рабских привычек общества, всходило гуще и крепче прежнего под руками новых сеятелей, вложивших в новое дело небывалый энтузиазм, небывалое самоотверженение, может быть еще более небывалую сплоченность для общего дела. Интеллигенция русская имела все те недостатки, которыми так возмущались авторы „Революционеров из привилегированной среды", все те „рабские привычки", на которые строго указывали „украинские" социалисты; однако именно эта интеллигенция сумела не только выставить личности, которые в середине 70-х годов способны были ясно и определенно формулировать задачи революционного социализма, как это было сделано на процессе 50-ти, но оказалась способною, с одной стороны, вызвать то массовое движение на помощь народу, которое охватило 37 губерний, с другой — выработать чрез немногие годы такую организацию и такую энергическую деятельность, которая могла идти в параллель с самыми крупными политическими проявлениями протестующего меньшинства в истории какого угодно народа.

Но влияние социалистической пропаганды шло и далее. „Землеволец“, довольно строго и критически относящийся к делу пропагандистов 1873—76 годов, тем не менее говорит о

„влиянии, которое пропаганда оказала на ту часть нашей молодежи, которая, не примкнув к социалистическому движению *активно*, стала к нему в положение *сочувствующей*. В *общем* влияние социалистического движения на общество и интеллигенцию en masse выразилось в том, что оно внесло некоторое оживление в будничную их жизнь, развернуло перед ними ряд необычных явлений, заставило их, между прочим, призадуматься над такими вопросами, над которыми они раньше, по косности своей, и не дерзали этого. Вопросы, например, *политического свойства* сделались с того времени предметом все большого и большого обсуждения“.

Точно также народ русский не был поднят пропагандою энтузиастов 1873—1878 годов и не мог быть ею поднят, так как массы поднимаются лишь тогда, когда идея, которая их поднимает, совпадает с более или менее ясно понятыми их интересами; однако этот народ не только выставил отдельные личности Алексеевых и Желябовых, но оказался во многих случаях восприимчив к проповеди в его рядах, кое-где отстаивал энергически „внушителей“, был способен дать на юге материал для организации Заславского, и, отмечая события 1878 г., „Календарь Народной Воли“ мог занести в свою летопись к декабрю 23 и 30 два „генеральных собрания Северного Рабочего Союза“. „Земледелец“ говорит о результатах социалистической пропаганды в народе в эту эпоху:

„Единственное, что можно сказать с некоторой уверенностью, это — то, что пропаганда в значительной мере *обострила* в народе то брожение умов, которое еще раньше, вследствие других влияний, началось в нем. Масса слухов и толков о переделе земли и разных других переменах, имеющих в виду интерес народа, стали распространяться в его среде с большим еще упорством, чем прежде. Конечно, влияние это неуловимо, нельзя его ни измерить, ни вычислить, но оно *несомненно* было“.

Верно также замечали критики, что русские — плохие конспираторы, но именно эти годы, которые обнаружили этот их традиционный недостаток, были годами выработки новых типов „конспираторов“. „укрывателей“ или даже „безымянных политических деятелей“, которые иногда так и сходили в могилу или терялись в толпе незаметных обывателей, совершив свое скромное дело и не оставив после себя даже имени [1]). Для типов, таким образом вырабатывавшихся, достаточно прочесть в „Подпольной России“ главы: „Укрыватели“ и „Тайные типографии“ и в книге Тихомирова главы: „Тайная типография“ и „Шпионы и противодействие им (Mouchards et Contre-mouchards)“. Это — всходило брошенное семя.

Социалистические принципы были усвоены и определенно формулированы. Народничество оставалось характеристическою чертою партии во всех ее фракциях. Но смысл этого слова изменился. Оставались прочными убеждения („Вп.“ I, 12):

„На первое место мы ставим положение, что перестройка русского общества должна быть совершена не только с *целью* народного блага,

---

[1]) Таков был, например, тот „третий“ обитатель конспиративной квартиры, где находилась тайная типография, о котором автор „Подпольной России“ пишет:

„Фамилия третьего из обитателей квартиры так и осталась тайной. Уже больше трех лет он находился в рядах партии и пользовался всеобщей любовью и уважением; но его настоящего имени никто не знал, потому что тот, кто ввел его в организацию, умер, а все остальные звали его не иначе как „Птицей“ — прозвище, данное ему за голос. Когда, после отчаянного четырех-часового сопротивления, типография „Народной Воли“, где он работал, принуждена была сдаться и солдаты ворвались в дом, он покончил с собой выстрелом из револьвера. Так безъименным он жил, безъименным сошел и в могилу.

„Это был совсем еще молодой человек лет 22—23, высокий, тонкий, с худощавым лицом, обрамленным прядями длинных иссиня черных волос, оттенявших еще больше его мертвенную бледность — результат долгого лишения свежего воздуха и света и постоянного пребывания в атмосфере, наполненной ядовитой пылью свинца. Живыми оставались только глаза, большие и черные, как у газели, лучистые, бесконечно добрые и грустные. У него была чахотка, и он знал это, но все-таки не хотел покинуть свой пост, потому что был опытным наборщиком, и заменить его было некем“.

Мне самому пришлось сказать несколько слов на парижском кладбище над могилою эмигранта, умершего в госпитале от чахотки, и о котором все собравшиеся над его могилою русские знали только, что его звали Андреем, что это был социалист и что он играл крупную роль в Киеве. Лишь впоследствии узнали, что это был Рахальский, он же Гусанов (см. „Кал.“ 181).

не только *для* народа, но и *посредством* народа... Только союз интеллигенции единиц и силы народных масс может дать победу".

Но форма этого союза и способ, которым народ совершит перестройку, долженствующую иметь место „посредством" народа, требовали дальнейшего более внимательного изучения и более долгого опыта. Каковы могли, каковы должны были быть при этом подготовительные фазисы сближения интеллигенции и народа, фазисы подготовления интеллигенции к ее роли помощников народа и подготовления народа к его роли самоопределителя своих судеб? — эти вопросы предстояло решить следующим эпохам движения: эпохе деятельности народников „Земли и Воли", с их *попытками крепкой организации* интеллигенции, расселяющейся в народе; эпохе народников „Народной Воли", с их *действительною организациею* интеллигенции для борьбы с правительством, как главною помехою свободного и самостоятельного подготовления народа к его самоопределяющей роли.

Народничество было, наконец, завещанием, воспринятым от эпохи пропаганды настоящими и будущими русскими социалистами в связи с теми ближайшими целями и с тем пониманием роли интеллигенции и народа в будущем движении, которые постепенно вырабатывались и вырабатываются на нашей родине. Эти цели и это понимание вырабатываются под влиянием личных убеждений отдельных единиц; под влиянием роста классового сознания в народе; наконец, под влиянием событий истории, которые, независимо от воли первых и от развития сознания в последнем, обусловливают эпоху волнения или затишья, возможность кое-каких реформ, облегчающих процесс перехода к новому, или неизбежность взрывов удачных или неудачных, но всегда тяжелых. Эти эпохи, составлявшие для деятелей 1873 — 1876 годов еще неизвестное им *будущее*, должны были представить *свои* задачи и подвиги, *свои* успехи и *свои* ошибки; но даже самая возможность тех задач, тех подвигов, тех успехов и тех ошибок, которые должно было вызвать это будущее, определилась в значительной мере не только новыми условиями борьбы, но и тем, что уже сделали энтузиасты-народники рассмотренного периода.

Ход событий установил немалую разницу между состоянием умов в Западной Европе и в России в ту эпоху, когда для человечества вообще наступил момент исторической роли для социализма.

Он мог вступить в эту историческую роль при определенных условиях. Это был, прежде всего, результат ясного понимания классовых интересов рабочих; это был, во-вторых, нравственный идеал, который один способен удовлетворить требования справедливости при настоящем развитии мировой интеллигенции; это был, наконец, неизбежный фазис экономической и политической истории цивилизованных наций, фатально подготовленный самими врагами социализма. Как результат трех могучих исторических сил, он *не может не восторжествовать*. Но пути этого торжества могут — и даже должны быть — очень различны среди разных наций, вследствие исторических условий, существующих в каждой из них. Кризисы, переживаемые ими, могли, могут и должны быть и по их качеству, и по их напряжению, и по их опасности, различны для каждого народа.

Здесь и лежит разница между явлениями социализма западного и русского.

В Западной Европе социалистическая проповедь во второй половине нашего века приняла характер весьма близкий к нормальному. На почве машинного производства и всемирной конкуренции из-за рынков, выработался пролетариат, которому юридические условия позволили сплотиться и в котором росло на почве стачек сознание противоположения его интересов интересам эксплуатирующих его патронов. Когда раздался призыв: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!", особенно же когда Генеральный Совет Интернационала открыл свои заседания, когда „Капитал" Маркса выставил теорию прибавочной стоимости и классовой борьбы, вполне готовые элементы сознанных интересов формулировались в „классовом сознании рабочих". Партия рабочих была уже „в возможности" повсюду, и на этой почве создался крепкий союз социалистической интеллигенции и рабочего пролетариата всех стран. Отсюда слабость кризисов этой эволюции и замечательные успехи последней.

У нас положение дел как раз противоположно. Среди огромного населения, не имевшего возможности усвоить наслаждение развитием и потребность развития, среди господствующих классов, живущих или по обычаю, или в борьбе за самые низменные интересы, под жестоким гнетом абсолютизма, история петербургского периода, в оппозицию старому московскому застою, выработала незначительную по числу интеллигенцию, жадную до самых последних результатов мирового идейного движения. Эта интеллигенция была поставлена в необходимость сделаться посредницею между продуктами этого движения и обществом, чуждым ясного сознания своих самых насущных

*

коллективных интересов и в котором абсолютизм вытравил самые элементарные привычки солидарности. Эта интеллигенция стала неизбежно опозиционною, однако и в политической оппозиции, и в проповеди общественного прогресса она не могла быть ничем иным, как силою *идейною*. Как сила идейная, литературная, сближающая местные элементы с заимствованиями из идейных сфер других стран, она двинула декабристов на дворцовую площадь, создала литературу гуманитарных идей под сапогом Николая I, перенесла в московские и петербургские кружки утопии Сен-Симона и Фурье, позже, в молодежь университетов и гимназий, анархизм Прудона и Бакунина, идеал рабочего и научного социализма. Во всех этих фазисах двигателями являлись не стихийные силы, действующие под влиянием все яснее сознаваемых коллективных интересов, а небольшое меньшинство личностей, стоящих по развитию, по пониманию и по личной энергии далеко выше большинства, которое оставалось под игом обычая, знало заботы лишь о мелких интересах и в котором отсутствовала всякая личная инициатива. Эти идейные деятели, именно вследствие своего духовного уединения, не могли не преувеличивать и представление о своих силах, и могущество и привлекательность идей, их бросавших в историю. Они не могли также — как сила идейная — не встретить сопротивления в унаследованных, обычных формах культуры и мысли, сопротивления, еще более упорного, чем в императорской полиции и в бюрократии. Народнический социализм начала 70-х годов стал как бы светскою религией; он бросил в народ тех страстных „искателей истины", о которых пришлось упомянуть и ренегату, готовившемуся отречься от своих вчерашних верований (см. „Consp. et Pol."); тех „апостолов" нового светского евангелия, которые изумили мир. На зло классовым интересам, на зло обычной рутине, именно из класса, сознанные интересы которого, не только материальные, но и умственные — интересы обширного развития — были противоположны сознанным интересам народных масс, обездоленных и в материальном, и в умственном отношении, вышли „народники", доходившие до желания забыть то, чему они учились, чтобы быть ближе к народу. Приходилось бороться с беззастенчивым правительством, поигравшим в реформы, но быстро перешедшим к реакции последних 30-и лет. Приходилось бороться и с обществом, проникнутым и вредными привычками мысли и жизни, и трусостью за свой интерес, за свою шкуру. Приходилось бороться и с собственною неподготовленностью,

с собственным отсутствием героических традиций, с собственными „рабскими привычками". Кризис не мог быть иным, как очень тяжелым. Это было естественное, неизбежное следствие условий, при которых совершалась и совершается история.

Но русская интеллигенция, сделавшаяся народническою, сознательно социалистическою и революционною, пережила этот кризис, которому подобного не представляла, да и не могла представить ни Западная Европа, ни Америка. Она сосчитала жертвы, созналась пред собою в ошибках и в увлечениях, взвесила и силы врагов, и собственную энергию, и пошла искать исхода из этого кризиса, оставаясь верною основным задачам социализма рабочего, научного и международного, и неумолимой вражде к императорскому абсолютизму [1]).

[1]) Лишь здесь я имею возможность внести поправку к стр. 121 (давно уже отпечатанной) и к примечанию *), там помещенному. Из статьи Ф. Волховского в № 28 лондонского „Летучего Листка" стр. 6, от 18 января 1896 г., я узнал, что „Сказка о Копейке" принадлежит перу столь трагически погибшего С. М. Кравчинского.

Приложение.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

Оглавление.

